

СКАУТСКИЙ БОРЩ

Воспоминания

СКАУТСКИЙ БОРЩ

ВОСПОМИНАНИЯ
русских скаутов в разное
время и в разных странах

Редактор-составитель
Аста Аристова

Нижайший поклон всем тем, кто помог сварить «Скаутский борщ».

СПАСИБО!

Кушайте на здоровье!

Обложка: Жана Доброва

ISBN 978-0-9755446-1-7

Santa Rosa, CA 2010

Посвящение

Всем тем, кто, стоя в строю,
вдали от России, на призыв:

«Будьте готовы!»

со всеми вместе громко кричал:

«Всегда готовы! За Россию!»

Аста Аристова

Предисловие

Или слово о том, как создавалась эта книга.

Наступал сотый юбилей российского разведчества, и стали поговаривать о том, как его отметить. Я решила собрать все, что у меня было написано об этом, и издать книгу. Однако материала оказалось мало, и тут меня осенило, что было бы интересней составить сборник воспоминаний русских скаутов из разных стран и в разное время.

В США лет 20 тому назад появилась книга «Chicken Soup for the Soul», т.е. «Куриный суп (бульон) для души». Название это было придумано двумя приятелями, которые решили издать сборник хороших, приятных, трогательных, забавных правдивых рассказов, и как по еврейской традиции «куриный суп» лечит от всех телесных недугов, так их книга будет лечить от недугов душевных. Со временем вышел ряд книг «для души»: для подростков, любителей животных, учителей и пр. Книги эти пользовались большой популярностью. Я подхватила эту идею и написала призыв. Прилагаю его с сокращением:

Новая книга:

«КУРИНЫЙ СУП ДЛЯ ДУШИ РУССКОГО (зарубежного) СКАУТА»

Такой книги пока еще нет, но будет, правда не под таким названием, уж очень оно неудобоваримо. Будет сборник истинных происшествий наших скаутов. Рассказы будут длинные и короткие, забавные и трогательные, интересные и веселые, доставляющие удовольствие читателю.

Кто же напишет эту книгу? Да, мы с вами! У каждого из нас были в скаутской жизни всякие приключения. Многие из них были уже напечатаны на страницах наших журналов, но, наверное, в памяти каждого есть и еще воспоминания. В нашей книге будут рассказы всех ветвей из всех стран русского зарубежья, где только ни были наши скауты.

Как же мы создадим такую книгу? А вот так: пишите! Пишите своё, и записывайте истории тех, кто сам не может писать. Материал просьба присылать мне:

Скм Аста Аристова

Отклики приходили в письменном и в устном виде: «Я тебе расскажу, а ты запишешь»! Но и этого оказалось мало. Я попросила скм. Евгению Уртьеву открыть архив в Доме Русского Скаута. Там настоящий клад! Почти все зарубежные скаутские издания, а в них много интересных историй. Я стала перепечатывать.

Работа меня увлекла. Приехал сын. Я с энтузиазмом рассказала ему о своей затее и о том, что мне довелось прочитать.

- В общем, «Скаутский борщ», - прокомментировал Андрей.

Название понравилось многим. И так стал быть «Скаутский борщ», принимая во внимание и то, что на название «Куриный суп», наверняка, есть авторские права.

Книгу хотелось иллюстрировать. Наши художники – Всеволод Селивановский, Игорь Шмитов, Владимир Буткевич, и верный друг организации Николай Боголюбов – давно ушли в лучший мир, и после них – никого!

Селивановский и Шмитов, реже Буткевич, иллюстрировали наши скаутские издания, появившиеся в послевоенной Германии. Тогда журналы издавались самым доступным, т.е. самым дешевым способом: ротатором, и печатались на дешевой рыхлой бумаги. От времени бумага стала тонкой, так что просвечивается шрифт на обороте листа. Она пожелтела, пожелтели и чернила, а в некоторых местах вообще исчезли. Приходилось ходить снимать копии хорошим копировальным аппаратом, затем обрисовывать, и снова делать копию. Научилась сканировать и решила сохранить как можно больше из оригиналов: обложки, заголовки, картинки к тексту, а главное страницы юмора Селивановского.

Сева Селивановский подписывался лесным именем «Волчий Клык». У него характерный стиль, и его рисунки можно узнать и без подписи. Игорь Шмитов, иногда, ставил скромные инициалы – *И.Ш.* У него рисунки абстрактнее, как нап-

ример, обложка «Свисток № 12», где витязь на коне с невероятно длинным флагом на длиннющем копье (или древке?). (См. заглавную страницу к IV главе – *«Много верст»)*. Буткевич и Боголюбов вырисовывали детали, но не подписывались. А жаль, ведь это наше достояние.

Но и этих рисунков не хватало. Не было иллюстраций к новым, неопубликованным рассказам.

Я обращалась ко всем и вся. Одна художница мне прямо сказала: «Я безвозмездно ничего не делаю!» Я не поверила своим ушам, услышав такой отпор, и не сразу сообразила, что это было сказано чистосердечно.

Другие на мои устную и письменную просьбы отвечали молчанием. Третьи обещали (в одном случае ровно три раза), но обещание не было исполнено. Поэтому я бесконечно благодарна откликнувшимся.

Самая трогательная и грустная история касается одной знакомой - Джеки Грисинджер, ничего общего не имеющей с русскими или со скаутами. Ей под 90 лет. В свое время она очень хорошо рисовала, и когда я ей в очередном письме написала о том, чем занимаюсь, она сама предложила нарисовать, что угодно. Но… когда взяла карандаш и бумагу, то увидела, что рука дрожит, зрение ослабело, и при работе от артрита у нее скоро разболелись спина и шея. Она не смогла провести сплошной линии и рисовала только штрихами, в надежде на то, что кто-нибудь другой обведет контур. Я поблагодарила ее за то, что она сделала (см. «На страже»), и решила ее больше не беспокоить. Мне было неловко обращаться с такой просьбой к постороннему пожилому и больному человеку.

Благодарю Жану Доброву, создавшую несколько рисунков, включая обложку, свою внучку Нелли Гленевинкель, нарисовавшую девочку под дождем, и нижайший поклон – Татьяне Шиковец, наделившую «Борщ» наибольшим количеством иллюстраций. Читатели их определять по деталям и тонкости исполнения, и по скромным инициалам *Т.Ш.,* в уголочке.

Была и еще одна проблема - это имена авторов. «Разведчик скромен», гласит 12-ый закон. Это хорошо, но в данном случае хотелось бы знать имя автора. Иногда можно было определить по спискам лесных имен, или, спросив кого-нибудь

из старших, но во многих случаях, пришлось оставить изначальную подпись.

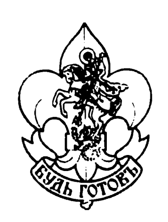
Жаль, потому что эта книга не только ряд рассказов, она историческая, описывающая наш быт в определенное время, в определенном месте нашей столетней истории.

Трудно было распределить рассказы по разделам, потому что многие из них подходят к нескольким. При распределении сохранила, по возможности, хронологический порядок.

Искренне благодарю Наталью Борисовну Монтвилову за помощь в редакции и отборе материала, а также др. Анатолия Всеволодовича Шмелева, Людмилу Сергеевну Флам, ст. скм Павла Андреевича Уртьева и ст. скм. Михаила Александровича Данилевского, к которым обращалась за советом, а, главное, всех тех, кто своими рассказами, письменными или устными помог сварить «Скаутский борщ».

А. А.

ЧАСТЬ I

ЗАКОНЫ РАЗВЕДЧИКОВ

1. Разведчик верен Богу, предан Родине родителям и начальникам.

2. Разведчик честен и правдив.

3. Разведчик помогает ближним.

4. Разведчик друг всем и брать всякому другому разведчику.

5. Разведчик исполняет приказания родителей и начальников.

6. Разведчик вежлив и услужлив.

7. Разведчик друг животных и всей природы.

8. Разведчик бережлив и уважает чужую собственность.

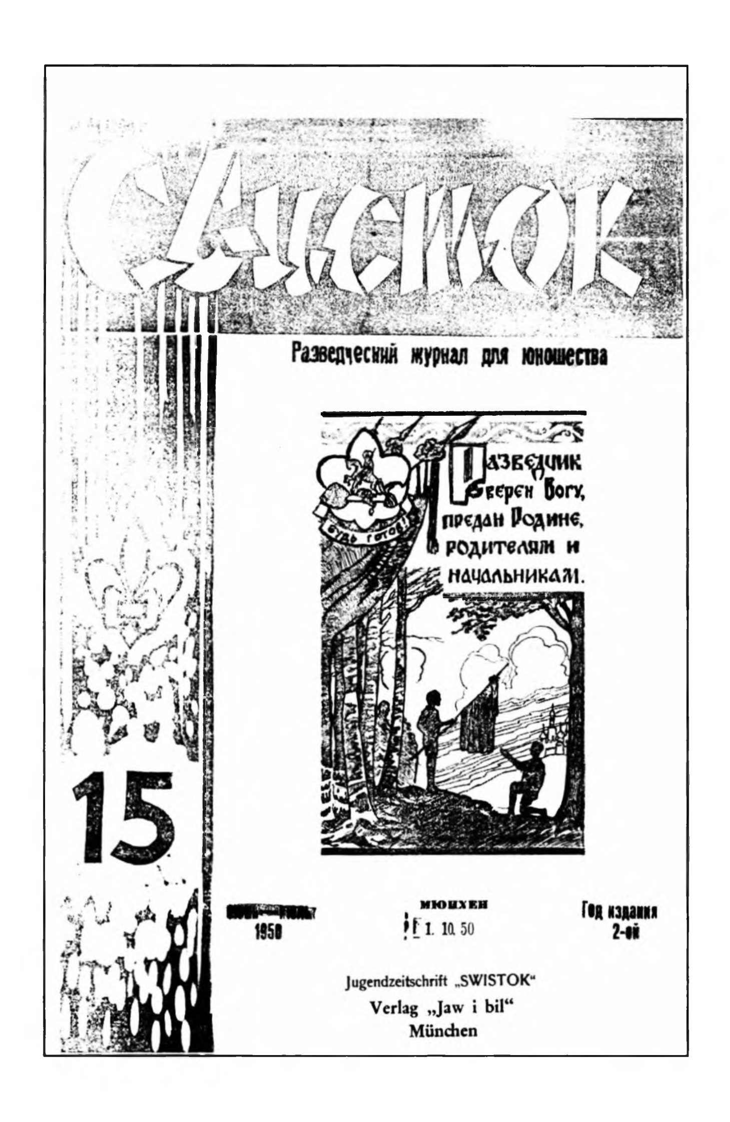
9. Разведчик чист в мыслях, и делах, телом и душой.

10. Разведчик трудолюбив и настойчив.

11. Разведчик весел и никогда не падает духом.

12. Разведчик скромен.

1. Разведчик верен Богу, предан Родине, родителям и начальникам.

*К*огда войско во время войны осторожно продвигается вперед, ему со всех сторон грозит опасность. В незнакомой местности, в лесах и чужих городах, всегда надо быть готовым к нападению, надо вовремя заметить врага, определить его силу, отгадать его намерения.

Для этой опасной задачи высылаются вперед разведчики. Это самые смелые, самые ловкие бойцы, с орлиным зрением, неслышной походкой, хладнокровные и находчивые. Они всегда готовы встретиться с неприятелем, всегда умеют выследить его, оставаясь невидимыми, и если нужно, то и напасть с налета, дерзко, невзирая на его многочисленность.

Когда через раскаленные пески пустыни тянутся караваны верблюдов, пробираясь в сердце Азии, когда отважные исследователи взбираются на стремнины Памира или в вечных снегах далекого севера пробиваются через пургу собачьи упряжки саней, впереди, навстречу неведомым опасностям, идут разведчики. Это закаленные, сильные люди, знающие пути в пустыне и во льдах. От их наблюдательного глаза не укроется еле заметный след, ведущий к источнику, они вовремя откроют засаду диких кочевников, а на привале сумеют укрыть, подкрепить и подбодрить своих спутников.

Разведчик – это искатель новых путей и ведущий к ним. Он знает природу и людей. Он закален телом и бодр душой. Его не смутят в пути ни бездорожье, ни нужда. Его не остановят ни препятствия, ни опасности. На него можно положиться, ему можно верить, он может защитить и довести до цели.

Но не думайте, что разведчики это только те, кто с оружием в руках пробираются сквозь тайгу и камыши. Ведь, не все же люди воюют, не все отправляются в далекие путешест-

вия. Можно быть разведчиком и в мирное время, у себя в городе. Разве не разведчик ученый, открывающий тайны науки, отдающий все силы для того, чтобы проверить свои открытия, чтобы сделать их доступными всем людям? Разве не разведчик воспитатель – учитель, который самоотверженно борется против тьмы суеверий и предрассудков, открывает новые сокровища народного творчества, ведет свой народ новыми путями к светлому будущему? Чем не разведчик народный вождь, отрекшийся от личной жизни, бесстрашно ведущий борьбу за свободу и добро своего народа?

Великий русский народ всегда шел за такими «разведчиками» - сильными, смелыми, нерядовыми людьми. Много их, незнаменитых и безызвестных, вело свой народ за тысячу лет, строило борьбой и терпением величайшую империю мира, беспредельное царство семьи многих народов – нашу Родину!

Дружинники Вещего Олега, покорившие Царьград, ушкуйники вольного Новгорода, открывшие шири русского Севера, чубатые запорожцы – гроза басурман, и вольница Ермака, открывшая Москве ворота в Азию – вот разведчики древней Киевской и Московской Руси. Сколько их гибло за Русь в дикой степи, сколько их искало Божьей правды для Руси в пустынях и скитах дремучих лесов, а зачастую и страдало за правду от своего же собственного народа, как первые христиане в Киеве, как первопечатник Федоров в Москве.

Петр Великий дал пример постоянной разведки, искания и служения. Трудами вереницы лучших людей строилась и возвышалась Россия в могуществе своей силы и в сиянии своей великой культуры. Казаки и смелые исследователи Арктики и Азии Дежнев, Хабаров и Пржевальский ее открывали. Петровские «потешные» и суворовские «чудо-богатыри» ее защищали, а орлы Кавказской и Туркестанской армий ее расширяли.

Иноки и летописцы, киевские школяры, крестьянский сын Ломоносов, великие писатели – Пушкин, Достоевский, Толстой и многие праведники и ученые, художники и композиторы, все лучше, все совершеннее строили храм русской культуры.

Для того чтобы возродить Россию в былом величии, нужны люди, достойные наших славных предков: сильные, смелые, жертвенные, разведчики в полном смысле этого слова. Но помните, что не это нелегко. Мало быть телесно закаленным и сильным. Это может всякий. Мало быть ловким и храбрым – это могут многие. Для того чтобы искать правду, преодолеть все невзгоды и вывести своих братьев из мрака нищеты и уныния надо больше. Надо крепко верит в Бога, как верили в Него святые Земли Русской. Нужно твердо добиваться своего, как умели собиратели России – московские князья и цари.

Надо горячо любить свой народ, своего ближнего, надо быть готовым всегда выручить товарища, хотя бы ценой собственной жизни – как делали, не задумываясь, русские воины. Сама жизнь разведчика: постоянное перенесение лишений, искания хорошего пути среди трудностей жизни, товарищество и забота о младших, делают человека таким.

И мы – юные разведчики хотим стать такими. На сборах и в лагерях мы готовимся служить России. Мы закаляемся в наших разведках, чтобы потом не было трудно на большой ответственной разведке, которая продлиться всю жизнь. Кто сейчас боится лишений в походе, того могут потом раздавить настоящие лишения в жизни. Кто сейчас привык думать сначала о звене, а потом о себе, тот не будет в жизни черствым себялюбцем. Кто сейчас на молитве, в лесу и у костра, под мерцанием звезд, полюбит Бога и Россию, тот никогда им больше не изменит.

Перед нами долгий, загадочный путь, по нему будет трудно идти, но мы не смеем ни заблудиться, ни устать. Кем бы мы ни стали: инженерами, военными, коммерсантами или учителями, мы поведем свое дело по-разведчески.

Не каждый из нас станет великим человеком: министром, полководцем или изобретателем. Но каждый будет стремиться к новому, лучшему, каждый постарается усовершенствовать, развить свое дело, каждый будет жить, и творить не только для себя, но и для всех ближних, для общего добра – для России.

1950 г.

СКАУТСКОЕ ЗНАМЯ

Рассказывает Архиепископ Нафанаил
(Скм. Львов) 1919-1920гг

Большой двор архиерейского дома перед домовой церковью, был переполнен толпой мальчиков и девочек в защитных рубашках. Белые, голубые, коричневые, черные галстуки пестрели повсюду. Изредка мелькали зеленые галстуки скаутмастеров или малиновые их помощников.

Царило оживление. Томская дружина только что вернулась из двухнедельного лагеря и скауты делились друг с другом свежими разнообразными воспоминаниями прекрасной жизни в глубине тайги, среди пышной суровой природы.

Сегодня у скаутов праздник: архиепископ Анатолий, большой друг молодежи, представивший под штаб-квартиру обширное помещение в своих архиерейских покоях, служил молебен. Потом будет парад на соборной площади, который будет принимать начальник Западно-Сибирского округа, скаутмастер К. Перцов. В тот же день знамя дружины будет передано новому знаменщику, помощнику скаутмастера Павлову.

Торжественно прошел молебен. Владыку Анатолия горячо любили все скауты. Часто заходил он в ту часть архиерейских покоев, где помещался скаутский штаб. И всегда ласковый, доступный, но в то же самое время величавый, Владыка беседовал с детьми, роняя святые семена в чуткие детские души.

После молебна вся дружина строем двинулась на площадь нового собора.

- Дружина, смирно! – раздалась звучная команда.

- Знаменщик, за мной шагом марш!

- Помощник скаутмастера Павлов, ко мне шагом марш!

- Ты знаешь, дорогой брат, какая великая святыня передается сегодня на твое попечение?- начал скаутмастер Перцов. – Около нее собрались те пятьсот мальчиков и девочек, которые составляют Томскую дружину скаутов. Ты знаешь, что твой предшественник – знаменосец, передавая святое знамя

тебе, уходит от вас, чтобы вместе с нами, старшими братьями на боевых полях сражаться с силами зла, полонившими нашу Родину. Ты – помощник скаутмастера, ты – дважды давал Торжественное обещание. Ты с честью будешь нести высокое звание знаменосца и никогда, ни при каких обстоятельствах не отдашь знамя на поругание врагам. Будь готов!

- Господь наш Иисус Христос, молитвами святого Великомученика Георгия, вашего Небесного Покровителя да поможет тебе, дорогой мой, - ласково сказал Владыка Анатолий, когда Юра Павлов подошел к нему под благословение.

Преклонив колена, и с благоговением поцеловав икону Св. Георгия Победоносца на знамени, принял драгоценную святыню Юра Павлов. И, склоняя знамя перед новыми скаутами, Юра молился, чтобы Господь помог ему исполнить свой долг.

Прошло три месяца. Настали страшные дни декабря 1919 года. Тёмная туча повисла над Томском. Белые армии оставили Сибирь. В Томске царило кровавое чудовище – «палачиха» - Роза Брауде.

Томская дружина скаутов растворилась. Большая часть их, вместе со своими родителями, бежали вслед за войсками. А те, которые оставались еще в городе, сидели тише воды ниже травы, только по вечерам собираясь на квартирах друг у друга, и делясь страшными новостями, которыми был переполнен город. По ночам слышался треск пулемётов, залпы расстрелов. Тёмные, иногда фантастические слухи ползли по городу.

Юра Павлов переселился к своему начальнику и другу, скаутмастеру Мише Гану.

Еще в начале ноября, после занятия красными Томска, в дупле высокой сосны на берегу Ушайки, Миша и Юра сокрыли знамя. Никто кроме них этого места не знал. Даже скаутам они ничего не сказали, т.к., с момента появления в городе врагов, стало ясно: и в тесной семье дружины есть предатели.

Вероятно, их доносу Миша и Юра были обязаны тем, что в середине декабря, морозным тёмным утром, к ним прибыл наряд красноармейцев и повел их в Алексеевское реальное училище, где помещалась ВЧК.

Город молчал в ранний час. Морозный воздух не шевелился и только вдали над рекой слышался гул лопающегося от мороза льда.

В темном помещении одного из классов реального училища, так хорошо знакомого Юре, сидели три человека и между ними знаменитая Роза Брауде, имя которой наводило страх на всю Западную Сибирь, - красивая жгучая брюнетка, с сатанинскими мрачными глазами.

Обоих мальчиков допрашивали долго. От них потребовали, чтобы они назвали всех известных им скаутов и чтобы выдали властям знамя дружины, которое находилось у них. Юра и Миша решительно отказались исполнить и то и другое.

Юноши мужественно вынесли страшные нравственные пытки допроса чудовищной женщины, вынесли месячное заключение в сыром неотапливающимся провшивевшем подвале, но не сдались, не поколебались. Горячая вера, тёплая молитва поддерживали их. И когда тёмной, бессонной ночью, после допроса в вонючей, грязной, холодной камере, силы оставляли их, тогда вдалеке, где-то далеко, далеко от сырых стен подвала, виднелся образ Святого Георгия, благословляющего их.

Без единого стона, без страха, без слабости, принял через месяц девятнадцатилетний Миша Ган смерть под пулями чекистов, а шестнадцатилетний Юра Павлов тихо угасал на Черемховских рудниках.

Но никогда, никому не выдал он тайну соснового дупла в тёмной тайге над Ушайкой, ибо Юра твердо помнил приказ скаутмастера Перцова и знал, что Святой Георгий благословляет его, молодого скаута, на скаутских подвиг.

«СКАУТМАСТЕР МИХАИЛ ГАН –
РАССТРЕЛЯН БОЛЬШЕВИКАМИ».
«ПОМОЩНИК СКАУТМАСТЕРА ГЕОРГИЙ ПАВЛОВ –
ЗАМУЧЕН БОЛЬШЕВИКАМИ».

«Помяни их, Россия, когда приидеши во царствие твое!»

Из истории Российского разведчества

Всех убиенных помяни, Россия,
Егда приидиши во царствие твое.

Бывают герои духа, которых современность не замечает и не говорит о них. Если мы чтим память военных героев, блистательным подвигом выдвинувшихся в борьбе, то почему те, которые будничной повседневной жертвой служат национальному делу, менее достойны нашей памяти и преклонения перед ними?

Одним из таких выдающихся героев духа был Александр Константинович Анохин, основатель российских разведчиц и создатель первой скаутской дружины в Киеве. Он учился в Киеве, где и окончил медицинский факультет. Александр Константинович сразу почувствовал, что кроме медицины у него есть призвание к общественному служению, поэтому он принимает участие в женских курсах «Мать и дети», в Фребелевском институте читает лекции по физическому воспитанию.

В 1909-1910 годах ему приходит в голову идея гармонического внешкольного воспитания, выраженная в разведчестве. В 1914 году Анохин организовывает первый отряд разведчиц.

Вот, что пишет о нем его сестра:

«Разведчество увлекло брата. Он не только был инструктором, но, главное, старался патриотически воспитать молодежь. Он летом ездил с ними в лагеря. Были с ним и курьезные

происшествия. Киевский губернатор, однажды, вызвал его к себе, и выразил недоумение в том, что брат всегда окружен гаремом девочек. Брату пришлось объяснить губернатору идею внешкольной работы с девочками и ему удалось заинтересовать его настолько, что он впоследствии оказал сильную поддержку в работе брата. Во время приезда в Киев Государя Императора Николая II с наследником Цесаревичем разведчики, во главе с братом, лично охраняли Цесаревича, и стояли караулом у помещения, в котором остановился Государь.

Александр Константинович был лично представлен Государю, который много расспрашивал о работе и идеях разведчиков.

С 1918 года начались гонения на брата со стороны большевистской власти, но он, несмотря на это, неустанно оставался на посту, не оставляя любимого дела. Начались аресты, и брат четыре раза попадал в застенки Чека. На предложение друзей, в частности турецкого консула, бежать из Киева, он отвечал, что ему нельзя оставлять своих питомцев.

В феврале 1924 года Александр Константинович с целым рядом разведчиков – мальчиков и девочек – был арестован в четвертый раз.

В душной и тесной камере Александр Константинович поддерживал дух шестнадцати молодых заключенных, и, прильнув к узкому окну, читал им выдержки из Библии и Евангелия и беседовал с ними.

Допросы и мучения детей в Чека привели Александра Константиновича к решению покончить с собой. Он думал, что этим ему удастся удалить причину мучений арестованной с ним молодежи. Он еще не знал тогда сущности большевицкого режима.

2 апреля 1920 года жизнь Александра Константиновича оборвалась. Через 50 дней после его кончины я нашла его тело в анатомическом театре, где его спрятал сторож, узнав доктора, и передал мне.

Мы его тайно похоронили в Псковском монастыре, который был впоследствии разрушен большевиками. Белый крест,

сделанный разведчиками из березы, вскоре дал ростки; таким образом, могила брата всегда была окружена свежей зеленью.

По приходе поляков, я и одна старшая разведчица посетили камеру, где окончил свою жизнь Александр Константинович. Мы нашли петлю, завязанную разведческим узлом, а над ней штукатурка треснула правильным крестом, как будто осеняя брата принести эту жертву «за други своя». Скончался он 37 лет».

Мы склоняем головы перед памятью Александра Константиновича.

Мир праху его!

«Свисток» № 26
Август 1952 г

ОБРАЗ СВЯТОГО ВЕЛИКОМУЧЕНИКА И ПОБЕДОНОСЦА ГЕОРГИЯ

Рассказывает скм Гавриил Жуков
Балканы, 1920-ые гг.

1920 год. После отважной, но неравной борьбы мы покинули свою родину. Тяжело было, но духом не пали.

Константинополь, Лемнос, Халки и другие острова, затем Болгария, Сербия, Греция, а потом и вся Европа увидели и узнали нас – русских. Среди нас было много юных разведчиц и разведчиков. Шли в бой во имя России, чести, и доброго дела…

Ушли в неизвестность, но не распылились… И, когда везде и во всем был разлад и беспорядок, мы одни из первых собрались, организовались в звенья, отряды, дружины, списались с одиночками и… семья разведчиков под русским флагом вновь начала жить во имя России, чести, долга и доброго дела…

В 1925 году я получил предложение старшего русского скаута написать 12 икон Святого Великомученика Георгия для 12 отделов русских скаутов-разведчиков. Согласившись, я стал внимательно изучать все, что касалось иконографии Св. Георгия. К счастью я жил на Балканах и много путешествовал по Македонии, Родопским и Балканским горам, где хорошо ознакомился со старинными иконами Св. Георгия.

Подготовившись, наслушавшись легенд о Св. Георгии и прочитав все найденное по этому вопросу, я написал иконы и отослал их Старшему русскому скауту с нижеследующим объяснением о том, **почему и как** мною были написаны иконы:

«В глухих лесах и ущельях Родопских и Балканских гор, среди бурелома и валежника, в старой Македонии и Фракии, на вершинах, на полянках сплошь покрытых брусникой, или в глухом девственном лесу, среди сосен и елей в пять обхватов, часто встречаются маленькие часовенки - избушки, крошеч-

ные церковки. Сложены они из камня, покрыты тонкими плитами сланца. Крепкие толстые двери часто не заперты. В часовне одно оконце, вернее дыра в восточной стороне. Внутри тихо, прохладно; на каменном престоле полуистлевший покров, на иконостасе, если таковой есть, - три-четыре иконы. Рядом с иконой старинного письма – лубочные бумажные иконки. Чаще всего встречаются Спаситель, Богоматерь, Николай Угодник и обязательно Св. Георгий Победоносец. В этих местах особенно почитали Св. Георгия. Он был светлым и чистым началом в борьбе с темным злом. Он был покровителем угнетаемых и предводителем борцов за свободу своей родины.

Нигде так не почитают день Св. Георгия как здесь. 23 апреля в этих местах второй праздник после Пасхи. На Георгиев день собираются и стар и млад к таким церковкам (поместному параклисам), приносят с собой еду, обязательно зеленые крашеные яйца, вино или брусничный квас. После торжественного молебствия Св. Георгию, священник читает особую молитву над ягнятами, после чего их тут же закалывают и варят вкусный пилав, которым угощают всех.

Затем начинается веселье: музыка (древняя волынка), хоровод, песни, и так до самой ночи. По синему небу изредка проносятся клубы тумана, темнеют огромные сосны и ели. На изумрудной траве у старенькой церкви расположился народ в ярких нарядах.

Часто в самых глухих местах можно найти изображение всадника на коне, высеченное на камне. Во всех музеях Балканского полуострова множество таких барельефов. Это так называемый «Фракийский всадник». История точно не указывает, чье это изображение, но, сопоставляя культ Св. Георгия с этими изображениями и многочисленными иконами Св. Георгия часто очень старых письмен, я предполагаю, что связь здесь должна быть.

Св. Георгия всегда писали на белом коне. Одежда святого не всегда была одинакова: чаще всего это был римский воин в золотых латах с львиной головой, в короткой тунике, высоких сандалиях с наколенниками и обязательно с красным плащом,

символом благородного происхождения. Голова, обычно, не покрыта, но иногда встречались шлем, греческая феска, или даже нечто вроде чалмы. Встречались иконы, где Святой изображен в греческом одеянии: белая юбка ниже колен, нечто вроде безрукавки, и на голове шапочка с кистью. Лошадь была богато украшена, но встречалась и совсем без украшений. Часто вместо седла была львиная шкура. Меч у бедра встречался редко. На некоторых иконах, сзади Св. Георгия на коне сидел мальчик.

Афонские монахи рассказывают о чуде Св. Георгия:

Однажды мальчик, в поисках убежавшей от него лошади, заблудился в лесу. По его усердной молитве, явился к нему Св. Георгий, и, посадив на круп своей лошади, вывез из лесу.

Змей чаще всего изображался зеленым, но встречались изображения и другого цвета. Бывали огнедышащие и о трех головах. «Действие» происходило на неровном поле. Вдали виднелись горы, деревья, город. Небо было золотое или синее. На небе почти всегда были облачка. Часто встречалось на иконах изображение царской дочери, которую Св. Георгий спас от лютого змея, как бы наблюдающей в страхе за боем. На заднем плане тогда изображалась город-крепость с царем и народом на стенах. На больших иконах, в виде рамки, рисовались маленькие иконки жития Св. Георгия. Встречались иконы с орнаментом, иногда весьма красивым и сложным. В более поздние времена некоторые священники требовали от живописцев изображать Св. Георгия без коня и без оружия, считая, что символам убийства не место в церкви. В этом случае, изображение теряло свой смысл, свою идею борьбы со злом.

Когда мне было поручено писать иконы Св. Георгия, я начал рассуждать так: иконы предназначаются для юных русских рыцарей, ставящих выше всего добро и всеми силами борющихся со злом. Небо над ними покрыто черными тучами, белый конь их беден, но ретив и сух. Их борьба – борьба со злом, с драконом. Поэтому я скомбинировал несколько деталей и изобразил Св. Георгия, придерживаясь нашей русской

старины, в частности Новгородского стиля, но введя в нее и другие детали, виденные мною в горах Македонии и Фракии.

Старые мастера изображали Св. Георгия, приближая изображение к понятию молящихся, поэтому и я счел возможным ввести больше русскости и изобразил его русским воином в шлеме и кольчуге. Карминный плащ – символ высокого происхождения; львиная шкура на лошади – символ победы. Белая лошадь – символ того, что Св. Георгий для достижения своих целей шел светлыми путями; красный дракон – символ зла, с которым мы должны бороться. На синем небе клубятся тучи, но они уже разорваны, они уходят и уйдут. Ландшафт взят из русских новгородских мотивов – символ родины Св. Георгия, лесистая и гористая местность. Лилии в орнаменте - старый византийский стиль, который мы встречаем в орнаменте Софийского собора в Константинополе.

Вот те мысли, которыми я руководился при писании икон Св. Георгия – белого рыцаря, покровителя России. Ведь герб Московский – щит со святым Георгием. На сколько сильно и глубоко почитание Св. Георгия на Балканах, можно уже судить по тому, что даже турки, а также болгары и сербы, принявшие магометанство, покупают иконы Св. Георгия, отожествляя его со своими национальными героями и вождями.

Обратимся к России. Какая масса былин и легенд связана в народе со «Святым Егорием Храбрым»! В былинах Святому придаются черты русских богатырей. В чисто эпических, сказочных тонах разработан мотив змееборства. Стих о «Егории Храбром» рисует наружность Святого так:

«По колено ноги в чистом серебре,
По локоть руки в красном золоте,
Голова у Егория вся жемчужная,
По всем Егории часты звезды…»

Пленивший Иерусалим и «Святого Егория» неверный «царище Демьянище» (мучитель христиан – Диоклетиан) тщетно принуждает Святого поклониться идолам. Егорий мужественно переносит все мучения. «По Божьему велению» освобож-

дается мученик из заточения и отправляется «по всей земле Светлорусской утвердить веру Христианскую».

«Тут же Егорий подъезжаючи,
Святую веру утверждаючи,
Басурманскую веру побеждаючи
Наезжал на леса, на дремучие…»

Весь этот хаос: дремучие леса, текучие реки, толкучие (сталкивающиеся) горы, рыскучие волки, огненные змеи, - все это приводится к повиновению и порядку.

«Очистил землю христьянскую,
Утвердил веру самому Христу…»

Последние его подвиги: убиение царища Демьянища и освобождение сестер.

При Екатерине Великой в русской армии был учрежден Орден Святого Георгия, который по статусу присуждался воинам проявившим исключительную храбрость. На Кавказе горцы-магометане отказывались принимать крестик Святого Георгия, если на нем не было «джигита» - всадника Святого Георгия. Иноверцам выдавался Георгиевский крест с изображением двуглавого орла.

Вот насколько сильно обаяние Святого белого рыщаря не только у нас в России, но и у других народов, как восточных, так и западных. Ведь в Англии, Франции, Бельгии и других государствах, покровителем всех скаутов, юных разведчиков является Святой Георгий Победоносец.

РОССИИ

Неизвестный юноша,
родившийся в Китае

Я не видел волшебные белые ночи,
Мне неведомы Киев, Москва, Петроград.
И красавицы русской прекрасные очи
Не дарили мне нежный и ласковый взгляд.

Отчего же тогда я, взращенный чужбиной,
Я из книг, из рассказов лишь знающий Русь,
С миллионами прочих о ней, о любимой
И мечтаю, и знаю, и к ней любящим сердцем
стремлюсь?
Отчего же все силы свои небольшие
Я готов за отчизну отдать?
Посмотреть на поля незнакомо родные,
Да воздухом русским мне там подышать?

Оттого, что родился я с русской душой,
Оттого, что течет во мне русская кровь,
Оттого, что и силы не сыщешь такой
Чтоб унять в моем сердце к России любовь.

«Заря», июнь-июль 1971 г
Австралия

КТО ВЫ?

Пом. скм. Ирина Юшкова
Декабрь 1954 г. Сидней

(Посвящаю дружине русских скаутов-разведчиков
и вожатых в г. Сиднее)

Не боятся бурь и опасностей
И идут всегда впереди…
Кто вы, юноши? Кто вы, девушки,
С белой лилией на груди?

Где слеза бежит, горе слышится
Руку помощи от них жди…
Кто вы, юноши? Кто вы, девушки,
С белой лилией на груди?

Тучи черные понадвинулись –
Русь могучая – вся в цепях
И у юношей, и у девушек
Скорбь читаю я в глазах!

Но горят огнем сердца юные,
С русским знаменем впереди.
Вперед, юноши! Смелей девушки,
С белой лилией на груди.

Рассказывает друж Аста Терских
Лагерь «Лицом к России»,
Нью-Йорк, 1952

Последний прощальный костер закончился.

- Девочки, в лагерь! – послышалось с одной стороны потухавшего костра. – Ребята, которые собираются сдавать Торжественное Обещание витязей и дружинниц – ко мне! – послышалось с другой.

Около десяти разведчиков и разведчиц собрались вокруг начальника лагеря.

- Идите, ребята! Оденьтесь теплее, и через пол часа соберитесь на кухне.

В половине первого группа разведчиков и четыре руководителя вышли на дорогу и направились к лесу, который черным силуэтом вырисовывался на темно-синем звездном небе. Ночь была холодная и безлунная. Сначала пришлось идти по тропинке через кустарник, а потом по лесу. Дойдя до скалы в лесу, ночные путешественники принялись собирать хворост и раскладывать костер. После пения гимна все уселись вокруг пылающего костра. Начальник лагеря – скм Юра Месснер - провел беседу, в которой говорил о долге, работе и о нашем будущем. Он говорил тихо, и каждое слово долетало до слушателей, несмотря на треск горящих веток в торжественной ночной тишине.

По окончании беседы, каждому дающему Т.О., было указано место в пятнадцати шагах от большого костра, где каждый должен был разложить свой костер и зажечь его горящей

веткой из большого костра. Всем были розданы листы с вопросами о себе, об Организации, о Родине. Сдающий должен был подумать над этими вопросами и, наедине со своей совестью, ответить самому себе. Все разошлись по местам и, усевшись у своих костров, углубились в чтение.

Лес притих. Он как будто знал, что эти еще не совсем взрослые люди заняты трудными размышлениями об их долге и будущем. Ветер слегка трепал верхушки высоких сосен, пламя шипело и хрустело горящими ветками, где-то далеко в пруду слышалось разноголосое кваканье лягушек, а разведчики сидели и думали... Они думали о далекой России, о своем долге и будущем, о своих идеалах и дальнейшей борьбе за Родину.

«Занимаюсь ли я тем, что никому не полезно?» «Какие у меня недостатки, и как я могу с ними бороться?», и другие вопросы заставляли иных надолго призадуматься. С одного места было видно три – четыре огонька и у каждого застывшую темную фигуру. Изредка слышался треск ломающихся веток, и пламя вспыхивало ярче от подброшенной «пищи». Руководители обходили костры, объясняя значение Торжественного обещания и отвечая на возникшие вопросы.

Но вот, после двух с половиной часов размышления, сдающие решили, что они готовы к обещанию. Маленькие костры потушили, и все собрались вокруг большого. Знамя было поставлено в десяти шагах, так что его никто не видел.

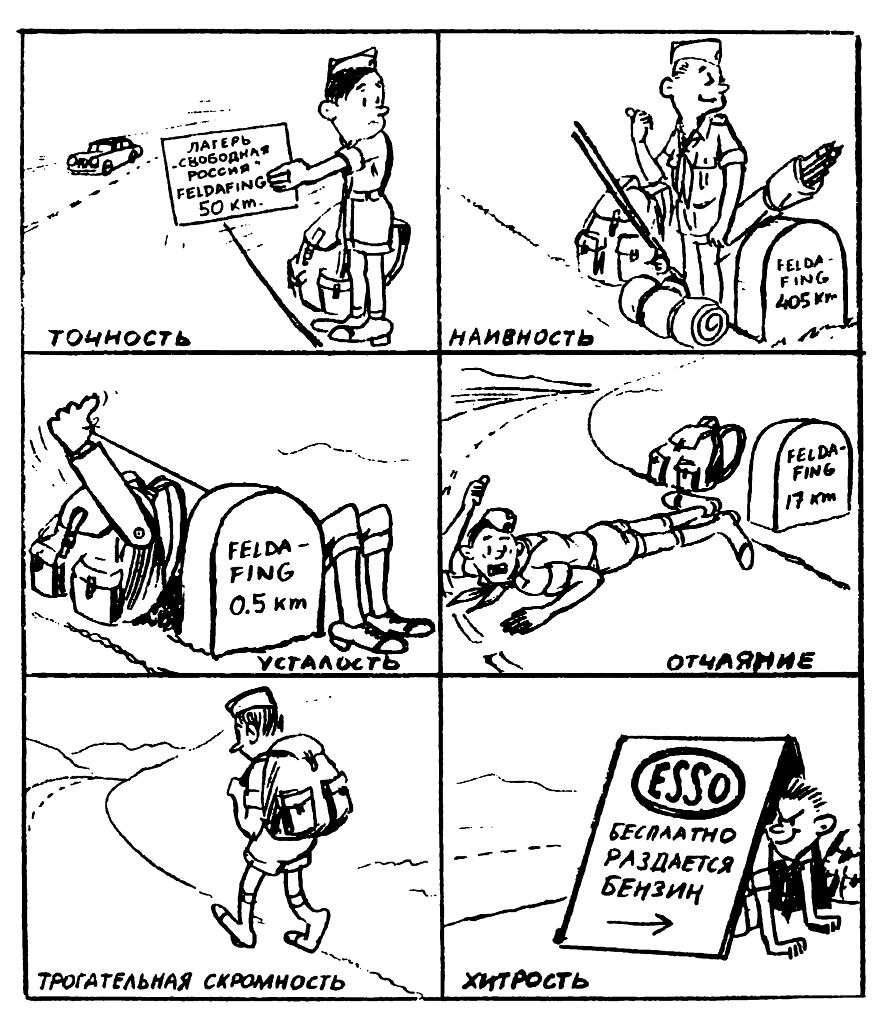
Одного за другим начальник лагеря вызывал к знамени. Когда вызванный скрывался в темноте, по шороху сухих листьев и хрусту веток было слышно, что он опускался на колено. Затем раздавалась команда: «Салют!» и наступала минутная тишина, прерывавшаяся шорохом, означавшим, что дающий Т.О. встал с колена. Раздавалась команда: «Смирно!»

В своем Торжественном Обещании, сказанном про себя, разведчики могли пообещать только то, что им было бы под силу выполнить. Листы бумаги с вопросами были брошены в костер, и, после пения гимна витязей, ночное торжество закончилось.

Было уже половина пятого утра, когда ночные путешественники стали расходиться по палаткам. Темный лес таинственно шумел. Звезды спустились ниже, и как будто горели ярче, приветствуя новых витязей и дружины Организации Российских Юных Разведчиков.

2. Разведчик честен и правдив.

Волчий Клык

«ГОВОРИТ МОСКВА»

Рассказывает друж
Галина Султан-Пендилл
Германия, 1946-47?

После войны мы проживали в Ванген - маленьком городке на юге Германии.

К моему величайшему горю, мама моя, будучи из категории любящих наседок, на отрез отказалась пускать меня в скаутский лагерь, куда уезжали буквально все мои друзья. Никакие слезы, вопли, угрозы не могли переубедить маму, что меня никто не обидит, не потеряет в лесу, что меня не дадут на съедение диким зверям, и т.д.

И так, я бедная, несчастная должна была довольствоваться восторженными рассказами наших скаутов после того, как они возвращались домой.

Одна из историй мне особенно запомнилась:

По-видимому, одной из самых популярных разведчиц была Алла Майковская, которую все старшие мальчики рвались провожать. Образовалась целая очередь «ухажеров». В эту же компанию рвался парнишка, который был года на 2-3 младше остальных. Но бедненького кучерявого Геннадия Клименко, не подпускали даже на пушечный выстрел к красавице.

Тогда Геннадий пустился на хитрость. Он подговорил своих друзей-однолеток заняться шпионажем, т.е. следить за Аллочкой, и главное за теми, кто ее сопровождает.

И вот, как-то утром, сразу после подъема флага, вдруг раздается зычный голос с самого высоко дерева:

- Говорит радио Москва! - все замерли, и тут посыпались последние новости, куда ходила Алла, и кто ее сопровождал... Заодно оглашались и другие «любовные» интересы.

Теперь уже все в лагере знали все секреты. Лет через десять я познакомилась с этим пресловутым сорванцом и вскоре вышла за него замуж.

Рассказывает
Скм. В. Селивановский
Калифорния, 1954 год
«Скаут-Разведчик» № 1

В лагере разведчиц «не словом, а делом» большой костер. У костра человек восемьдесят – разведчицы, волчата, гости. После каждой песни какое-нибудь звено ставит «точку». Волчата тоже принимают участие. Смех. Веселье. Меня отзывает в сторону Чич - один наш руководитель и говорит:

- У меня в машине есть медвежья шкура; хочешь использовать ее для какой-нибудь шутки?

Идея прекрасная. Мы с Чичем забираем шкуру, и за палатками я его превращаю в медведя. При лунном свете впечатление полное. В последний момент снимаю с «медвежьей» передней левой лапы часы, блестящие при луне - медведям не полагается. Все готово. Дождались затишья у костра, и медведь, хрюкая, направился через залитую лунным светом полянку к костру. И что тут началось! Первыми заметили его белочки. Визг! Писк! Все вскочили. Кто потрусливее - рванули прочь от костра. Но один волчонок не растерялся. Подбежав к медведю, он со всего размаха огрел его по черепу фонарем.

Когда суматоха кончилась и «медведь» был разоблачен, весь лагерь его приветствовал дружным криком:

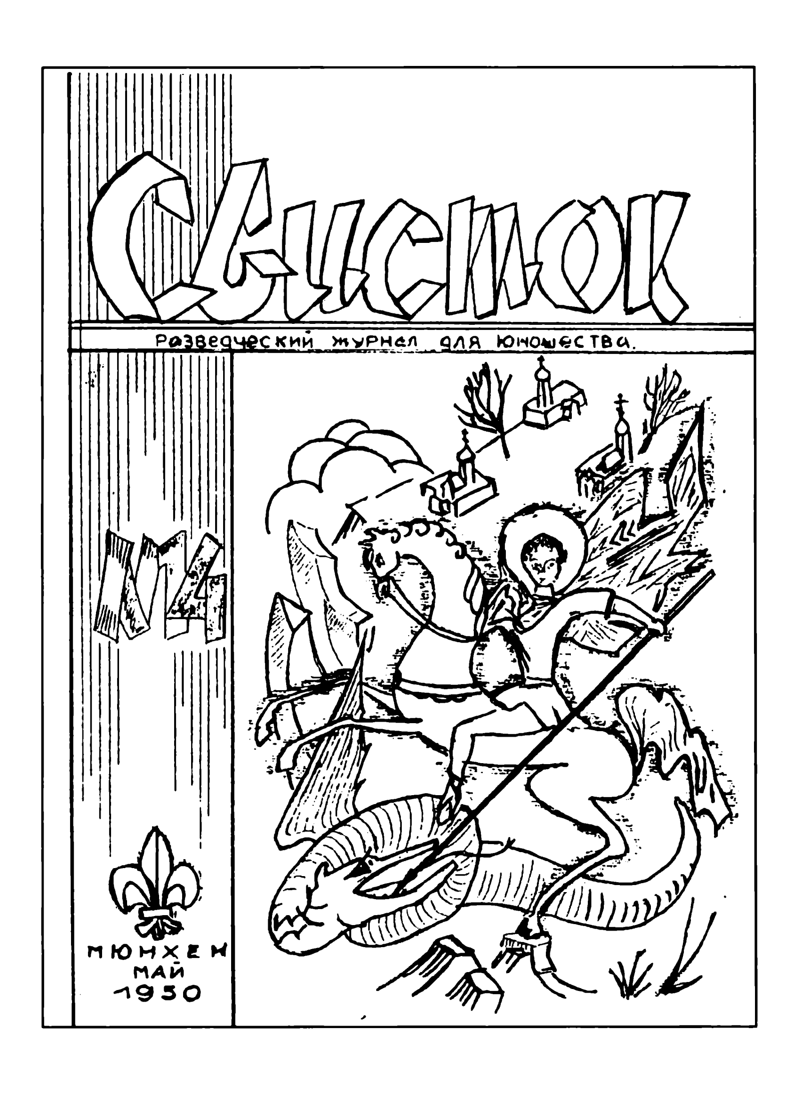
- Фе-фе-фе-фе.... Ф Е Н О М Е Н А Л Ь Н О!!!!!

Программа костра пошла дальше своим чередом, а Чич подошел ко мне, показал свое темя и спросил:

- Посмотри, что у меня здесь.

- Шишка, - ответил я.

3. Разведчик помогает ближним.

ОГОНЬ – ДРУГ ИЛИ ВРАГ

Рассказывает витязь
Георгий Александрович
Легау, 1947

Отдельные эпизоды из далекого прошлого запоминаются так ясно, потому что в них есть что-то поучительное.

Наш лагерь стоял на берегу небольшой горной речки, которая была заграждена плотиной, так что у лагеря она была более глубокой, текла медленно и была холодная. Поэтому мы часто разводили на берегу костер, и, выйдя из воды, грелись около него.

Лето было знойное, и было много комаров, особенно у воды. Ну, а мокрые тела только что выкупавшихся мальчиков были чудесной приманкой для летающих извергов, которые беспощадно кусали.

К счастью, наши руководители позаботились и об этом. Они нам дали щприцы-распылители, наполненные составом DDT, главным образом, состоящим из керосина с примесью других химикатов. DDT было наше оружие против кусающего противника.

И вот в один прекрасный вечер, только-что выкупавшись, мы стояли гурьбой вокруг пылающего костра, как вдруг налетела стая комаров, и начала нас кусать. Один из разведчиков Вася Бабенко схватил шприц и повел атаку. Он стал брызгать нам на спины, и несколько капель попало в огонь. От керосина получилась вспышка. Это всем так понравилось, что Вася стал брызгать DDT прямо в огонь. Пламя вспыхнуло в рост человека, но и сразу же исчезло.

Вася вспрыснул еще. Струя керосина пролетела сквозь огонь и облила грудь стоявшего по ту сторону Гоги Мэйера, который моментально был охвачен пламенем. Ведь у Васи получился огнемет. Секунды не прошло, как несколько из нас

очутились в воде вместе с Гогой. В миг огонь был потушен, а бедный Гога был почти в шоке от такого происшествия.

Слава Богу! все отделались только страхом, проявив решительность, не допустив трагедии.

Гога Мэйер остался невредим, и наш летний лагерь закончился успешно.

Прошло 50 лет. Я приехал на съезд нашей гимназии. В программе съезда была поездка в Форт Росс и там, совсем неожиданно я встретил Гогу. За это время он стал ученым, и работал в области космонавтики в NASA.

Я напомнил ему этот случай в Легау, и он вспомнил тот момент как травму далекого прошлого. И мы подумали о том, как Бог нас хранил, и как Он нас вразумил такого больше не делать, и с уважением относиться к силам природы.

ВСТРЕЧА В ГОРАХ

Рассказывают витязи Андрей Уртьев и Павел Лукьянов
Сьерра Невада, июнь 1989

Зародилась мысль о походе в горы еще во время рождественских каникул, а во время пасхальных мы уже составили конкретные планы: достали карты, купили снаряжение, и занялись усиленной физической подготовкой.

Наконец настало лето, и нас подвезли на автомобиле к местечку Пайнкрест, с западной стороны хребта Сьерра Невада. Путь наш шел по мало-исхоженным тропам с перевалами от пяти до шести тысяч футов. Здесь в горах лето запаздывает, и местами еще лежал толстый покров снега.

Всё шло гладко, пока виднелась тропа, но как только она исчезла в снегу, нам стало тяжело. Мы вытащили компас и пошли по азимуту, то вверх, то вниз, пока снова не вышли на тропу. Бывало иногда настолько трудно, что подумывали о том, не стоит ли вернуться, но «разведчик доводит все дела до конца», и мы решили добраться до цели, а целью мы поставили гору Жилетт, высотою в 8300 футов. До Жилетт мы не добрались, путь туда был заснежен, и вместо этого забрались на Бартлет. Вот отсюда был вид, так вид! Еще бы! Мы находились на высоте в 8264 фута! Стоило страдать столько дней! Казалось бы, можно было остаться здесь навеки и любоваться природой. Ведь мало кому удавалось видеть эти места, именно с этой точки, где в данный момент стояли мы. Однако что-то нас толкало идти дальше – давай доберемся вон до той вершины! Сверив по карте – это была гора Эндрюс, высотой в 8508 футов, и до нее было довольно далеко. Но, решили идти. И пошли: то вверх, то вниз, то по тропинке, то без нее. То и дело останавливались, чтобы передохнуть, и полюбоваться меняющейся панорамой.

По пути нам все время попадались разные животные. Чаще всего это были мелкие грызуны, но вдруг мы встретились с

медвежонком! Он был до того ласковый, что хотелось его погладить. Но… в розовой пасти виднелись довольно острые зубы. Он, вероятно, потерялся, искал свою мамашу, а тут появились двуногие твари, на вид симпатичные, вероятно добрые, так почему бы не пойти за ними? Так, наверное, думал медвежонок и плелся за нами.

Но, мы то знали, насколько опасна может быть медведица, и хотели избавиться от назойливого компаньона.

Вдруг он заметил на земле что-то более интересное, чем мы. Он стал внимательно нюхать, а мы тем временем быстро исчезли. Медвежонок за нами не последовал.

Раз столкнулись с гремучей змеей, готовой к нападению, но, не имея с ней общего языка, вежливо уступили ей дорогу, и расстались дружелюбно.

Проходили мы через пустынные места, через залитые водой луга, пересекали бурные ручьи и скалистые трущобы. Ночевали, где случится удобное местечко, или где нас застигали сумерки.

Вначале было прохладно, но постепенно теплело, и стало даже жарко, а по ночам появились комары.

Мы питались сухими продуктами, которые размешивали с водой и согревали на спиртовке.

Всё шло более-менее по намеченному плану. Места были безлюдные, и редко посещаемые. За первые четыре дня мы набрели только на один след человека, который шел нам навстречу, но мы его не видели.

На четвертый день, к шести часам вечера, мы вдруг услышали неимоверный крик, в котором слышались отчаяние и радость. Мы пошли на крик, и увидели двух девушек, лет 19, истерично звавших нас к себе на помощь. Оказалось, что они пустились вдвоем в недельный поход, но три дня тому назад, переходя через бурный поток, потеряли весь свой провиант.

Они пытались вернуться, но, оказавшись без еды, настолько обессилили, что остановились в этом месте, без всякой надежды на спасение. Отдав им большую часть нашего провианта, мы предложили им идти дальше с нами, но девушки наотрез отказались, потому что впереди были трудные заснеженные перевалы.

Мы поняли, что они настолько ослабели, что им нужно было, во что бы то ни стало, вернуться. Значит, нам следует идти до первого селения, и оттуда вызвать помощь.

На прощанье, мы приказали девушкам оставаться на месте, и ждать помощи, и предупредили, что на помощь раньше чем через два дня рассчитывать нельзя, потому что мы были далеко от цивилизации. Посоветовали им не падать духом и терпеливо ждать.

Уже вечерело, но мы решили отправиться в путь. Через час стало уже так темно, что идти дальше было опасно, и мы остановились на ночлег. Встали, как только начало светать, и сразу после завтрака, двинулись в путь, а он был тяжелым. Мы были высоко в горах, чувствовался недостаток воздуха, но, зная, что от нас зависят две жизни, мы все шли вперед, невзирая на сильную усталость. У Павла разболелось колено. Он туго перетянул его бинтом, и, прихрамывая, шел дальше. За этот день мы прошли около 20 миль, и остановились на ночлег, когда стало смеркаться.

А рано утром - снова в путь, и к десяти часам утра мы добрались до лагерного места в национальном парке Йосемити. Здесь был телефон, откуда можно было вызвать рейнджера. Прошло еще часа три, пока он не появился. Мы думали, что он сразу все бросит и вызовет помощь, а он устроил нам целый допрос! Кто мы такие? Что мы здесь делаем? Кто эти девушки? Где они сидят? Как они одеты? Как выглядят? В каком они состоянии? На счастье здесь сыграла наша скаутская привычка замечать и запоминать все, и мы смогли описать и девушек, и то место, где мы их оставили. Получилась своеобразная игра Кима.

Однако мы ошиблись в рейнджере. Он то нас допрашивал, а сам в это время вызвал вертолет, и Андрею, как более легкому по весу, было предложено сесть в геликоптер и лететь с двумя пилотами в поиске девушек.

Лететь по прямой оказалось не так далеко, и не прошло и получасу как несчастные были найдены. Они послушно оставались на месте, и терпеливо ждали помощи.

Второй пилот и Андрей остались на месте, а девушек отвезли к рейнджеру, где их уже ждал теплый душ и горячий

обед. Ждать возвращения вертолета пришлось немного больше часу.

В благодарность за наш поступок, накормили и нас. Заночевали мы в этом «цивилизованном» месте. К сожалению, мы не смогли пройти весь намеченный путь. У Павла настолько болело колено, что пришлось звонить домой и ждать, пока его отец не приедет за нами. Пополнив свои запасы, мы провели еще несколько дней в горах, отдыхая и наслаждаясь красотой природы. Мы ее теперь воспринимали иначе, все время вспоминая пережитое, и благодарили Бога за то, что Он дал нам возможность спасти две жизни, и увидеть Его прекрасный мир! Не забыли и скаутскую подготовку, без которой бы мы и не справились с таким походом.

Поднимись сюда, но не падай в обморок!

4. Разведчик друг всем и брат всякому другому разведчику.

Рассказывает
скм Ирина Халафова

1918-1919 Турция

Принцевы острова – группа небольших, субтропических, богатых растительностью островов, на которых были высажены русские беженцы после эвакуации Новороссийска. Острова находятся в Мраморном море недалеко от Царьграда. Самый маленький – Протти, затем Антигона, Халики и самый большой – Принкипо.

Новороссийск в моей памяти остался как выцветший черно-белый фильм: сыпной тиф – с серыми пятнами на ладонях; норд-ост, качающий вагон второго класса наш временный дом; перловый суп, гнилые галеты. Кругом какие-то «зеленые» и страх – наступающие «красные».

Унесший нас на остров Протти американский миноносец был чудом изобилия и чистоты; было стыдно за свою грязь и неприглядность, качало, стесняла бритая во время тифа голова. Мы уносились куда-то в неизвестность, и опять исчез отец.

* * * * * * *

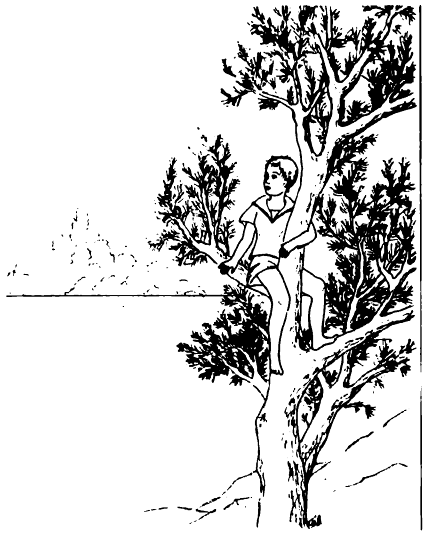
Я стою под высокой пихтой – маленькая, босая, страшно худая, обритая наголо. На мне старая мальчишеская матроска – единственное, что нашлось из одежды после пожара в вагоне,

уничтожившего наши последние вещи. Мир мой тоже был уничтожен.

Неделю тому назад мой брат умер от столбняка. Отчаянье мамы граничило с безумием. Ее взяли в госпиталь. Бывшую с нами преданную прислугу взяли на лагерную кухню, и она с собой прихватила маленькую сестренку. Мне было тогда почти 11 лет, и мною не интересовался абсолютно никто. Я была беспризорницей.

* * * * * * *

Я стою, пристально всматриваясь на север, смотрю, пока от солнечных бликов на Мраморном море не рябит в глазах. На севере – Крым. Там, в армии генерала Врангеля дерется с большевиками мой отец. Я дочь кадрового офицера и не сомневаюсь, что он должен драться за Россию, но, Боже, как он необходим здесь!

Приходит мысль – с верхушки пихты можно увидеть Крым. Выросшая среди двоюродных братьев, я всегда превосходно лазила по деревьям! С ветки на ветку, повисая и цепляясь, я забираюсь на верхушку. Поражает красота панорамы.

Скопление облаков на севере в моем воображении – Крым. Быстро закрещиваю Крым маленькими крестиками, читаю акафист Варваре Великомученице. Успокоившись, смотрю на юг, там купола и белые минареты Царьграда.

* * * * * * *

- Эй, мальчишка! А ну, слезай, пока я тебе уши не надрал!

Смотрю испуганно вниз, там стоит какой-то в неизвестной

мне форме и выглядит грозно. Первая мысль – чекист. Тут не поспоришь, а то – к стенке! – Сползаю.

Чекист подхватывает меня с нижних веток и ставит на землю.

- Ты что, подлец, там делал? Птичьи гнезда разорял? - У меня вырывается возмущение:

- Не-ет! Я смотрел.

- На что же ты смотрел?

- На Крым и на Царьград.

- И что же ты хотел в Царьграде увидеть? Щит Олега на воротах.

Чекист весело хохочет. – Далековато, варяг!- Затем осматривает меня, задумывается, и говорит:

- Вот что, ты мне нужен. Прояви расторопность. Беги на склад, найди есаула. Скажи – Гога, мол, за обещанными веревками прислал. Складовщику не попадайся, он пьяная гадюка. Ну, живо! Я тут подожду.

Кто-то мной интересуется. Мчусь стрелой. Склад я знаю, он у пристани. Есаула тоже знаю, его знают все…

Тренировка игры в казаки и разбойники – подкрадываюсь между ящиками и мешками. Вижу есаула, - он открывает ящик и в полголоса ругается разными нехорошими словами, за которые дома наказывали двоюродного брата.

Вытягиваюсь перед ним во фронт, салют к бритой голове. Скороговоркой:

- Ваше благородие, Гога за веревками прислал!- Есаул смягчается, ласково треплет за ухо, потом уходит куда-то и выносит сверток в тряпке и плиточку шоколаду.

- Это тебе, казак. Гадюке не попадайся, - сам - растакой джин хлещет, а не угостит!

Лечу обратно с веревками, сверкают босые грязные пятки. Гога ждет под пихтой.

- Принес? Молодец! Я тебя в отряд беру. Как фамилия?

- Комарова.

- Что?

- Комарова.

- Имя?

- Ирина.

Долгое молчание. Руки рупором: - Галя-а-а!

Бегут. Впереди черненькая, высокая, с косами. За ней девчонки разных возрастов и с волосами и бритые. Гога показывает на меня:

- Тут, Галя, странный фруктик, - чи парень, чи девка? Ты разбери.

Галя тоже в странной форме. Глаза смеются, но лицо серьезное. Спрашивает:

- Ты в Бога веришь?

Я удивленно: - Верю.

- Молитвы знаешь?

Тут я в своей сфере, скороговоркой, задыхаясь, говорю одну за другой нянины молитвы. Когда дохожу до «Да воскреснет Бог», Гога чешет затылок: - Это, Галя, для тебя. А я пошел. Кстати, веревки у меня.

Галя ласково: - У тебя умер брат, мы тебя искали. Ты будешь вожаком шестерки птенчиков, и будешь учить их молитвам. Ты молитвы лучше меня знаешь.

И вот, я одета в платье. Я не одна, мною интересуются, меня направляют и учат, под ногами твердая почва. Цепью соединенные руки, чудные слова: «Будь готова! – Всегда готова!»

Мы – русские скауты-разведчики. Мы – братья и сестры. У нас свои законы, которые нужно также твердо знать, как заповеди Моисея и заповеди Блаженства. У нас есть обязательное ежедневное доброе дело, свой гимн, свои Небесные Покровители.

Тот, кто терял почву под ногами, понимает огромное значение этого «Мы».

Галя учит нас со слов. Она готовит нас к сдаче третьего разряда. Нас трое – две обритые и хорошенькая, белокурая Тата. Мы учим упорно, твердо и на всю жизнь. Учим и таинственные узлы, чтобы в жизни уметь развязать и завязать любой узел.

Учим и Торжественное Обещание – присягу Св. Георгию.

Говорю Гале: - А ведь женщин к присяге не приводят.

Галя: - Разведчицы как Жанна д'Арк, подняли знамя за освобождение родины. Поэтому и их к присяге приводят.

* * * * * * *

Олег Иванович Пантюхов, Старший русский скаут, на самом большом из островов Принкипо, занятом англичанами, открывает парадом первый зарубежный отряд Русских разведчиков.

На всех Принцевых островах – русские беженцы и звенья разведчиков. Все должны съехаться на Принкипо.

Готовимся – сводное звено из трех девочек и пяти мальчиков – будет давать Торжественное обещание. Гога тренирует строй: «Левой! Левой!»

Хорошенькая и очаровательная Галя выпрашивает у гадюки-складовщика материю на форму, косынки и флаг. Шьем. Национальные и черные ленточки есть у Гоги.

Надо попасть на Принкипо. С соседнего острова Антигона идет катер. До острова мили три. Долго «организуя финансы», Гога и Галя нанимают большую косную лодку. Грек-хозяин у руля. Гога, Галя и два разведчика на веслах. Выплываем на зорьке и приплываем вовремя.

Мы на Принкипо, и нас встречают. Гога и Галя парадные, в настоящей форме. В руке у Гали будущие косынки.

У флагов стоят важные, парадные, в широкополых шляпах. Слышу, говорят, что много иностранных скаутов.

Я, первой из звена, подхожу к знаменам. Дочь офицера, я глубоко чувствую все значение момента. Государь, отрекаясь от престола, освободил офицеров от присяги. Присяга Временному правительству с его развалом, стала недействительной. Но Св. Георгий не освободит от присяги и не отречется – это моя присяга на всю жизнь!

Затаив дрожь волнения, и глотая комок в горле, отвечаю на вопросы. Вот я на одном колене. Чужой какой-то голос, громко и четко произносит слова Торжественного Обещания.

Улыбка Гали, желанная косынка, кто-то высокий в широкополой шляпе жмет мне левую руку и спрашивает что-то у Гали, Галя мнется. Отвечает, подмигнув мне, Гога. Высокий улыбается, и говорит: «Ты будешь Обезьянка!» Торжество момента совершенно затмило остальное празднество.

* * * * * * * *

В сумерки добираемся до нашей лодки. Тянет ветер, рябит. Выплескиваем из лодки воду, но не боимся:

Мы солдаты Святого Георгия.
Он не даст нам потонуть. Доплывем!

НАШ ФЛАГ

Медвежий Ус
Мюнхен 1949

В тот час, когда над нашею землею
Пронесся вихрь из крови и беды,
Тебя, наш Флаг, с сыновнею любовью
Мы в сердце бережно в чужбину унесли…

Ты с нами был и на полях сраженья,
В боях тебя несли мы впереди!
Ты с нами был и в горе пораженья,
Когда несли тебя, садясь на корабли…

Ты с нами был, и всем напоминая,
Что не сломил в нас силы злобный враг!
С тобой восстанет Родина Святая,
В боях простреленный
Трехцветный Русский Флаг!

ОН ШЕЛ – НИЧЕГО НЕ БОЯЛСЯ

Рассказывает витязь Павел Некрасов
Польша, 1941 год

«*Он шел, ничего не боялся*
Ни змей, ни быков, ни собак».
С. Михалков

В 1941 году, когда мне было девять лет, родители решили отправить меня в русский скаутский лагерь. Я был знаком с польскими скаутами – *харцэжами*, но что такое скауты и чем они занимаются, я точного понятия не имел и ехал «настороживщись».

Лагерь находился в курортном городишке Свидэр, в двадцати километрах от Варшавы. Мы с мамой поехали туда поездом, а от станции до лагеря было недалеко.

Варшавская дружина состояла из отрядов разведчиков и разведчиц, стаи волчат и белочек. Белочек, кажется, называли «рой пчелок». Всего было около ста человек.

Меня встретили, как мне показалось, равнодушно. Мама уехала, и я остался один. Я никого не знал, оказался самым младшим, так что на меня смотрели свысока, и дали мне кличку «Клопик». Никто мне толком не объяснил, что с меня требовалось, а если и объясняли, то не запоминалось. По неопытности и невежеству я часто попадал впросак. Дома у меня была полная независимость. Я ходил, куда и когда хотел, должен был только сказать родителям куда иду, и когда вернусь. Здесь я был постоянно на глазах у начальства, и это мне было не по душе. Я скучал. Новые друзья и новые порядки мне не нравились, и я рвался домой, под теплое крылышко папы и мамы. Вспомнилась мне песенка, которую мы тогда пели:

«*Нежнолапка Бибиси*
Потерял свои трусы…»

Возможно, что кто-то из старших и опытных лагерников имел ввиду именно меня, написав такие слова к популярной в то время песенке.

Лагерь длился все лето. Жили мы в одноэтажном здании барачного типа. Обстановка была весьма примитивная. Однако это не мешало распорядку дня, который соблюдался по всем правилам разведческих лагерей: побудка, смотр, завтрак, подъем флага, работы и задания, обед, «мертвый час», разряды, ужин, спуск флага, молитва и т.п. И, конечно, игры и ночные тревоги.

Прошли две-три недели, и я стал постепенно забывать «отчий дом», подружился с брашкой забияк и вообще стал энтузиастом нового порядка. Мало чего осталось от недавнего неженолапки.

Как-то раз ночью у нас была игра. Не помню точно, во что мы играли, но вернулись в лагерь довольно поздно, часа в 2-3 утра. Построились, и вдруг заметили, что не хватает одного! Стали его искать в лагере и возле него, но найти не могли. Тогда начались обсуждения – что же делать? А затем и споры: одни говорили, что надо его искать, во что бы то ни стало, а другие говорили, что искать нечего – сам придет.

Наконец решили, что надо искать, и послать на поиски добровольца. Из добровольцев оказался один я. Все обрадовались, что таковой нашелся, и пошли наверстывать прерванный сон, мне же дали фонарик и компас и послали, куда глаза глядят.

Никто за меня не боялся, да и мне совсем не было страшно. Лес был знаком. Недалеко от города Отвоцка, и не было в нем ничего опасного, ни зверей, ни людей.

Компасом я не воспользовался. Знал, что темная стрелка показывает на север, но что толку с этого, если неизвестно в каком направлении находится потерявшийся. Фонарик мне только мешал. Я видел, только то, что он освещал, а остальное исчезало во мраке.

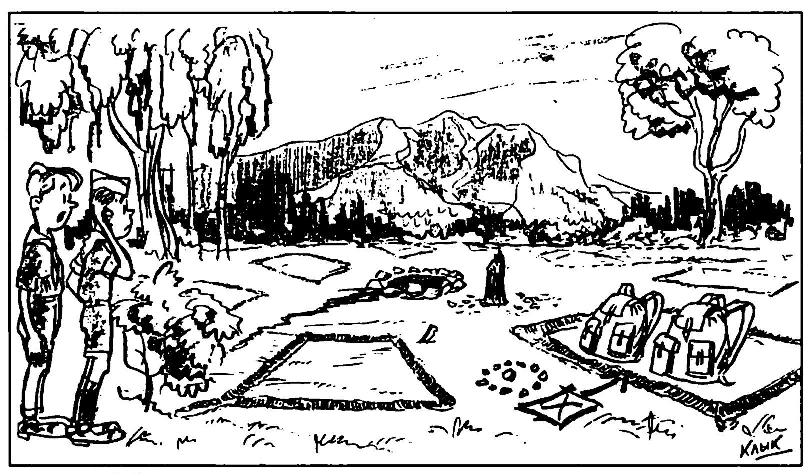
Я сунул в карманы фонарик и компас и пошел по своему наитию, руководимый шестым чувством. И тут меня охватило

чувство радости. Чувство полной свободы и гордости, что мне доверили такую важную миссию! Никто меня не видит, никто за мной не следит. Могу идти в любом направлении и делать что хочу. По мере того как я бродил по лесу, становилось светлее, и предметы вырисовывались яснее.

Бродил я часа два, пока не начало светать. Проголодался, замерз и очень устал. Хотелось спать, и я решил, что пора вернуться в лагерь. Да не так далеко я зашел от него, километра три, не больше.

Солнце было уже высоко, когда я, наконец, достиг лагеря. Все уже позавтракали, и удивленно смотрели на меня: «Ты откуда?» Потерявшийся давно пришел, и успел позавтракать со всеми вместе, а то, что меня не было, как-то не заметили.

Я отправился на кухню и выпросил еды. Меня покормили, а моим походом в одиночестве никто не поинтересовался. Все занимались своими делами…

- Мне тоже казалось, что лесная игра уж что-то слишком затянулась.

ОСЕНЬ

9.9.1949 Витязь Борис Тополев

Снова осень… Какая осень!
С сучьев плещется неба синь;
Потемнели ресницы сосен
И горчит на ветру полынь.

Воздух полон истомы сладкой.
Безмятежность… Усталость… Тишь…
И косые лучи украдкой
Гладят гребни покатых крыш.

Надо мной паутины нити,
Розовеет, струится даль…
Что угодно, друзья, берите, -
Ничего мне теперь не жаль!

Всех принял бы в свои объятья,
Всем упал бы, друзья, на грудь!
Или мы в этот день не братья?
Иль у нас не единый путь?!

ДРУЖБА

Рассказывает друж. Е. Тизенгаузен-Виреччи
Общие воспоминания 1954-55гг.
Лагеря Штат Нью-Йорк.

Прошло более полсотни лет с тех пор, как я ездила в лагеря ОРЮР. Вступила я в ОРЮР в 1948 году, когда мы попали в беженский лагерь в Австрии. Вечная благодарность всем тем верным скаутам, которые донесли огоньки костров Павловского парка в лагеря ди-пи.

Мой первый скаутский лагерь в Америке был в Магопаке, в южных горах штата Нью-Йорк. Мужлаг был довольно большой, а женлаг – поскромнее. Начальницей женлага была Галина *(Галка*, как ее все называли) Краснянская, а кухней заведовала Таня Ольшанская, с помощью своего мужа Алеши. Это была нежная пара, и мы с умилением смотрели на них.

У меня была отдельная палатка. Я приехала позже, все уже были с «сожительницами». Я была одна, но на выходные приезжала Галина Султан (Пендилл) и ночевала со мной. Я назвала свою палатку «Веселый медвежонок», а в конце лагеря, пронеся мой галстук через костер, Галка назвала и меня «Веселый медвежонок», и это стало моим лесным именем.

Уютную палатку №1 делили закадычные подруги Лариса Грязнова (Гума) и Валя Скарупка (Захарьина). Они во всех лагерях всегда были в одной палатке, и до сих пор неразлучные друзья. Валя отличалась большой чуткостью и была первой, показавшей мне, что такое настоящая разведческая дружба.

Я тогда разведческим опытом не отличалась. В день моего дежурства по лагерю, мне надо было зажечь вечерний костер. Как известно, это нужно сделать не более чем тремя спичками. И вот я принялась за дело: первая спичка – никакого огня. Вторая – то же самое. Зажигаю третью – и снова ничего не получается. Тут Галка начала «галдеть», обсыпая меня разными эпитетами! Валя спокойно встала, взяла мои руки, подвела их

куда надо, и мы сразу зажгли костер. Не даром Валя стала хорошей руководительницей.

Запомнился мне еще один эпизод с Валей. Пошли мы в поход. Над каким-то водопадом, в обед, сели за принесенные бутерброды. Все были заняты едой, и вдруг Валя говорит:

- Ну, и подруги! Никто не видит, что у меня недохват!

Это на меня произвело сильное впечатление: мы все так были заняты собой, что и не думали о других. А друзья должны друг другу помогать!

В следующем же лагере, около Джорданвилла, мне повезло: я смогла превратить теорию дружбы в практику. Мне выпало счастье делить палатку с Астой Терских (Аристовой) из Буффало. При приезде в лагерь она умудрилась защемить большой палец левой руки в двери машины. Палец был поломан. Врач забинтовал его огромнейшей повязкой и приказал руку носить на привязи. Одной рукой Асте было не справиться. И вот я стала ее «левой рукой». Я ее кормила, резала мясо, завязывала шнурки, помогала стелить постель и пр. Мы стали называть друг друга «Лапа», «Лапка» и «Лапище» и так это осталось у нас до сих пор.

Слева Тина Губарь (Рышко), а я кормлю Асту обедом.

Вместе с Астой и Майей Белавенец (Ивановой) мы сдавали 1-ый разряд, и пошли в поход с ночевкой. (Кстати, нас троих прозвали «Хвосты», потому что у всех троих волосы были

связаны сзади хвостом). Нам надо было достичь определенной точки на «горе». (Это был просто высокий холм). По дороге туда мы раза два-три сбивались с пути. Приходилось возвращаться и топать в обратном направлении.

«Хвосты» выступают в поход: Майя, Лена (я) и Аста.

Хорошо, что дело было летом, и ночь была светлая, потому что было уже очень поздно, когда мы, сверяя по карте и компасу, добрались до места ночлега. Был у нас с собой топорик. Мы нарубили еловых веток (которыми потом прикрывались холодной ночью), набрали хворосту, развели костер, поужинали, и вытащили карты... Играть мы не играли. Но гадать – гадали. Гадала я. Сначала Майе. Не помню, что именно выпало ей, а потом Асте. И, как Аста до сих пор помнит: ей выпали червовые король, валет и туз! Это значит блондин и любовь! И, когда Аста скептически, и даже иронически, спросила, когда все это сбудется, то я не задумываясь, ответила:

- Так через год, полтора.

Мое гадание сбылось. Через 13 месяцев после этого события Аста вышла замуж за – блондина. Много лет спустя, мы узнали, что в 30-ых годах, в далеком Киеве, отец ее мужа был лучшим другом моего отца.

На следующее утро встали рано и стали спускаться с «горы». Трава была высокая и мокрая от росы. Пока мы дошли до

дороги, обувь у нас промокла насквозь, и мы шли, чавкая при каждом шаге: «Чавк! Чмок!» От этого «чмоканья» я натерла мозоли, да такие, что была не в состоянии идти. Сняв ботинки, я шла в носках. Босиком было больно: асфальт нагрелся, а там, где его не было, были острые камушки. Так и шли втроем: у одной рука на перевязи, другая на каждом шагу хромает, а у Майи болело решительно все! И не удивительно, т.к. она на себя навалила лишний груз. В лагерь пришли к ужину, а когда потом, глядя на карту, подсчитали, сколько мы прошли, то вышло, что мы за два дня отмахали больше 30 миль!

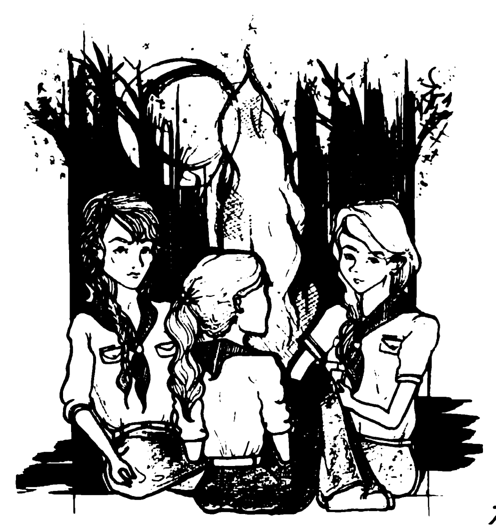
Так и в злободневном «Журавле» на мотив «Соловей» было написано:

«Вот пошли «Хвосты» в поход, да зашли они в обход.
Вместо милей двадцати, отмахали тридцать три!»

По ночам, после отбоя, мы с Астой подолгу разговаривали. Вдохновлялись, вдавались в философию… А тут из соседней палатки слышался крик:

- Девочки! Спать пора! – Это была Тина Губарь (Рышко) начальница лагеря.

Уж слишком скоро настал прощальный костер, и мы разъехались по домам. В переписке были долгие перерывы, но дружба, а это самое ценное – осталась навсегда.

Ж. Д.

РАЗВЕДЧИК РАЗВЕДЧИКУ БРАТ

Рассказывает скм Игорь Тимохович
Калифорния 1960 год

*Л*агерь был в горах. Разведчиков было мало, и в поход взяли и волчат. Решили забраться на ближайшую сопку. «Лысая гора» прозвали мы ее. Она высилась над лесом, и отличалась тем, что на ее вершине ничего не росло.

Шли напрямик, через лес. Леса в тех местах редкие. Идти трудно. Почва рыхлая – вулканическая, и ноги проваливаются. Пока дошли до подножья горы успели устать. Гора оказалась круче и выше, чем мы ожидали. Отдохнули, и полезли вверх.

Подъем оказался утомительным – «шаг – вперед, два – назад!» говорили мы. При каждом шаге вперед, немного сползали. Наконец, добрались до вершины. Стоило подняться! Вид был замечательный. Ни облачка, ни дымки. Казалось, что мы видим край земли. В самой вершине была впадина, как и полагается вулканической сопке, но туда спускаться не рискнули. Трудно было бы выкарабкиваться по рыхлой золе. Обошли кратер. Солнце жгло немилосердно.

Удивились, что «лысина» такая большая, и повернули обратно. Казалось бы, что спускаться легче, чем подниматься. Да нет! Мы все время черпали ногами золу, и камушки залетали в обувь. Во рту пересохло, и мы шли в облаке пыли. Приходилось время от времени останавливаться и снимать ботинки и носки, вытряхивая острые камушки. Как мы туго не затягивали шнурки, как мы плотно не прижимали носки к ногам, а пемза все равно залетала.

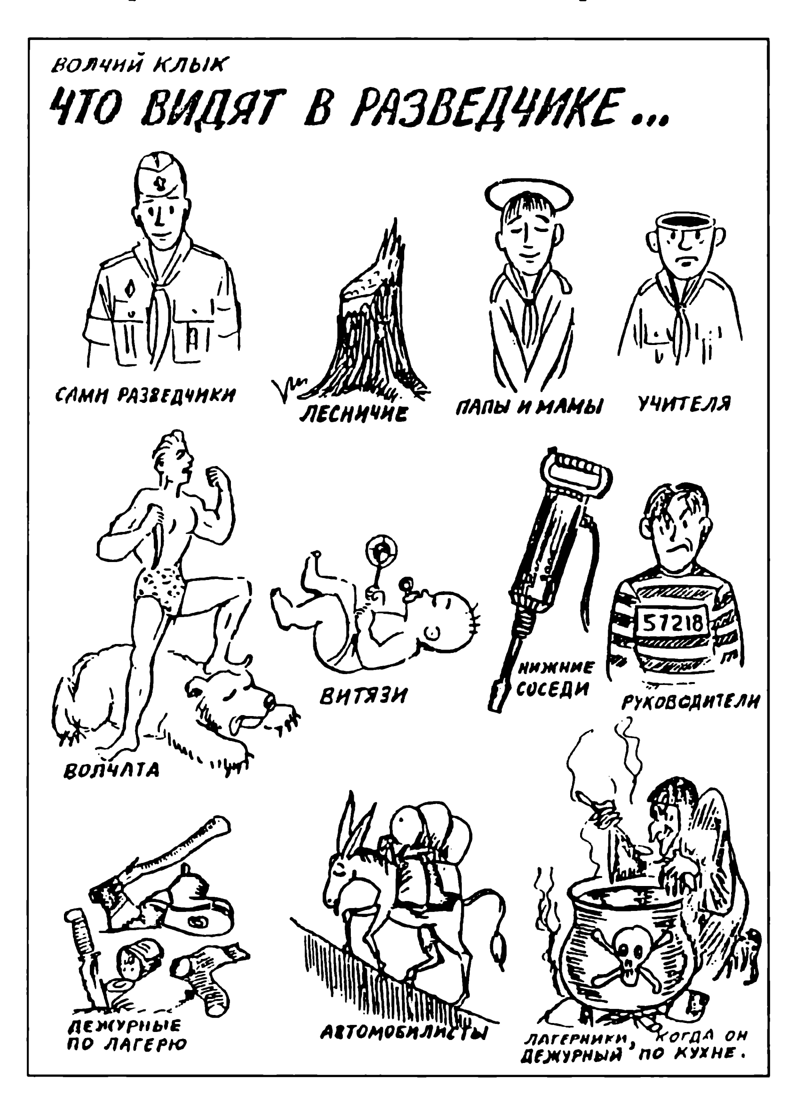
Утомительный путь, жара, и отсутствие тени начали брать свое. Один из наших волчат выбился из сил. Он был красный как рак. Пот струился ручьями. Он сел на землю и чуть было не заплакал.

- Я больше не могу…- сказал он в отчаянии, и замотал головой.

Тут подошел к нему разведчик Саша Бураковский, подал руку, поднял мальчика на ноги. Присел:

- Залезай! – сказал он, подставляя спину.

Волчонок послушался. Залез на спину. Саша встал и пошел с ним как с рюкзаком и донес до самого лагеря.

5. Разведчик исполняет приказания родителей и начальников.

ПОХОД ЗА ИМЕНЕМ ЗВЕНА

Рассказывает
скм Михаил Плеханов
Маньчжурия 1930-е годы

***П**оход за именем звена состоялся в бывшей Северной Маньчжурии, на отрогах гор Хингана.

На место сбора наш скаутмастер привел с собой витязя, которого представил нам как нашу «лисицу» в предстоящей игре «по следу». Витязь сразу скрылся в кустах, а скаутмастер сказал, что игра начнется от первого холма, до которого минут 15-20 спокойной ходьбы, и там мы найдем первые следы и знаки.

- Предупреждаю, - сказал он на прощанье, - глаза надо держать открытыми, потому что следы из цветной бумаги будут путанными – переплетены с дорожными знаками, петлями, ложным следами, и будет попытка сбить вас со следа.

Наша задача была идти по следу и постараться настигнуть «лису», а во время хода игры, нам было сказано, будет много возможностей найти и «завоевать имя звена», и он дал сигнал к выступлению.

Наш путь лежал вдоль горной речушки, и мы шли не торопясь, наслаждаясь весенней природой – масса полевых цветов, а главное, цвел багульник, и воздух был напоен весенним ароматом.

Витязь, конечно, не зевал, а видимо летел как птица, т.к. ему надо было выиграть 10-15 минут времени.

Прибыв на указанное место, мы сразу же нашли первый знак и следы цветной бумаги и, игра началась…

Вскоре мы убедились, что витязь отлично знал своё дело – он делал и петли, и ложные следы, т. е, след внезапно останавливался у отвесной скалы или у обрыва, и стоял знак «дороги нет». И нам приходилось возвращаться к последнему знаку и искать настоящий след. Вскоре мы вышли к берегу ручья, следы пошли вдоль берега и оборвались. Мы долго искали их, и,

наконец, нашли полоски бумаги на упавшем, скрытом кустами, дереве через ручей. Благополучно перебравшись через ручей и найдя следы, мы продолжали наш путь с заметным подъёмом на холм. Неожиданно на одном повороте ложного следа кто-то увидел фигуру витязя на вершине горы, но пока добрались до вершины, то витязя и след простыл – нашли знаки и цветные бумажки. Продвигаясь по следам, на краю обрыва, увидели дерево, а на нем знак, что письмо на дереве.

Во время игры, скаутмастер заметил, что двое мальчиков своей смекалкой, быстротой и догадливостью достигли того, что при возникавших затруднениях, взгляды остальных все чаще и чаще обращались к ним, и таким образом, наметился вожак и его помощник.

Но вернемся к письму. Письмо найдено, и в нем было написано:

«Пойдешь налево – мудрость добудешь.
Пойдешь направо – ловкость и быстроту добудешь
Пойдешь в овраг – зоркий глаз и бесстрашие добудешь!»

Мы увидели, что время приблизилось к выбору звенового имени, усталость как рукой смахнуло, все заволновались и принялись обсуждать, что важнее иметь разведчику.

Большинство решило, что хорошему разведчику нужны зоркие глаза и бесстрашие при исполнении долга.

Решено было сократить путь, и... начался осторожный спуск в овраг, что оказалось далеко не легким делом. Пригодились скаутские веревки, т.к. в некоторых местах была голая скала; нам пришлось укрепить веревки, и при спуске, держаться за них.

Спустившись на дно оврага, ребята рассыпались цепочкой и скоро нашли следы и знаки, которые вели в центр оврага и упирались в большой валун, на котором лежал конверт с письмом, написанным шифром.

«ЕТЙОТС МОЦИЛ К УВЫРБО
АН ИИНЯОТССАР 001 ВОГАШ ОВАРПВ
АН ЕТОСЫВ ХУВД ВОТУФ
ДОХВ В УРЕЩЕП, А
В ЕЦНОК ЁЕ ТЭУЛИС ОГЕШАВ АНЕВЗ»

Ребята смутились от такого письма, но принялись гадать и сопоставлять и, наконец, общими усилиями, разгадали написанное.

Начались поиски входа. Ребята рассыпались цепочкой и осматривали каждый кустик и яму, но ничего не нашли. Обратились к скаутмастеру, но тот ответил, что у них видимо недостаточно зоркие глаза.

Осмотрев вторично подножье горы на линии 200 шагов и не найдя выхода, они решили, что в письме ошибка и надо искать в другом месте. Но скаутмастер сказал, что в письме ошибки нет, и что они недостаточно хорошо искали и, что «разведчик настойчив» и еще, что «разведчик доводит начатое дело до конца»...

Усталые и потерявшие уверенность в успехе, они вновь принялись за поиски входа.

Самый маленький скаут, осматривая обрыв, увидел любопытные глазки какого-то зверька на высоте, примерно, 15-20 футов и полез познакомиться с ним. Симпатичный зверёк не проявлял признаков страха, и наш разведчик залюбовался им и собирался, видимо, представиться ему, но сорвался и свалился в заросли кустарника.

Все бросились к месту происшествия, но в это время раздался вопль: «Нашёл! Нашёл!» На вопрос: «Что нашёл?» последовал ответ: «Вход в пещеру!»

Вход зарос кустарником и ползучими растениями, так что для того, чтобы добраться до упавшего скаута, пришлось расчищать дорогу топориком.

Вход представлял собою щель в два фута ширины и три фута высоты. В пещере нашли два факела и спички, а в коробочке записку и никаких следов. Записка гласила: *«Будь осто-*

рожен, зоркие глаза спасут от падения в расщелину-пропасть».

Ребята немножко смутились от возможности падения в пропасть, но решили продолжать путь.

Пещера, в некоторых местах, была высотой в полтора человеческих роста. Ребята зажгли факелы и двинулись очень осторожно вперёд. Пещера шла зигзагами, заметно поднимаясь. Состояние у всех было напряженное, т.к. никто не хотел свалиться в пропасть, тем более что кое-где приходилось двигаться, пригнувшись, а то и на четвереньках. Потолок пещеры местами поднимался, местами был очень низок, все двигались молча и осторожно, но до пропасти еще не добрались.

После 10-15 минут путешествия, а может быть дольше, на повороте, появились лучи солнечного света, а затем показался и выход из пещеры и, изумлённым ребятам представилась картинка: «лисица» по следам, которой они шли - витязь мирно сидел у костра, попивая чаёк и дожевывая бутерброд. Рядом пробивался родничок, а над головой, к скале был прикреплен силуэт СОКОЛА.

При виде такой картинки все вдруг вспомнили, что время уже за полдень, а в желудках пустота.

Два раза приглашать к костру, у которого было приготовлено два котелка чаю, не пришлось, но прежде прокричали громкое «ура» в честь имени звена «СОКОЛ», а затем уже присоединились к витязю.

Однако пришлось удовлетворить любопытство ребят: знал ли скаутмастер об этой пещере, и как попали туда факела, спички и записка при отсутствии всяких следов?

Скаутмастер сказал, что он с витязем не раз бывал в этих местах, знал и о пещере, которую, видимо, когда-то создали потоки весенней воды с гор. Знали также и о том, что вход почти зарос кустами, но не настолько, что его было невозможно найти, и поэтому витязь от выхода пробрался к входу, оставил там факела и спички, веткой замёл следы, и вернулся к родничку.

Он добавил, что две другие тропинки, а там немало интересных головоломок и загадок, которые понастроил витязь, проходя вокруг горы, ведут тоже сюда. Вон у того входа висит силуэт совы, а у противоположного входа на скале можно найти силуэт оленя. Вообще это идеальное место для проведения скаутских игр, так как среди скал много лабиринтов, ходов и выходов.

Ребята выразили желание исследовать и другие направления, но скаутмастер сказал, что сегодня на это не хватит времени и, что мы сюда еще вернемся.

- Вы увидели только частицу нашей скаут-разведческой жизни и уже полны энтузиазма и желания для совершения новых побед и открытий. На этом пути вы найдете много разных приключений и интересного, особенно в лагерной жизни – беседы у костра, дневные и ночные игры, походы, различные соревнования и встречи со скаутами других наций. А с ними будете состязаться по спорту, и скаутской практике.

Сегодня вы добыли имя звена, и для этого вам пришлось затратить некоторые усилия – проявить желание, инициативу и настойчивость. Это происходит и во всех скаутских начинаниях.

Чтобы держать на высоте добытое вами имя звена, надо быть отличными скаутами на скаутской лесенке, а для этого надо, прежде всего, подготовиться к третьему разряду, который познакомит вас с нашей организацией, и получить галстук, дав Торжественное Обещание.

Вот тут-то и понадобятся ваши желание и настойчивость, т.к. всё это не так просто, ибо скаутский галстук надо заслужить путём исполнений разведческих законов.

Наш галстук оранжевого цвета и является символом пламени костра, у которого мы даём Торжественное Обещание. Четыре стороны скаутского галстука являются символом нравственного идеала скаута – Бог, Родина, Правда и Честь. Галстук же, сложенный косынкой, является символом физического идеала скаута – здоровье, ловкость и сноровка.

Иметь скаутский галстук это значит, по своим поступкам, быть именно скаут-разведчиком.

Добытый вами звеновой флажок будет вручён звену в торжественной обстановке и вы сможете ввести особый клич-девиз звена, и особую церемонию начала и конца сбора звена, а сейчас давайте споем наши песни и разучим новую – «По болотам, в чистом поле…»

После этой нашей первой беседы у костра, мы выбрали своим кличем-девизом: «Дружно вместе вперёд!», прокричали громкое «Ура!» нашему первому походу, пустили ракету в честь добытого имени звена, и с песнями двинулись новым, прямым путём домой.

ОРГАНИЗАЦИЯ РОССИЙСКИХ ЮНЫХ РАЗВЕДЧИКОВ

ЗВЕНОВАЯ СИСТЕМА

РАБОТА СО ЗВЕНОМ

ИЗДАНИЕ ГЛАВНОЙ КВАРТИРЫ ОРЮР-НОРС

Западно-Американский Отдел

Санта Роза

Калифорния

1992

Рассказывает Геннадий Чернопятов
Регенсбург (Германия), 1946

В первый поход с ночевкой пошли мы с начальником дружины – ски Виктор Викторовичем Розенбергом. Мне было тогда 11 лет, и был я еще волчонком. Нам импонировало то, что мы пошли в такой поход, да еще со старшими разведчиками.

Интересно было идти по лесу. Приходилось карабкаться по скалам, и мы часто останавливались и любовались красивой местностью: внизу река Дунай, а над ней отвесные белые скалы, покрытые темно-зелеными шапками елей и сосен. Кое-где около аккуратных немецких полей виднелись чистые домики с красными черепичными крышами. И везде чувствовались тишина и покой.

Начало смеркаться, и Одинокий Волк (Виктор Викторович), так, между прочим, посоветовал нам запомнить два громадных красивых дерева. Ну, мы посмотрели, одно даже обмерили, но большого значения не придали.

Вскоре разбили палатки, и, поужинав, уселись у костра. Стало уже совсем темно. После нескольких песен Одинокий Волк начал говорить о красоте природы, об обворожительности леса и несколько раз упомянул слово «храбрость».

Сначала мы бузили и веселились, но постепенно начали затихать и затихли. Потом стали бросать быстрые взгляды через плечо, но красоты, о которой говорил Одинокий Волк, не видели: черный лес, шумящие верхушки деревьев, и какие-то странные шорохи не создавали очарования. Мы сели теснее, и я должен признаться, что нам стало прохладно.

Вдруг Виктор Викторович встал и сказал:

- Ну, теперь я проверю вашу храбрость. Вы помните те деревья, которые я вам показывал? Так вот…

И он сказал, чтобы мы волчата, по одиночке, пошли к ближнему дереву и поставили на нем знак, не помню уже точно какой. Разведчикам надо было сделать то же самое, но их дерево было в два раза дальше нашего.

Один из волчат отказался идти. Первым пошел Юра Мирошников. Мы его ждали 15 минут, он не вернулся, и тут настала моя очередь.

Медленно я вышел из ряда палаток и, больше глядя назад, чем вперед, шел до тех пор, пока голоса ребят не стихли, и светящаяся точка костра не пропала в темноте. Я остановился. Мне было страшно. Не то птицы шевелились во сне, не то они хлопали крыльями, а может быть, это был просто ветер, но что-то таинственно шуршало в макушках деревьев. Сердце ушло в пятки. Я действительно почувствовал, как что-то стучит у меня в пятках: бум-бум, бум-бум! Я бросился бежать в сторону дерева, стараясь делать как можно больше шуму, чтобы побороть страх, и вдруг увидел как что-то шевелится.

Я моментально присел за куст. Что-то не двигалось с места, но явно шевелилось. Я никак не мог понять, что это – собака, или какой-нибудь лесной зверь, или просто пень. Мой страх сменился любопытством, и я осторожно начал выползать из-за куста. «Что-то» оказалось Юркой! Ушел до меня и не вернулся! Он стоял на четвереньках и что-то рассматривал.

- Это ты так знак ставишь? – спросил я, совершенно успокоившись.

- Светлячки! Светлячки!- ответил он, тыча пальцем в светящиеся кусочки гнили.

- А где же дерево?- спросил я.

- Не знаю. Смотри! Какие светлячки! – храбрость Юры была замечательна, но мне она, к сожалению, не передалась.

- Ну, ладно! – сказал я. – Ты смотри на светлячков, а я пойду искать дерево.

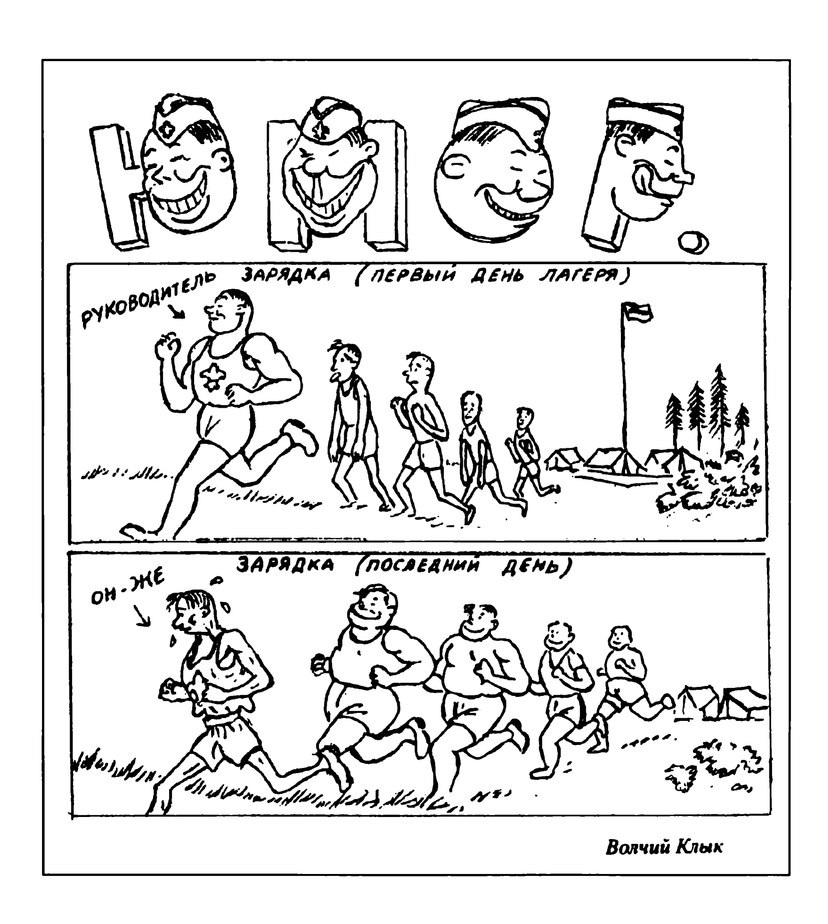
Дерево я долго не искал, а пустился бежать без оглядки к дубу разведчиков, который, как я уже сказал, был в два раза даль-

ше нашего. Добежав до дерева, я поставил знак и опять, опрометью бросился бежать.

Я долго не мог отдышаться, когда вновь стоял в кругу палаток у яркого костра, но первое испытание храбрости было выдержано, и я с приятным чувством залез под одеяло.

Юра, налюбовавшись светлячками, и не найдя нашего дерева, поставил знак на другом и вернулся в лагерь.

На следующий день, когда мы, весело разговаривая, возвращались домой, мы обнаружили, что Юра-храбрец поставил свой знак в пяти шагах от того дерева, на котором ему полагалось быть.

Рассказывает П. Ме.

Штат Нью-Йорк, 1954

Две светлые, окаймленные зеленью полосы плавно убегают вдаль. Кажется, что кругом тихо: ни гудков, ни гула моторов, только ветер свистит в ушах, да шины шуршат по бетону и в глаза бесконечной цепью врываются обтекаемые формы разного цвета автомобилей. Это – одна из многочисленных автострад на подступах к Нью-Йорку.

За нами душная пустыня заплеванного асфальта и грязного кирпича. Впереди – зеленые холмы, голубые озера, заманчивые лужайки с дощатыми домиками. Правда, по этим холмам нельзя ходить – колючая проволока и таблички «Частная собственность… штраф 500 долларов, а на лужайках нельзя лежать – ядовитый плющ, а в озерах нельзя купаться – резервуары питьевой воды, но все же иллюзия природы есть. А там, дальше, 60 миль за этими холмами, там уже не иллюзия – там РАЗВЕДЧЕСКИЙ ЛАГЕРЬ.

От «поэзии» перейдем к фактам. Лагерь «Бодрость» - второй Царскосельской дружины ОРЮР в Нью-Йорке. Время 3-19 августа. Местность: холмистая, к северу от Кармель, штат Нью-Йорк. Девиз лагеря – «Чем труднее, тем почетней».

Начальник лагеря – ски Владимир Тремль. Женский подлагерь – «Борьба» - начальница – дружинница Наталья Кушнир. Руководительский состав: скаутинструктора: Журин, Месснер, Кулак, Пушкарев; и инструктор – М. Михеев. Средняя численность лагерников в будний день – 54 человека. По субботам и воскресеньям в строю до 89 членов ОРЮР, а в сто-

роне еще десятка два-три родителей и иных гостей. Вообще на выходные лагерь становится центром «общественной жизни». Лагерь длился 16 дней. В нем было 23 небольших (собственных) и одна большая палатки. Большую, на 14 человек, получили из только что закончившегося лагеря НОРР. Расходы по лагерю приближаются к 1500 долларам. Свой участок земли (около 20 га) для лагеря любезно предоставляет бесплатно С.С. Богданович.

Если прошлогодний лагерь «Заря» на территории Новой Коренной Пустыни еще проходил, в общем, в рамках послевоенных европейских традиций, то в этом году в лагере появился ряд совсем новых явлений и связанных с ними вопросов. Итак – новое в лагерной практике.

АВТОМОБИЛЬ: в будние дни – два, по воскресеньям более десяти. Они подвозили продукты, отвозили ребят на купанье (6-10 миль), были незаменимы при нахождении трассы походов и бегов, короче говоря, лагерь не мог бы существовать без собственного автотранспорта (до железной дороги – 22 км). В воскресенье 10 мобилизованных автомобилей гостей в какие-нибудь пол часа перебрасывали весь лагерь в Коренную Пустынь, за 20 км, на богослужение.

АРМИЯ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ была представлена в лагере двумя нашими руководителями – в данное время военнослужащими армии СШ, - которым удалось получить отпуск.

БОЙС СКАУТС ОФ АМЕРИКА впервые были приглашены в гости в русский разведческий лагерь. Приехали два начальника местных советов и трое вожатых. Ребят мы немедленно послали участвовать в беге на 2 разряд, который по их словам, оказался необычайно трудным. Американцы уехали после спуска флага, полные хороших впечатлений. По окончании лагеря четверо наших разведчиков поехали по приглашению начальника Нью-Хейвенского Совета БСА, на шесть дней в гости в американский лагерь.

«ВИКЭНДЩИКИ» - разведчики и неразведчики: вообще всякие гости, приезжавшие на выходные. Бич лагеря. Своим количеством делали нормальную жизнь и дисциплину в лагере по выходным невозможной. По ночам вынуждали коренных жителей лагеря спать в машинах, под звездами, где попало… Была среди викэндщиков *(как их назвали переведя английское «викэнд» - конец недели. Ред.)* и одна выдающаяся личность – витязь, приехавший из Калифорнии, «голосуя» на дорогах. За пять дней он переменил до 200 машин, проехал 3000 миль, и истратил всего 10 долларов.

ГУБНАЯ ПОМАДА в лагере широко применялась при расстановке дорожных знаков, при татуировке мятежников в день революции, и др. Количество старших разведчиц, применявших ее по назначению, в первые же два дня было снижено с 95% до 0%.

ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ имелось в лагере в виде револьвера и винтовок. Стрельба была введена в программу 1-го и 2-го разрядов и пользовалась большой популярностью у лагерников, но вызвала нездоровый интерес у местной полиции.

ФОТО И КИНОАППАРАТЫ ни в одном лагере не использовались так массово и так энергично. Когда хозяева всех фотоаппаратов выбегали из строя, чтобы его снять, то строя не оставалось. А когда лагерь стали снимать на кинопленку, консерваторы окончательно заворчали: - Мол, весь лагерь превратили в Голливуд!

ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ НА ЗЕМЛЮ, доведенная до крайности в «капиталистических странах» - враг разведчества №1. По пересеченной местности вообще двигаться невозможно, не подвергаясь опасности, а к вечеру очутиться на суде. Отсутствие нечастной земли сделало невозможным проведение настоящих ночных игр, индивидуальных походов на 1-ый разряд, и вообще до крайности стеснило свободу передви-

жений. Только часть этих трудностей удалось не без риска преодолеть благодаря автомобилю.

****

В целом, несмотря на свою краткость и неприятности извне, лагерь прошел на редкость насыщенно и удачно. Нужно отметить следующее: трудный 12-часовый комбинированный поход (40 участников), интересный бег на 1-ый разряд, День памяти верных, Т.О. витязей и дружинниц, остроумный суд над руководителями в день «революции», наблюдательную вышку над лагерем, литературный костер старших в штаб-палатке, и костер-младших, устроенный по инициативе снизу, без единого руководителя, и прошедший удивительно хорошо. Важно и то, что почти 30% лагерников были одиночки, приехавшие издалека, оставшиеся верными Организации, несмотря на многолетний отрыв от нее. В лагере создалось чувство родного русского пристанища среди чужого моря.

И перед отъездом, каждый с силой забивал топор со словами:

«На будущий год – снова в лагерь!»

Поход звена Чайка

Рассказывает Звездочка
Штат Нью-Йорк, 1954 г.
«Свисток» № 35

Осталась только одна неделя до конца лагеря. Мысли были еще далеко от грустных размышлений о конце свободы, и настроение было бодрое и боевое.

Даже звено «Чайка», которое в течение всего лагеря не отличалось особым энтузиазмом, вдруг заволновалось, когда было объявлено о звеновом походе-состязании. Сразу же начались поиски маленьких рюкзаков, фляжек, ножей, веревок и кошельков. Тут возник вопрос: хватит ли на звено трех фотоаппаратов. На звеновую аптечку был наведен блеск нашей усердной санитаркой Наташей.

Наконец все было в порядке. У Мышки даже откуда-то взялись чистые белые носки, а у Бобрика появился свисток.

Звено было построено, сфотографировано и уже оставалось только несколько минут до отхода, когда вдруг, до слуха звена донеслись какие-то всхлипывания и похрюкивания, исходившие из палатки, неофициально названой «Одесса». Эти звуки исходили от существа, которое было единогласно названо «Несчастьем». Так как «Несчастье» не принадлежало ни к одному звену, и ни одно звено не соглашалась взять ее с собой в поход, то бедному Несчастью пришлось оставаться в лагере. Кто-то из девочек робко и еле слышно высказался, что может быть, можно было бы рискнуть принять Несчастье в свою среду, взявши предварительно с нее всякие клятвы и обещания о послушании и хорошем поведении. Предложение было принято, Несчастье вызвано, клятвы даны и мы двинулись в путь.

У каждого из нас была своя работа – Медвежонок, прику-

сив язык, усердно зарисовывала дорогу, Мышка писала дневник, а остальные делали добрые дела, т.е. подбирали все бумажки на дороге, и закапывали их.

Несколько трудно было найти назначенное место для обеда. Мы прошли мимо него только три раза, но, в конце концов, устроились метрах в десяти от него (сей факт, мы установили на обратном пути).

Когда костер был разведен и стол (поваленная не то сосна, не то ель) накрыт, оказалось, что вода в ближайшем ручейке высохла, и остались только застоялые лужицы. Таня и я сделали попытку добраться до воды, идя вверх по ручейку, но дело кончилось только занозой в Таниной руке. Сразу же нашлись три любителя, которые принялись лечить руку, обливать ее йодом и обматывать бинтом, употребляя все существующие типы перевязок.

К всеобщему сожалению, жара была жуткая, питьевую воду из фляжек пришлось употребить на суп. Зато суп удался на славу, и, несмотря на то, что его было, чуть ли не пол ведра, он был весь съеден до капельки.

Было сделано усилие провести мертвый час, но кончилось это тем, что кто-то перерисовывал начерченный путь, кто-то дописывал дневник. Синичка нашла необходимым стругать палочки, а Бобрик абсолютно не могла принять горизонтального положения.

Лесная игра, проведенная после мертвого часа, прошла очень успешно – никто не проиграл и никто не выиграл, ибо, когда прозвучал длинный свисток, обозначавший конец игры, оказалось, что никто из нападающих не успел еще напасть. Мы не долго горевали, потому что у нас оставалось всего несколько минут до отхода.

Одним из результатов игры была потеря ботинок Несчастья и Тани. Чтобы было удобней подкрадываться, они сняли ботинки и положили их под елочку. Вышло некоторое недоразумение, когда оказалось, что на месте игры было много елочек, и все они были похожи друг на друга.

Через некоторое время ботинки были найдены и мы отпра-

вились в путь. То мой, то Бобрика свисток подбодрял идущих. Всем уже казалось, что еще несколько шагов и мы увидим сине-зеленую гладь родного озера, как вдруг Бобрик остановилась как вкопанная, и с ужасом в голосе и в глазах пролепетала, что она во время игры сняла свой топорик и оставила его под елочкой.

После нескольких минут переговоров, было решено идти медленным шагом вперед, а Бобрик побежала за топориком.

Мы нервно поглядывали то на часы, то на тропинку, идет ли Бобренок или нет. За несколько минут до назначенного срока, когда нам надо было явиться к озеру, прилетела, запыхавшись, Бобрик. Тут мы все быстро построились и понеслись бегом. К озеру мы прибыли минута в минуту… Вот повезло!..

Все с наслаждением полезли в воду и начали барахтаться. Я еще раз посмотрела на расписание – в лагерь надо было явиться к четырем. От озера до лагеря было максимум пол часа. В три был дан свисток «из воды!» В 3:15 последняя вылезла, в 3:40 Несчастье надела свой самый последний носок. С 3:40 до 3:45 мы строились, и еще через несколько минут мы понеслись в сторону лагеря.

Свисток пронзительней, чем ранее отчеканивал: «Левой! Левой! Правой!» Некоторые слабосердечные существа отказались идти, а оставалось всего две минуты и несколько шагов до лагеря. Все меры были приняты для того, чтобы подстегнуть их, и ровно в 4 часа звено «Чайка» сдало рапорт о благополучном прибытии в лагерь.

6. Разведчик вежлив и услужлив

И ВСЕГДА СТАРАТЬСЯ ДЕЛАТЬ ДОБРЫЕ ДЕЛА

Рассказ очевидца
Регенсбург 1946 год

У нас в Регенсбурге часто бывали международные скаутские состязания. Перед выходом Одинокий волк, он же скм Виктор Викторович Розенберг, в своем напутственном слове давал полезные советы, предупреждая, что разведчики должны быть всегда готовы, вежливы, услужливы и стараться делать добрые дела.

Во время одного состязания мальчики починили мостик через ручей. В другой раз помогли старушке нести тяжелую сумку с картошкой, а пока шли до ее дома, Борис Рогозин все время с ней вежливо разговаривал. По-немецки он говорил бегло.

Впоследствии выяснилось, что старушка-немка была подставным лицом, т.е. никакая не немка, а руководительница, не то украинка, не то белоруска и жила в нашем лагере. Она приписала нашим разведчикам должное количество пунктов за их доброе дело и вежливость.

И на любом состязании могло случиться всякое. Как-то раз выступили мальчики в поход, шли полями, да лугами, то деревней, то лесом. Вдруг видят, как крестьянин лошадь ловит. Бегает по загону за лошадью и никак не может накинуть ей петлю на шею. Старшие разведчики Коля Фруктов и Женя Зайцев решили пособить: перелезли через ограду и пустились доброе дело делать.

Крестьянин обрадовался, что пришла подмога, а лошади казалось, этого и надо было. Она решила, что это игра: подпустит близко людей, а потом круто повернет и галопом между стоящими мальчиками, так и пробежит, и… дальше.

Лошадь по мягкой почве бегает, земля к копытам пристает, комьями отскакивает, крупными брызгами близко-стоящих к ней с ног до головы покрывает. Медленно и осторожно подхо-

дят к ней двое, широко расставив руки, как для объятий, и стараются загнать ее в угол, а третий – сам хозяин, веревку в кольцо скрутил, хочет на шею лошадиную накинуть. Лошадь осторожно отходит к забору, фыркает и через плечо одним глазом поглядывает. Вот забор уже недалеко и все трое подошли так близко… еще шаг…

- Иии-иии… - заржала кобыла. Встряхнула головой, ноздри раздула, уши подняла и цок-цок-цок проскакала между теми, что в рубашках с галстуками. Звонко ударила копытом по пышному бугорку травы, разбив сочные стебли на мелкие темно-зеленые брызги, хвостом кометы окрасивших шорты одного, а другого задела потным боком так, что у него на рубашке остался темный след, и довольная поскакала в противоположный угол двора.

Но всё приходит к концу, и всякая забава надоедает. Надоело и лошади гоняться по загону, а может быть, и есть захотелось. Подпустила хозяина, дала себе набросить на шею петлю, еще раз вскинула упрямо головой, заржала и пошла за ним, резко ударив копытами о землю, обдав грязью на прощание наших героев.

Вытерев рукавом потные лица, разведчики вернулись на дорогу, догнали свое звено и пошли дальше по дорожным знакам выполнять разные задания.

В результате ребята пришли не первыми, как обычно, а только вторыми. На вопрос Виктор Викторовича:

- Почему вы так долго шли? – ответили:

- Лошадь ловили.

- Какую лошадь?

- Ну, доброе дело делали.

- А причем тут лошадь?

Объяснили.

- Лошади в задании не было. На этот раз доброе дело в задание не входило…

Обычно, после того, как сделаешь доброе дело, остается чувство удовлетворения. Но у наших героев такого чувства не было, а наоборот, досадно стало.

СОСИСКА

Рассказывает скм Евгений Бобров
Калифорния 1961 год

Нашей дружине «Нижний Новгород» необходимо было обзавестись транспортом. Наступало лето, мы собирались в лагерь в горы. Ехать общественным транспортом, т.е, автобусом – было бы слишком долго, утомительно и дорого. Далеко не все родители могли поехать с нами в такой длинный путь, чтобы привезти не только своего ребенка с вещами, но и еще кого-нибудь, да и кое-что из лагерного инвентаря. Итак, мы решили купить небольшой автобусик. Автобусика не нашли, но один из наших руководителей - Саша Ермилов, нашел поддержанный лимузин. Длинный, как автобус, узкий – как автомобиль и желтого цвета. На нем доставляли пассажиров в аэропорт. В то время по Лос-Анджелесу ездил такой лимузин в форме сосиски. Hot Dog назывался, и рекламировал какие-то сосиски. Вот и наш желтый лимузин напомнил нам тот «сосисочный», и поэтому мы и назвали его «Сосиска».

Итак, на «Сосиске», да на нашем собственном грузовичке, да на нескольких частных машинах мы поехали в лагерь, нагрузив их пассажирами, личными вещами и лагерным инвентарем. Было нас человек 60

Поехал с нами и наш старейший член дружины известный скаутмастер Виктор Викторович Розенберг, Одинокий волк. Был он опытным скаутом, чемпионом по шахматам и постоянно курил, правда, выходя за черту лагеря.

Приехали в лагерь, отбыли две недели, остались всем очень довольны, и пустились в обратный путь…

Сначала ехали по горам да через лес, потом спустились в долину, самую известную и плодородную в Америке – знаменитую Центральную долину. Вокруг поля, да плантации. На небе ни облачка, и солнце палит во всю. Невероятно жарко,

скучно, селенья небольшие и попадаются редко. Вот проехали Фрезно - самый крупный город в этом месте, и снова поля…

Едем караваном – несколько автомобилей, грузовик и «Сосиска». И вдруг: трах-бах – сломалось что-то в «Сосиске» и она стала.

Все съехали в сторону. Подняли капот «Сосиски», посмотрели, обнаружили, что треснула муфта (сцепление). Выход из положения простой – один из старших поедет на своей машине обратно в Фрезно, в надежде купить нужную часть. Одна машина поедет прямо в Лос-Анджелес, на место встречи, где должны собраться родители, чтобы забрать своих детей домой. Так вот, их надо предупредить, что произошла задержка. На сколько времени – неизвестно. Все остальные будут ждать вот здесь на обочине… Я, как начальник дружины, разволновался не на шутку.

До города далеко. Солнце калифорнийское печет, тени нет. На голой земле не примоститься, а трава жесткая, редкая и колючая. Вода только во фляжках.

Ребята постоянно спрашивают: «А как долго ехать до гаража?» «А сколько времени надо, чтобы починить?» Я стараюсь успокоить, а голос дрожит.

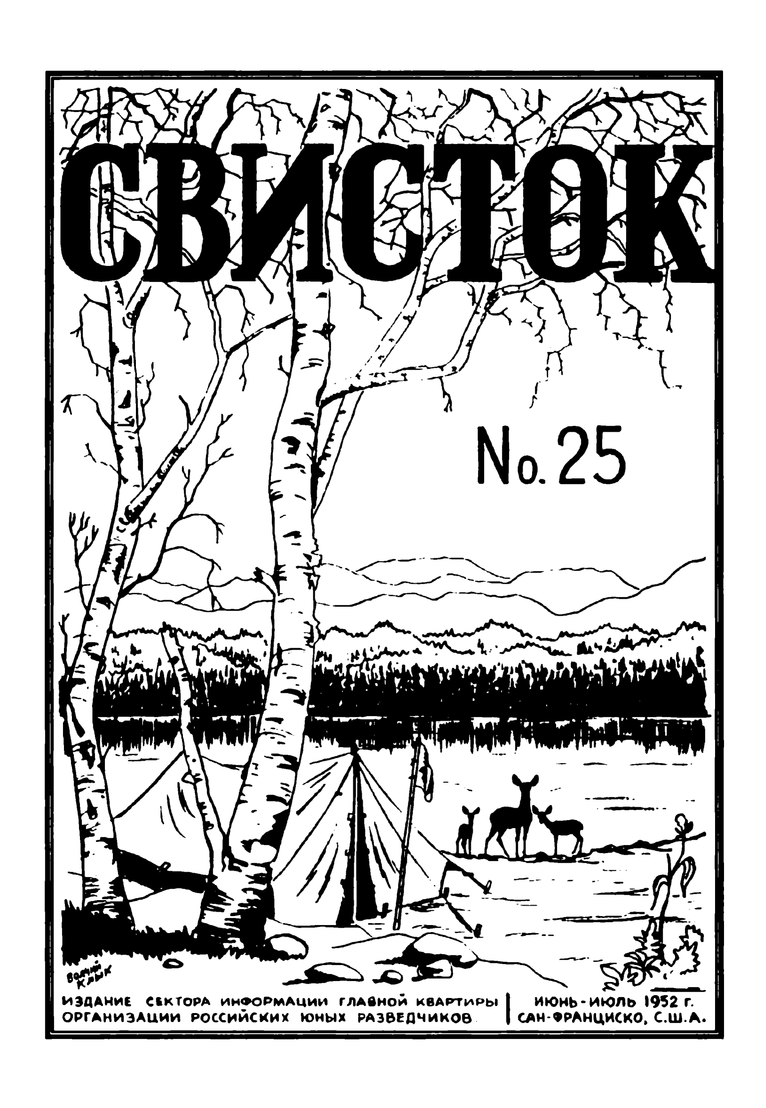
А родители добавляют: «А что мы будем делать, если он не достанет части?»

Один волчонок хнычет. Одна белочка вытирает слезы. Я бегаю от одного к другому, усаживаю, достаю одеяла, устраиваю поудобнее, успокаиваю, а сам нервничаю. Ответственность большая. Родители будут ждать…

Виктор Викторович он же «Одинокий Волк» отошел в сторону, выкурил сигаретку, а затем уселся у «Сосиски», расставил доску, и говорит мне:

- Давай в шахматы сыграем!

7. Разведчик друг животных и всей природы.

ТАК ПОЯВИЛИСЬ «БОБРЫ»

Рассказывает
скм Леонид Артемьев
Польша, 30-ые годы

Каждое скаутское звено имеет свое имя. Скаут-разведчики близки к природе. Они ее изучают, они ей подражают. Не даром у нас и лесные имена взяты из природы. Слово «скаут» - значит «следопыт». Наблюдая за животными, мы находим имя для своего звена. И есть у нас прекрасный обычай – пойти в природу, провести день, другой в поисках настоящего имени звена.

А вот как мы нашли имя для своего звена:

Мы долго бродили, прыгая с кочки на кочку по болотам Полесья. Устали. Решили отдохнуть на берегу речки. Наловили даже рыбы и испекли на углях костра. Подкрепились. Нас заинтересовала на речке куча скопившихся сучьев, палок, вроде искусственного островка. Возле кучи копошился маленький зверек, укладывая сучья в определенном порядке, образуя плотину.

- Да ведь это плотина бобров!

Начались наблюдения. Зверьком действительно оказался бобр. Шерсть его была светло-каштанового цвета. Хитрые глазки подозрительно смотрели по сторонам. Он долотообразными зубами перегрыз довольно толстое бревно. Столкнув его в воду, лапками направил его по течению реки к своей запруде.

Эта встреча с хитроумными зверьками дала нам идею назвать наше звено «Бобрами». Бобры дали нам не только имя. Наблюдение за ними было связано с рядом сборов, посвященных изучению этих животных.

Мы наблюдали за ними, изучая их характер. Нашли, что бобры живут семейной жизнью. Они подчиняются старшему бобру. Они трудолюбивы, мудры, изобретательны.

Бобры водяные животные, им нужно водяное пространство. Для этого они перекрывают мелководную речку плотиной, образуя озеро. Сколько труда и изобретательности надо для того, чтобы создать такое озеро! Нужны смекалка, товарищество, терпение, трудолюбие.

Мы пригласили на речку нашего начальника, он провел с нами сбор и много рассказал нового о повадках бобров. Прощаясь с нами, он сказал:

- Ребята, вы удачно выбрали этих животных. Они показали вам хороший пример, как надо жить организованной, сплоченной жизнью. Природа – хороший учитель, надо только уметь ее читать.

ПОСЛЕДНИЕ ИЗ «БОБРОВ»

. В этом эпизоде описан действительный случай побега Бобров из оккупированной советами Белоруссии (1939 год) в свободную еще тогда Польшу.

Хорошие ребята были в звене! Что и говорить! Возьмем хотя бы Володю-Сдедопыта и Ваню-Цыгана. Отчаянный парень был. Говорил, что его мать была цыганкой, посему и получил эту кличку.

Бобров разметала судьба. Неразлучные друзья Следопыт и Цыган поступили в русскую гимназию, где уже был отряд русских разведчиков и разведчиц. Друзья включились в работу отряда сразу: ведь об этом они давно мечтали, сидя в болотах Полесья.

Это был 1931 год. В те времена русские отряды в Польше (а их было всего пять) вели работу по собственному усмотрению. Не было ни центра, ни материалов, ни инструкций: веди работу как знаешь!

- И почему это так? – возмущался Цыган, - все другие нации имеют свои центры, свои главные квартиры. Только у нас, русских, нет. Живет где-то в Нью-Йорке Старший Русский Скаут, но при нем нет руководящего центра. Нет ни одного скаутского журнала.

- Не забывай, Ваня, - усмирял вспыльчивого друга Володя, - что другие нации имеют свою родину. Вот, например, литовцы получают свои журналы из Литвы, а на нашей родине большевики запретили скаутскую работу. Откуда же нам получать их?

- А эмиграция? Что же делают все наши старшие руководители в эмиграции?

- Да ты не горячись, Ваня. Вот мы уже получили скаутские законы, до сих пор мы с тобой пользовались переводом польских скаутских законов. Где-нибудь да есть центр, только мы с тобой не знаем о нем.

Благодаря таким Володям и Цыганам списались между собой отряды и устроили общий русский лагерь. Лагерь вышел очень убогим: ни достаточного количества палаток, ни посуды, ни средств. Однако прошел он на славу.

Бобры и здесь отличились. Имея только две плащ-палатки, они из веток и жердей построили «избушку» на пять человек. Внутри были обширные нары, столы и «патенты» - все как полагается, за что и получили специальность «сапер».

Через речку был лагерь гайд, как тогда назывались разведчицы. Все лагерники встречались у костра.

С тех пор много воды утекло. У «бобров» выросли усы. Кончив гимназию, они разбрелись по разным городам в поисках знаний. Продолжали вести работу в кружке русских студентов, делали вылазки на восточные окраины Польши, вели борьбу за русскость.

Так их и застал 1939 год, когда на Польшу напала Германия…

Пешком добирался Володя к родителям в Белоруссию. Не прошло и полугода, как появился Цыган. Тоска по родным местам опять согнала всех к родным очагам. Но, увы, родные

очаги уже не грели. Всех взяли на учет. Все студенты попали на черные списки. Все скауты и национально настроенная молодежь подлежали высылке.

- Эй, Цыган, придется сматывать удочки: здесь не усидишь, а посадят – не высидишь!

- А куда же податься?

- На то ты и следопыт. Придется держать курс на Вильно.

В глухую осеннюю ночь Следопыт, Цыган и еще двое польских скаутов решили бежать в Литву, которая в то время еще не была советской.

Моросил мелкий дождик. Четыре тени пробирались через березняк.

- Уже недалеко! Вот этот лесок, затем та горка, а за горкой – пограничная речка. В этом месте, говорят, пограничные патрули бывают редко.

Вот и горка. Поползли. Кругом тихо. Вот уже слышен плеск реки, и вдруг…:

- СТОЙ! КТО ИДЕТ?!?

- Ребята, бросайся в воду! Спасайся, кто может!

Четыре тела плюхнулись в воду. Через секунду очередь из автомата прорезала воздух.

- Ныряй, ребята! – скомандовал Цыган. Набрав воздуха в легкие, он поплыл под водой к кустам на той стороне реки.

Грянули еще выстрели. Раздался чей-то крик, но в темноте ничего не было видно.

Отделавшись легким ранением в руку, первым добравшись до берега, Цыган тихо позвал товарищей.

- Где ты, Цыган?

- Плывите сюда!

Тяжело дыша, начал карабкаться на берег Следопыт. Течением отнесло вниз одного польского разведчика, который был ранен.

Просидели в кустах некоторое время, пошли вниз по реке, но, увы, другого поляка нигде не было. Это, значит, был его крик…

РАЗВЕДЧИК ДРУГ ЖИВОТНЫХ

Рассказывает скм Павел Уртьев
Калифорния, 1952 год

В 1952 году в женский лагерь приблудилась козочка.

Козочка с начальницей лагеря – Пчелкой (Женей Уртьевой)

Козочку кормят молоком Зоя Карпенко и Женя Уртьева.

Козочка к девочкам привыкла, но, к сожалению, через некоторое время она сдохла. Это может быть и к лучшему, ибо после лагеря ее надо было бы оставить на свое попечение. Она была еще слишком маленькая, чтобы прокормиться самой, а мать, после человеческих рук, ее бы к себе не взяла.

Вполне возможно, что она была уже не вполне здорова, почему и оказалась брошенной своей мамой. Зато в лагерь она принесла большую радость и любовь к животным. После смерти ее, при участии всего лагеря, торжественно закопали.

****

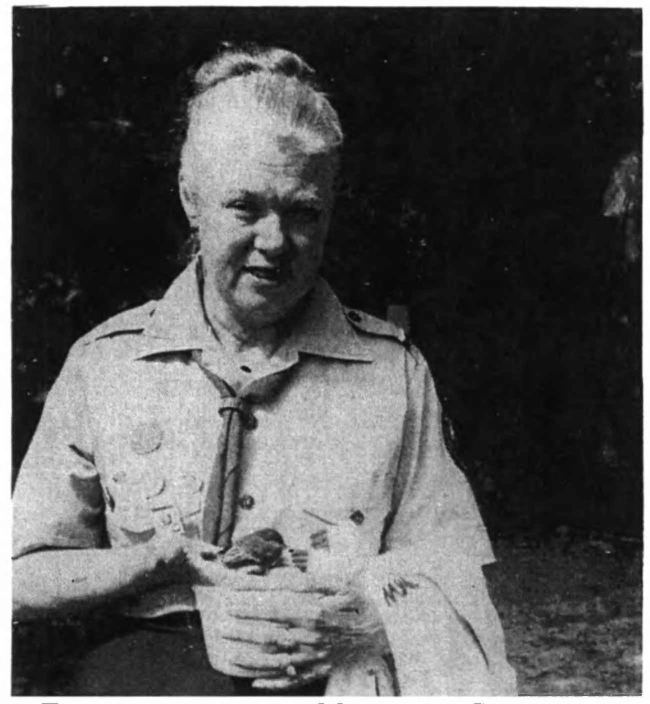

В мужском лагере нас навещал медведь и его подкармливал Старый Бук (Стёпа Мартинович).

Когда медведь проказничал, то за ним приходилось гоняться и он, убегая от нас, залезал на дерево.

ДЫМКА

Рассказывает
Скм Маргарита Сувалова
Новый Павловск, 1989

Дымка на руках у ски Маргариты Суваловой.

Это случилось в последние дни слета...

Вечером костер из-за дождя пришлось проводить в беседке. Набилось человек 300. Сидели на земле, руководители на скамейках, а многие даже стояли.

Костер был веселый и оживленный. И вот, во время какой-то песни, ребята начали вскакивать со своих мест и визжать. Мы руководители, никак не могли понять, что случилось.

Когда кончился костер, я пробралась туда, где происходил переполох, и спросила, что упало на ребят. Мне ответили:

- Птенчик!

- Да, где же он?- с волнением спросила я.

- Он, у меня, но я не знаю, что с ним делать, - отозвалась Валя Захарьина, и положила мне в руку тепленький комочек.

Радостное чувство охватило меня. Дело в том, что ко всем птичкам у меня особенная любовь с тех пор как бабушка мне еще в России сказала, что если птичка к тебе прилетит, это прилетела чья-то душа - особое счастье для человека. Эти бабушкины слова я не могла забыть, и в моей жизни было много птичек, приносивших радость нашей семье.

Припрятав птенчика в теплый карман крутки, и не выпуская его из ладони, я пошла на кухню, приготовить ему питательный раствор воды с медом.

У Тамары Ильинской, к счастью, нашлась в машине пипетка. Я начала ему в клюв тыкать пипетку, а он – ничего… Ни клюв не открывает, ни глаза, и головка не держится сама.

- Что же делать?- думаю. – Ведь умрет без пищи и материнского тепла.- Но я не сдавалась. Старалась в клювик сунуть пипетку, и впускать водичку. Водичка выливалась, но все-таки, что-то попадало в горлышко.

Нашлась у меня маленькая коробочка, в которую положила две пары шерстяных носков и на них птенчика.

Когда пришли другие руководительницы, все на перебой начали давать советы, и кто-то сказал, что птенчик умрет, в коробке не выживет - ему нужно иметь живое тепло – от перышек матери.

- Ничего, - думаю, - как-нибудь сбережем.

Влезла я в спальный мешок, набросила еще одно одеяло (ночь была холодная), а коробку поставила себе на грудь. Так всю ночь его и грела, а под утро, часов в пять, птенчик вдруг зашевелился. Я обрадовалась, что не умер, и сразу же принялась поить его водой с медом. Птенчик подкрепился и затих.

Утром была литургия в часовне, а птенчик со мной. Все

заглядывали в коробку, удивлялись, что птенчик не умер, и просили подержать коробку.

Во время завтрака, я кормила его вареным желтком. Он его съел, а потом запил сладенькой водичкой.

После подъёма флагов мы пошли посмотреть, откуда свалился птенчик, и нашли гнездо под крышей беседки. Договорились со Славой Мальцевым посадить птенчика обратно в гнездо, но для этого Слава должен был привезти лестницу.

Как часто бывает, когда соберётся несколько человек, мнений будет много. Одни говорили, что нельзя сажать обратно в гнездо: мать не будет заботиться о нём, если он побывал в руках человека. Другие опровергали эту теорию, говоря, что всё это сказки. Третьи советовали, чтобы я еще несколько дней осталась в лагере пока птенчик не окрепнет.

Слава, тем временем, привез лестницу, но меня уговорили не сажать птенчика в гнездо, чему я была рада, т.к., мне не хотелось с ним расставаться.

Птенчик стал любимцем лагеря. Его вытаскивали из коробки, с ним фотографировались. Время от времени я кормила его сладкой водичкой. После обеда несколько руководительниц собрались в палатке у Люси Питальевой, чтобы попеть. Вдруг наш птенчик встал на тоненькие ножки, расправил крылышки и пытался вылететь, но зацепился за сетку выхода палатки и запищал.

- Ах, какой озорной, - кто-то сказал.

- Давайте дадим ему имя!

Имя подобрали моментально: «Дымка» от слова «дым». Ведь выпал он из гнезда из-за дыма, который густым столбом поднялся к потолку беседки, когда зажгли костёр.

Весь день лелеяли мы Дымку, кормили сладкой водой, и т.к. день был солнечный и теплый, фотосеансы с Дымкой продолжались. Дымка уже заинтересованно смотрел на мир и чирикал. С каждым часом Дымка становился бодрее и крепче. Его, то и дело, нужно было отправлять в коробку, из которой он всё время старался выбраться, чтобы посмотреть глазками-

бусинками на мир Божий. Целебный мёд сделал своё дело – птенчик окреп!

Старший скаутмастер Миша Данилевский уговаривал меня отпустить Дымку на волю.

- Да, как же я его отпущу? Ведь он летать даже не умеет. Он должен окрепнуть! – Мне казалось, что пройдет еще несколько дней, пока Дымка не окрепнет.

И вот случилось то, к чему я совершенно не была подготовлена. Собрались на ужин. За руководительским столом шёл оживленный разговор… А Миша меня опять уговаривал отпустить птичку. Сама разговариваю, а глаз не спускаю с Дымки.

Вдруг Дымка встал, прыгнул на край коробки, расправил крылышки, и полетел через мостик. Я только успела ахнуть и протянуть руки, а Миша меня совсем добил:

- Так и твои дочки от тебя улетели! – Я не выдержала, горячие слёзы потекли по щекам, и я пошла, искать Дымку.

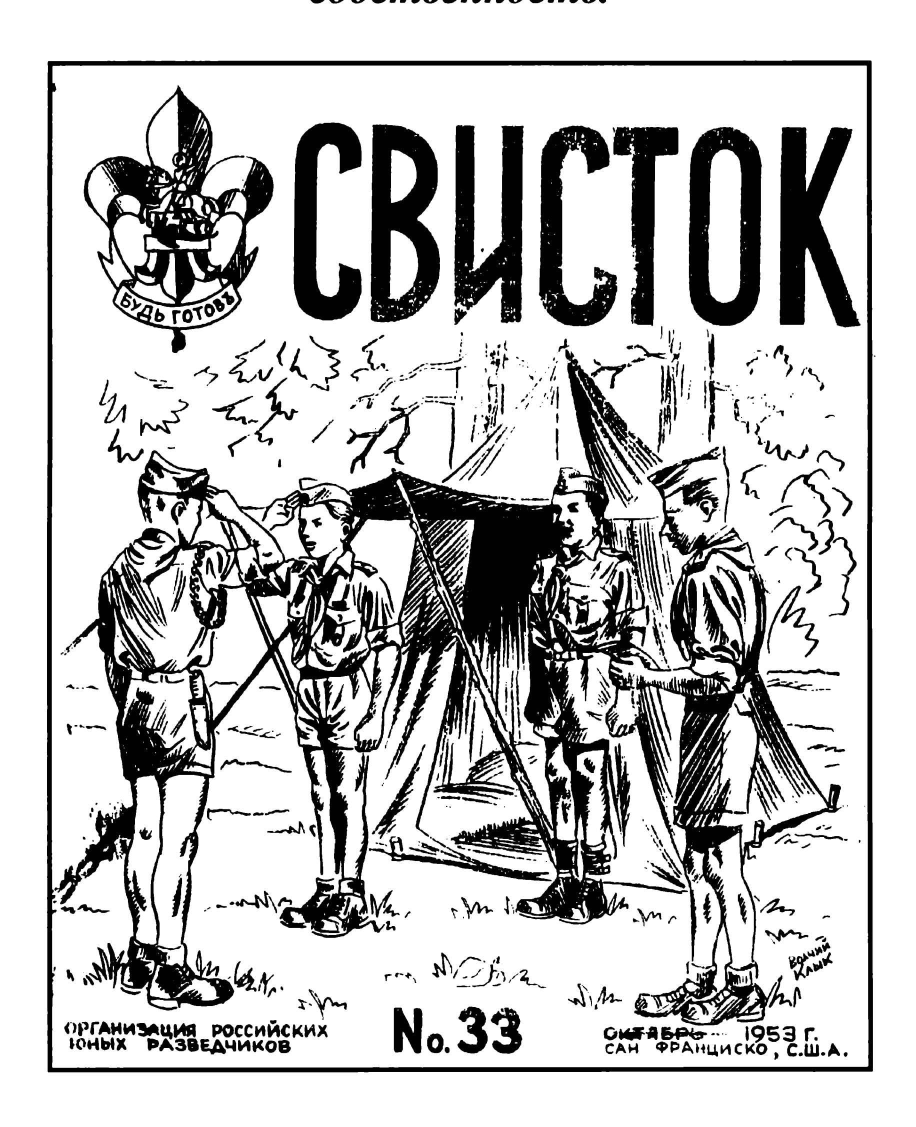
Итак, улетел Дымка… Я перешла через мостик и осмотрела деревья. На одном высоком дереве, на нижней ветке сидел Дымка. Достать его было невозможно. Я долго стояла и смотрела на него. Он не улетал.

Вернулась я к дереву после ужина, но Дымки уже не было. Улетел ли он в лес, или полетел искать свою мать, эти мысли мучили меня всю ночь. А ночь была страшно холодная… И всё же в глубине сердца у меня была утешительная мысль: Бог никогда не оставит на произвол судьбы ни одно своё создание – не пропадёт Дымка!

Дымка греется на солнышке. Фото М. Рыль

8. Разведчик бережлив и уважает чужую собственность.

КАК УЗНАТЬ НАСТОЯЩЕГО РАЗВЕДЧИКА

Рассказывает витязь Георгий Александрович ст.
Лагерь около о.Штарнберг, Германия, 1946

В 1946 году, с помощью американских организаций, скаутской дружине при доме Милосердного Самарянина в Богенхаузен (под Мюнхеном) удалось устроить лагерь. Американцы нас снабдили зелеными палатками и шерстяными спальными мешками, которые, хотя и были коротки, все же были кстати в холодные ночи. Лагерь был устроен прекрасно. Еду приготовляли те же добровольцы, которые готовили нам завтраки в учебное время, и все было вкусно и сытно. Мы съедали все без остатков, потому что еще помнили недавнее время, когда часто вообще нечего было есть.

В лагере нас учили разведчеству, законам, песням, играм и говорили как нужно себя вести. Мы устраивали костры, смеялись, пели, купались, и ходили в походы.

Но вот наступили последние дни перед закрытием лагеря и все мы «новички» в скаутском деле должны были сдавать третий (основной) разряд. По возрасту (большинству из нас было лет 15-16) мы были старше тех, кому полагалось сдавать этот разряд. Некоторые из нас уже прошли тяжелый жизненный путь, но в скауты поступили недавно, поэтому и считались «новичками».

Сдавать разряд значило: идти по трассе, и время от времени останавливаться и показывать свои знания: спеть скаутскую песню, завязать несколько узлов, поставить палатку, развести и потушить костер, и прочее. Также проверялись поведение разведчика в лесу и отношение к окружающему миру. Мы выходили на испытание по двое. Один был более опытный, а другой новичок, вроде меня.

Мне выпало идти с Павликом Уртьевым, мальчиком в гимназии на класс младше меня. Пуська, как его все называли, был хорошим другом, положительным и сведущим. Мы шли, напрямик, без всякой дороги. Прыгали через кочки и ямы, продирались сквозь кусты. Но вот вышли на протоптанную тропинку, на которой лежала бумажка. Павлик нагнулся, поднял ее, и, не придавая этому значения, сунул в карман.

Когда все прошли испытание, мы собрались, чтобы узнать результаты наших стараний, и услышали, что первым сдал третий разряд Павлик Уртьев. И получил он наибольшее количество пунктов не только за то, что прекрасно знал все, что можно было выучить, но и за то, что даже в густом лесу, вдали от взглядов всех, он проявил внимание к природе, очистив тропинку от мусора. Бумажка была нарочно положена руководителями для проверки нас. Мы и не подозревали, что они из засады наблюдали за нами. Своим поведением Павлик показал, какой у него положительный характер.

Прошли годы, мы разъехались. Павлик попал в Калифорнию. Он стал известным ученым, достойным членом общества, и одно время был старшим скаутмастером ОРЮР. Он сыграл важную роль в укреплении и развитии разведчества не только в Америке, но и в России. Его старшая сестра Женя не меньше потрудилась в этой области.

Разведчество прекрасно тем, что такой, казалось бы, простой поступок подростка был замечен и оценен руководителями.

Этот жест замечателен еще и тем, что Павлик проявил любовь к порядку и природе. Ведь кто в то время думал о соринках на дорогах, когда страна была разорена войной, и мусор валялся повсюду! И на всю жизнь запомнилось мне, как правильно старались учить и наставлять нас наши скауты-руководители, школы и родители. Честь и слава им.

Волчий Клык

ТОЛЯ – НАЕЗДНИК

Рассказывают скм Евгений Бобров и
ски Игорь Тимохович, Шлейсгейм, 1948

Но Иван и сам не прост -
Крепко держится за хвост.
П.П. Ершов

У нас в лагере ди-пи в Шлейсгейме было отчаянное звено «Суслики». В жаркое время любили мы купаться. Недалеко от лагеря был пруд. Пешком дойти. Можно было босиком и в одних трусах. Вот как-то возвращались мы с Толей после купания в лагерь. Шли лугом, а на нем паслись телки. И вдруг Анатолий говорит:

- А я хочу покататься верхом!

Мы не поверили, а Толя подошел к ближайшей тёлке. Она посмотрела на него, отвернулась и стала медленно отходить. А Толя схватил ее за хвост. Тёлка побежала, а Толя, держась за хвост, побежал за ней. Тёлка припустила шагу. Толя так быстро бежать не мог, хотел затормозить, стал на пятки, а тёлка его и потащила.

Испугалась, бедная, не на шутку, да так, что с ней медвежья болезнь случилась. Толя боится отпустить, мол, упадет, а тёлка бежит. Тёлкин страх траву смазывает, а Толя едет на пятках как на лыжах, покрываясь… ну понятно, чем покрывается…

Пробежала тёлка футов 300, и тут Толя сообразил, отпустить хвост. Упал на колено. Встал, обтер лицо травой и посмотрел на нас. Мы же в это время так насмеялись, что животы у нас разболелись: сложились пополам и хохотали, до упаду… Никак успокоится не могли.

Пришлось идти обратно к воде. Вымылся Толя. Пошли домой, как ни в чем не бывало, а событие это вошло в историю звена «Суслики» и Толю с тех пор стали называть «Наездником».

«РЫБОЛОВЫ»

Рассказывает
*друж. Г. Султан-Пенд*илл
Нью-Йорк, 1954

*Х*олливуды в лагерях, хотя и были построены по последнему «писку» лагерной техники, все же были не, ахти, как удобны. И вот, как-то в лагере, ребятам надоело сидеть на козлах, и они решили модернизировать удобства. Притащили откуда-то ящик из-под яблок. Вырезали круглое отверстие, перевернули ящик, и voila! Все домашние удобства!

Насколько мне помнится, зачинщицами следующей акции были Мила Майковская (Андре) и Ольга Буш.

Вооружившись удочкой, ночью, наши красавицы подкрались к мужскому лагерю, закинули удочку и выволокли ящик!

Возмущению со стороны мальчишек не было конца. Но больше всего горевали руководители.

– КАК, РЕБЯТА, СДЕЛАЛИ УЖЕ СВОЕ ДОБРОЕ ДЕЛО НА СЕГОДНЯ ?

9. Разведчик чист в мыслях, словах и делах, телом и душою.

МЫТЫЙ ЛУК

Рассказывает Валентина Бергнерс
(Мердюшова)
Регенсбург, 1948 год

Встретилась я как-то Валей Мердюшевой (Бергнерс) одной из бывших соучениц, и стали вспоминать. Вспоминая наших разведчиц, я сказала:

- Светлана…

- Светлана-лук-помыла! – выпалила Валя.

- То есть??? –

- Светлана-лук-помыла… Да, было у нас состязание, - начала Валя. – Звено было сборное. Надо было нам разложить костер, порезать и поджарить лук. Светлана была самая старшая у нас, и мы ее слушались.

Вот, разложили костер, поставили сковородку, очистили лук, а Светлана его под воду – и давай мыть!

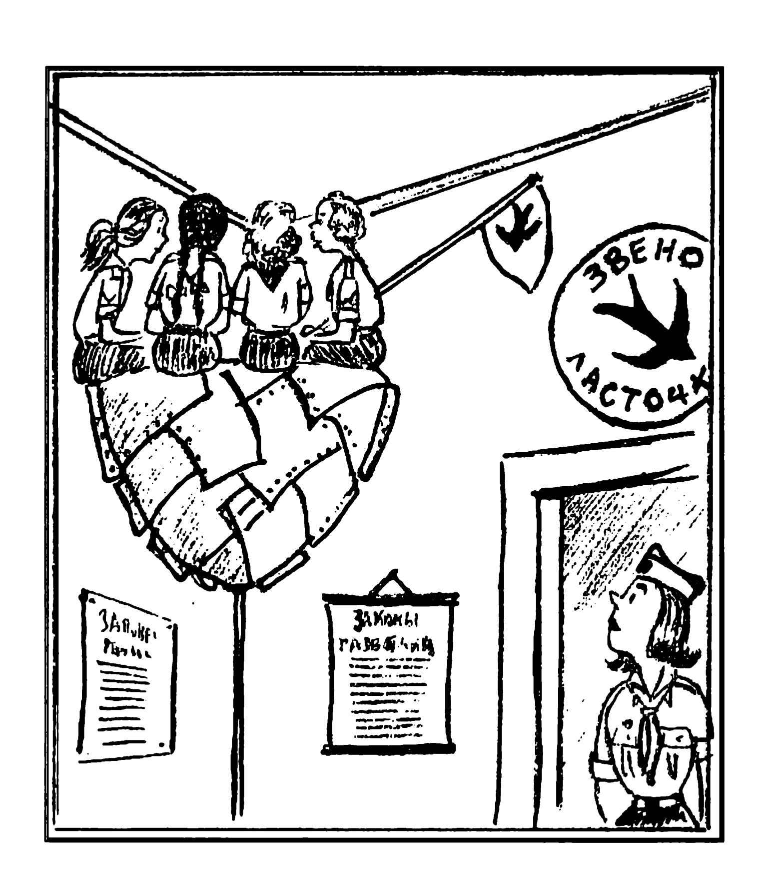
(Оказывается, как потом рассказывала Светлана, лук уронили, и он был грязный.)

«Что ты делаешь?» вскричала я. «Мама мне говорила, что лук никогда нельзя мыть!»

А Светлана сказала, что все овощи надо мыть, особенно, если они грязные. А мне мама говорила, что все овощи надо мыть, кроме лука. Мы стали спорить, но было уже поздно, да и время шло. Порезали лук, положили на сковородку, а он шипит и не жарится! У других девочек уже подрумянился и так вкусно пахнет!.. а наш только варится на сковородке и никакого толку. Мы рассердились на Светлану, и я так и запомнила ее – «Светлана-лук-помыла»!

Русское звено в этом состязании взяло не то последнее, не те предпоследнее место…

10. Разведчица трудолюбива и настойчива.

Рассказывает Н.Л. - скаут звена «Мамонт», Харбинской дружины

В Харбине в 30-ых годах «Пржевальцы» - старшие скауты, занимались научной работой, главным образом по ботанике, зоологии, археологии и палеонтологии.

Почти ни одна научная экспедиция в Маньчжурии в 30-ых годах не проходила без самого деятельного участия пржевальцев, а многие такие экспедиции не могли бы состояться без них.

Вместе с научными работниками Общества Изучения Маньчжурского Края, как участники экспедиции ОИМК так и самостоятельно, пржевальцы провели около двух десятков научных экспедиций.

Знаменитый французский археолог-палеонтолог Тайар де Шардэн в 1935 году, будучи в Харбине, выразил большое восхищение работой пржевальцев. Он говорил, что ему еще не приходилось видеть, чтобы научная работа велась так интенсивно с такими крохотными денежными средствами, так бескорыстно и самоотверженно.

На реке Ван-чуан-хэ около Харбина они открыли стоянки человека древнекаменного века, и большое количество костей животных доледникового периода. Многие из собранных тогда пржевальцами костей мамонта, кочевого слона, гигантского оленя, волосатого носорога, пещерного льва, пещерной гиены и др. хранятся сейчас в Калифорнийской Академии Наук, привезенные туда профессором А.С. Лукашкиным, который научно возглавлял и принимал участие в работе пржевальцев. Большая же часть всего откопанного и открытого тогда пржевальцами осталась в Харбине в музее Общества Изучения Маньчжурского Края на Соборной площади Харбина.

ВОЖАЦКАЯ НЕДЕЛЯ

Рассказывает «Ёж»
Летний лагерь, дружина
«Царское Село», 1973

***О**дной из интересных особенностей «царскосельских» лагерей была, так называемая, «вожацкая неделя», когда перед общим лагерем устраивался недельный лагерь для будущих вожаков лагерных звеньев. В течение этой недели этому основному лагерному костяку давалась особая «накачка». В частности, чтобы будущие вожаки отвыкли говорить друг с другом по-английски, так чтобы потом им было легче бороться за русский язык в самом лагере.

Программа вожацкой недели была насыщенной, так что нет ничего удивительного, что ребятам требовалась «разрядка». Во время моего первого визита в такой лагерь разрядка выразилась в нападении друг на друга мужского и женского лагерей. Я описал эти события в песне, которая поется на мотив шуточной народной песенки: «Как у нашего соседа весела была беседа». А вот текст:

На вожацкой на неделе нам занятья надоели
окончательно, окончательно,
И пока мальчишки спали, мы на лагерь их напали
замечательно, замечательно.
А чтоб вышло больше толка попросили мы у Волка
разрешение, разрешение.
И нашел Барсук бедняга из клозетной из бумаги
украшение, украшение…
Ой, пропали оба флага, лишь клозетная бумага
развевается, развевается.
Но по скаутским сказаньям, ведь за это наказанье
полагается, полагается!

Для хорошего ответа, для ответного привета
много надо ли, много надо ли?
Началися беспорядки, у разведчиц вдруг палатки
все попадали, все попадали…
А наутро мы зеваем, и всем рукам обещаем
впредь исправиться, впредь исправиться.
Мы большие непоседы, слишком долгие беседы
нам не нравятся, нам не нравятся…
Хорошо повоевали, а потом мы снова стали
очень дружные, очень дружные.
Все увидели на деле, что вожацкие недели
дело нужное, дело нужное.

…ТОЧКА! С НОВОЙ СТРОКИ: „РУКОВОДИТЕЛЬ У НАС ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ…"

КАК СУСЛИКИ В КИНО ХОДИЛИ

Рассказывает скм Евгений Бобров
Шлейсгейм 1947 год

Жили мы тогда в лагере для перемещенных лиц (ди-пи) в Шлейсгейме, предместье Мюнхена. Была у нас хорошая скаутская дружина и звено разведчиков – «Суслики». Суслики был народ отчаянный, на весь лагерь известен. Отличались мы отвагой, храбростью, изворотливостью, озорством и дружбой. Нашим девизом свободно могло быть: «Один за всех – все за одного».

Была у нас сусликов дружба, но не было денег. Даже не было на кино. В лагере регулярно показывали американские и английские фильмы. И дешево брали, раза в три дешевле, чем в городе, куда надо было еще добираться общественным транспортом. Но даже на дешевые билеты денег не было. А пойти в кино уж очень хотелось. Все, кто видел, говорил, что фильм хороший. Названия его мы не знали, но знали, что «там сидит старуха в подвенечном платье в затемненной комнате и ждет жениха».

Фильмы у нас в лагере демонстрировались в спортивном зале, и экран ставили перед сценой. Сеанса было два и вот мы суслики решили: пробраться к концу первого сеанса на чердак и спрыгнуть через люк за экраном прямо в зал, а там, переждав, в самом начале второго сеанса, когда в зале будет снова темно, пробраться на свободные места.

Сказано – сделано. Дождались определенного часа, в котором по нашим подсчетам фильм должен был подходить к концу, и полезли на чердак. Темно, пыльно, какие-то веревки лежат. Снизу доносится музыка. Рассчитали: первый люк, второй, третий, вот этот как раз должен быть за экраном.

А в зале сидели, затаив дыхание. В первом ряду находилась публика почтенная, та, что хуже видит и хуже слышит. А на экране драма: бушует пламя, вот-вот охватит невесту, уже загорается ее платье… И вдруг: бах-бах-бах! Перед самым экра-

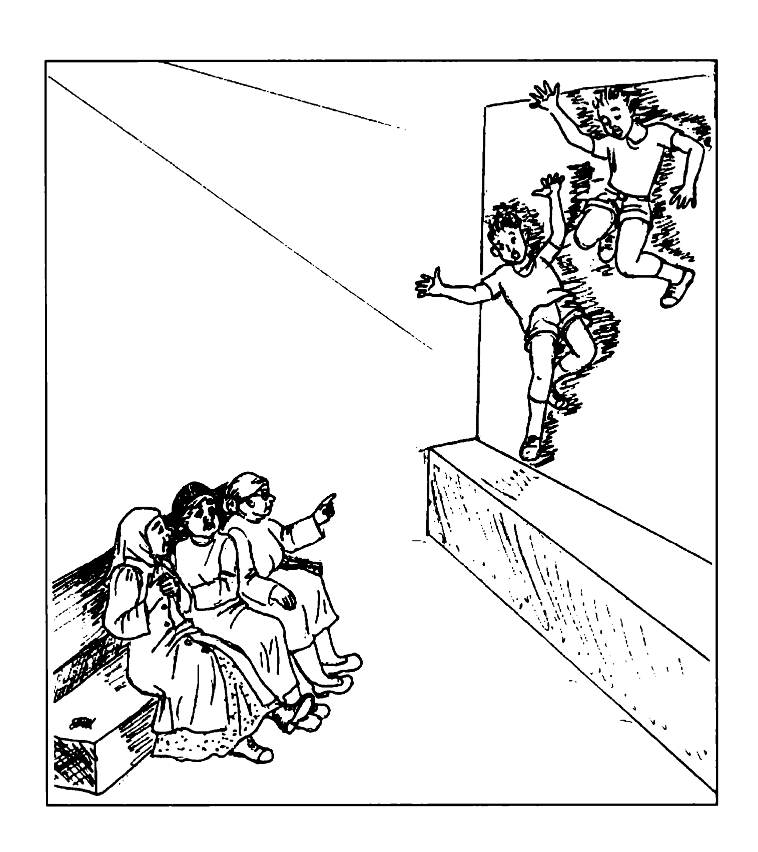
ном посыпались сверху чёрные бомбы! Крик, шум, визг, паника!

- Что такое? – картина идет своим чередом, как будто всё в порядке, но публика разволновалась. Двум старушкам в первом ряду плохо стало. Включили свет. Стали искать причину шума.

А я шмыгнул на скамейку между этими старушками, успокаиваю их. Держу за руки:

- Воды! Воды! – кричу.

Как-то все более-менее улеглось. Ничего так и не нашли. Заметили, правда, что люк открыт, и догадались в чём дело, но кто прыгал, так и не узнали. Некогда было. Фильм кончился, и публика врывалась в зал на второй сеанс.

ПЛОВЕЦ

Рассказывает скм Евгений Бобров
Вальхензе, Германия 1948 год

Наш лагерь был расположен в лесу около горного озера. Вода была холодная, но, несмотря на это, мы любили купаться. Озеро было около километра в ширину, а то и больше.

Купались мы обычно часа в два, после мертвого часа. И вот, в один солнечный день, поплыли по озеру. Было нас несколько человек и все хорошо плавали. Достигли середины.

- Давай, вернемся! – сказал один из моих спутников. Другие согласились.

- Зачем?- спросил я. – Уже доплыли до середины, так до того берега столько же! – И я поплыл дальше, а мои товарищи повернули обратно.

Плыл, плыл. Устал, но, наконец, добрался до берега. Вылез… - А теперь что?- думаю. Кругом лес, никого и ничего нет. Стою, дрожу, переминаюсь с ноги на ногу. Ни укрыться, ни прикрыться. Вытереться хотя бы – да не чем. Единственный выход из положения – возвращаться пешком. И я пошел вдоль берега обратно в лагерь…

А берег скалистый, ведь мы у подножья Альп. Лес густой, какой бывает обычно на берегу озер – ели мохнатые, ветки до самой земли… А на ветках иглы, да такие колючие! И растут ели тесно. На самом бережку солнышко, а в чаще и солнца нет. А по бережку не пройдешь – камни, а там где их нет – камыши. Тропы нет, надо пробираться через чащу, да по острым камням, да по колючей хвое, да между крепкими, цепкими ветками. Да босиком… Ветки немилосердно хлещут по голому телу и рвут кожу. О ногах и говорить не проходится.

Времени с тех пор как я кинулся в воду, прошло много. В горах вечер быстрее приходит, чем в долине. Зашло солнышко за гору, и сразу темно и холодно стало.

Чтобы согреться, да как можно скорее добраться до лагеря, я стал идти как можно быстрее. Пустился бы в бег, да бежать

через такие дебри невозможно. Вот я и шагал через лес. Долго шел, уже темно и стало холодно. Наконец явился в лагерь – мокрый, исцарапанный, изодранный да испачканный.

Меня встретили криком. Все страшно переволновались. Особенно начальник лагеря Сережа Тарасов. Ведь он отвечал за нас всех.

Рядом с нами был украинский лагерь морских скаутов. У них была лодка, и они нам в ней никогда не отказывали. Так несколько человек поплыли на лодке меня искать. Но на таком большом озере, под вечер, это было не так просто.

Отчитал меня Сережа как следует. А на следующий день, после подъема флага, при всех добавил жару! На всю жизнь запомнилось!

В других условиях, за такой подвиг – проплыть такое расстояние дают специальность пловца, а тут мне вместо «пловца» был нагоняй. Главное, если бы я вернулся с середины – я бы проплыл столько же, как и до того берега, и был бы давно на месте цел и невредим…

Волчий Клык

ЛАГЕРЬ НА ВОДЕ

Записано скм Светланой Фалкон
по рассказам Елизаветы Зеленской
и скм Александра Заречняка
США, 1997

«*Г*лянуть смело в очи неизвестному!» - под этим девизом старшая ветвь вашингтонской дружины провела «лагерь на воде». 26 участников плавучего лагеря на каноэ, разведчики и разведчицы, под руководством ски Александра Заречняка и Никиты Зеленского, в сопровождении Лизы Зеленской и Миши Назарец, прибыли к начальному пункту Форест Сити, штат Мэн на трех машинах со всем снаряжением кроме каноэ. Их одежда, спальные мешки, провиант и, палатки были упакованы в непромокаемые мешки, так как все это должно было погрузиться в 13 каноэ по 2 человека в каждом.

К лагерю готовились усердно и тщательно. Незадолго до лагеря одну субботу и воскресенье провели под Вашингтоном

для «репетиции». Каноэ были арендованы у частного предприятия.

7 июля каноэ с лагерниками и всем снаряжением были спущены на воду озера Спедник. Это было красочное зрелище: зеленые, красные и синие каноэ, 26 взволнованных лиц, а впереди «лоцманы» Алик и Никита.

Гребли, обычно, по три часа в день. Дни проходили по лагерному: побудка, молитва, завтрак и т.д., вечером костры.

На озере Спедник путешественники провели два с половиной дня. Красота неимоверная. Множество маленьких островов, среди которых было легко потеряться. На третий день выплыли из озера в залив. Ветер начал набирать силу. Волны пенились. Пошел сильный дождь. Становилось страшно. Залив то все же надо было пересечь – и пересекли! После этого более спокойным темпом поплыли вдоль канадского берега к плотине у города Вансборо и границе Канады и Соединенных Штатов. Через эту плотину нужно было все перенести на руках. Сама процедура, учитывая, что шел дождь, была нелегкой. Но что нам, молодцам! Повеселились лагерники, действительно, вдоволь. Переносив свою утварь, каждый из них по несколько раз пересекал границу. Грязные и мокрые, в джинсах и плащах, все они выглядели одинаково. Делается смешно при мысли о том, как они запутали бедных пограничников, и как легко можно было в этот момент нелегально проникнуть в страну.

С этого пункта начался спуск по реке Сэн-Круа, продолжавшийся пять с половиной дней. Иногда река была приветливо-гладкой; порой сурово-порожистой. Штат Мэн считается «штатом сосны», и лодочники плыли мимо лесов, которые еще в XIX столетии славились своими гигантскими соснами. Их использовали для мачт парусных кораблей. Величие природы ошеломляло. Ребята жадно вдыхали ее всем своим существом: шум реки, острый запах сосен, глубину яркого звездного неба с висящим над ними Млечным Путем и Юпитером на горизонте. Сильно ощущалась близость Всевышнего.

Вечерами у костра велись беседы на тему лагеря. «Глянуть смело в очи неизвестному!» - обсуждалось значение этих слов не только в минуты страха, опасности, обиды и сомнения, но и во время других жизненных переживаний. Выражались мысли, что каждый из нас видит свое отражение в глазах другого, и это дает ему возможность, многое плохое исправить в себе и укрепить хорошее. Среди любимых костровых песен были: «Костер ночной», «Вдоль да по речке» «Звенит гитара над рекою».

Из-за плохой погоды в начале путешествия, чтобы не выходить из графика, в один из последний дней пути, было решено проплыть в два раза больше. В тот день гребли шесть часов – сказать, что устали – ничего не сказать.

14-го прибыли на конечный пункт совсем замученные и изнеможенные. Сели наши путивляне думу гадать, и решили, что после такого трудного, длинного и утомительного, примерно в 100 километров, пути, они заслужили хороший отдых, и оставшиеся два дня провели на берегу океана.

Закончили они свой лагерь на скаут-горе ОРЮР имени скм Андрея Ильинского в штате Нью-Йорк, куда прибыли как раз ко Дню Памяти Верных.

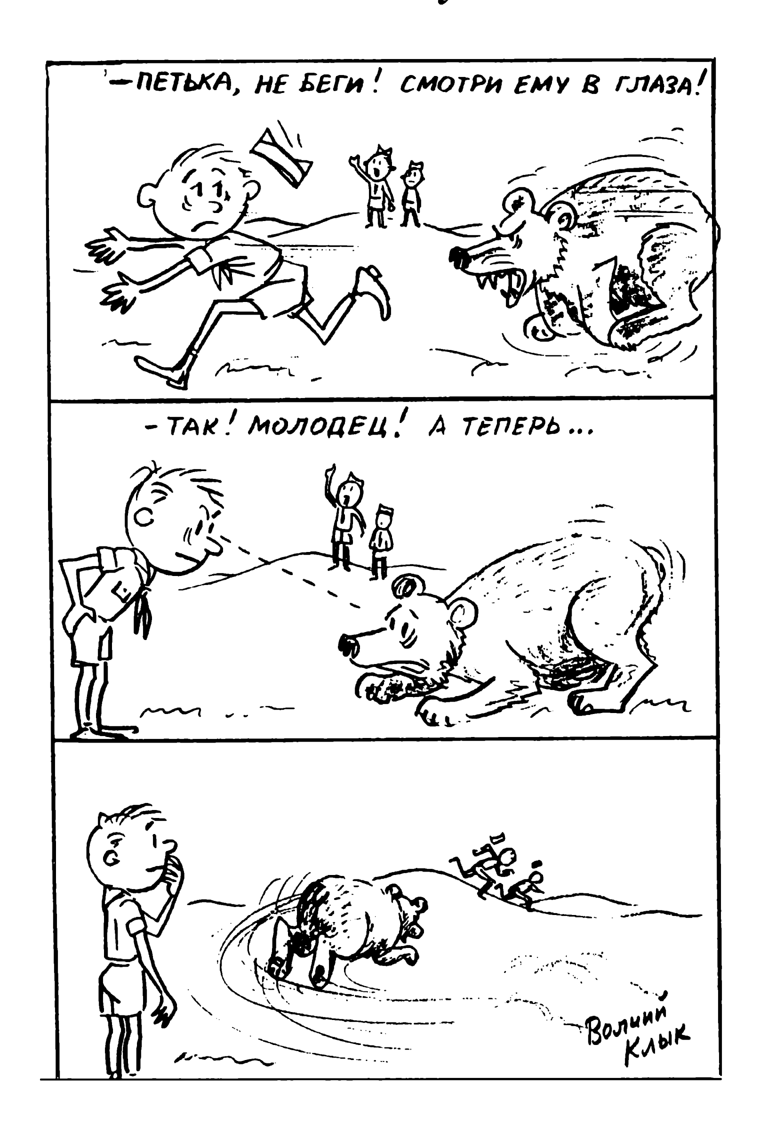

Наташа

Александр

11. Разведчик весел и никогда не падает духом.

ВЕСЕЛОЕ ЗВЕНО

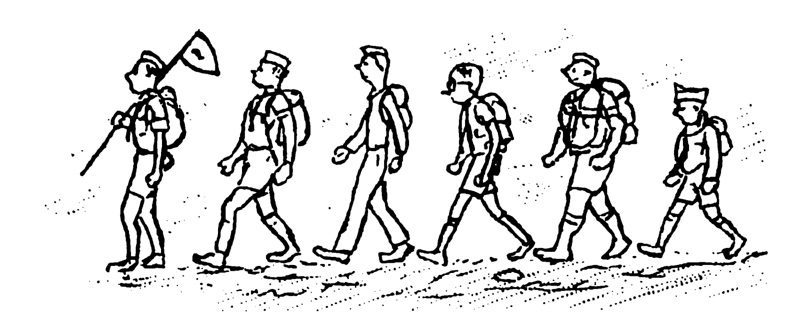
Скм. Н. Доннер
Австралия

По улицам шагает веселое звено;
Никто кругом не знает, куда идет оно.
Друзья шагают в ногу, - никто не отстает,
И песни всю дорогу, мое звено поет.

Припев: Если песенка всюду поется,
Если песенка всюду слышна,
Значит, с песенкой легче живется,
Значит, песенка эта нужна.

Друзья идут купаться, за рыбами нырять,
На пляже кувыркаться, на солнце загорать.
И можно все на свете дороги обойти,-
Дружней звена не встретить, счастливей не найти.

Таким друзьям на свете не страшно ничего,
Один за всех в ответе, и все за одного.
И если кто в дороге, споткнется, упадет,
Он встанет, отряхнется, по-прежнему поет.

ВЛАДЫКА НАФАНАИЛ

Рассказывает ски
Мариша Жесткова

Владыка Нафанаил (Львов) был когда-то скаутом (кажется в Маньчжурии) и очень любил приезжать в скаутские лагеря. Когда он появлялся в лагере, даже в преклонном возрасте, это был праздник для руководителей-волчатников. Он забирал один всю стаю в лес на полдня и что-то им рассказывал, гуляя по лесу. Малыши возвращались со светящимися глазками, но ничего нам не рассказывали о том, что владыка им говорил. Это был их «большой секрет».

Мы все ласково между собой называли владыку Нафуней – это нисколько не было неуважительным, и он это прекрасно знал. Как-то владыка должен был удалиться из лагеря и вернуться только во второй половине дня. Ближе к обеду дежурный по лагерю хотел позаботиться о еде для владыки и через весь лагерь кричит на кухню:

- Дежурные, не забудьте оставить Нафуне пожрать!

И тут неожиданно (так как никто не видел, что он вернулся) владыка вылезает из палатки и кричит им вдогонку:

- Не беспокойтесь, МИЛЕНЬКИЕ, Нафуня уже пожрал!

Рассказывает П.М.
Нью-Йорк, 1953

Поздний вечер… Протрубили отбой. Но в палатках приглушенный шепот. В воздухе чувствуется что-то торжественное и тревожное. И не мудрено – ведь сейчас, с отбоем, фактически кончилась власть руководителей. Официально то она еще у них, но ее часы сочтены. Каждую минуту может восстать «революционный народ».

Руководители это знают: ложатся спать в одежде, предусмотрительно закладывают бритвы под стельки ботинок…

Но ночь прошла спокойно.

Начальник лагеря, неуверенно озираясь, дает сигнал «подъем». Его слушаются - как это не странно. Выходят на зарядку. Становятся в круг, вокруг него, делают гимнастику и… стараются заманить помощника начальника лагеря тоже внутрь круга. Тем временем третий руководитель пошел на кухню, четвертый - умывается в речке.

Внезапно все делавшие гимнастику разведчики (30 человек), разбившись на две группы, бросаются на начальника и его помощника со всех сторон, валят их на землю и начинают связывать.

Начальник выбрасывает лозунг: «Давить революцию – пока давится». Началась борьба. На помощь связываемым руководителям подоспели три бывших в отсутствии. Весы заколебались…

Но тут витязи, занимавшие позицию дружественного нейтралитета по отношению к руководителям, резко повернули свою генеральную линию, и перешли на сторону восставших

масс... Пять руководителей были связаны по всем правилам искусства, с руками и ногами за спиной, и положены рядышком на живот. Одна руководительница была интернирована. Над руководителями была поставлена стража, а революционное начальство приступило к исполнению очередных задач (подъем флага, приготовление обеда, занятия...)

Но руководители и не думали сдаваться. Они вели борьбу за улучшение условий ареста. Один, давший честное слово не покидать руководительскую палатку, был развязан. Остальные отказались что-либо обещать, и начали предпринимать, с помощью «пятой колонны» (заслуги, которые нельзя недооценивать!) попытки к бегству. Бритвами резались веревки, зубами развязывались узлы. Ряд побегов удался; один руководитель даже сумел незаметно спустить флаги с мачты и спрятать их.

На место исчезнувших флагов было поднято желтое знамя революции и полосатая руководительская пижама.

Но каждый бежавший, в конце концов, возвращался, и его связывали снова, хотя с каждым разом все более гуманно. К полудню сердобольные разведчицы принесли арестантам молоко и консервы.

Теперь уже со всеми, кроме отчаянно бившегося и рвавшего путы начальника лагеря, революционеры обращались вполне гуманно. А отпущенный под честное слово руководитель пользовался полной свободой.

НО: в каждой революции наблюдается кризис, когда от разрушения надо перейти к созиданию, и новое руководство из вожатых и старших разведчиков стало перед проблемой: а что теперь?

После полудня рукам удался коллективный побег к стоявшему на шоссе автомобилю – на нем все и уехали на озеро. Все, кроме того, который был отпущен под честное слово. По дороге они подобрали группу дружинниц, считавших ниже своего достоинства принимать участие в революции.

Гнев «народных масс» не знал предела. Погоню организовать было невозможно, т. к., у другого автомобиля революционеры сами раньше, на всякий случай, спустили шины. Теперь

их пришлось накачивать вручную, с применением «рабского труда».

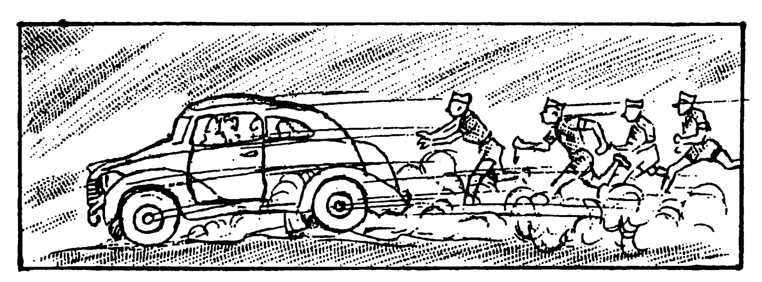
Когда «трудовой подвиг» был закончен, про погоню было думать поздно, и автомобиль стал перевозить сначала «революционную знать», а потом и «массы» на озеро.

Тем временем руководители, уверенные, что другой автомобиль на ноги не встанет, мотались по соседним дорогам и похищали, связывали и выпускали в незнакомых местах случайно встреченных революционеров, предварительно отобрав у них ножи.

****

Вечером, перед возвращавшейся машиной руководителей внезапно встала картина: шоссе преграждено цепью революционеров. Вид у них решительный – мол, погибнем под колесами, а с места не сойдем! Затормозить? Выйти? Сдаться? Ведь, если ехать дальше – может быть несчастье… Внезапно, сидевший за рулем свергнутый начальник лагеря, почти на полном ходу, в последние доли секунды, сделал совершенно виртуозный поворот и свернул на какую-то боковую дорогу…

На шоссе бессильный вой. В машине – радость облечения, руки машут платочками, издеваются…

Но все же судьба руководителей была предрешена. Через час они выбросили белый платок. Они выслали на переговоры самого искусного дипломата, а за ним, на всякий случай, стоял мотор в 120 лошадиных сил.

Медленно, неуверенно идут переговоры. В конце концов, торжествует доверие. Условия приняты. Руководителям обе-

щана личная неприкосновенность и свобода при условии, что они в 9 часов явятся на суд.

Людно в штаб-палатке… Шум, гам…

На скамье подсудимых сидят шесть руководителей. Тяжки предъявленные обвинения…

Напротив, на возвышении, заседает революционный трибунал.

Председатель суда – сам революционный начальник лагеря: самый маленький волчонок, на нем зеленый галстук. С обвиняемыми шушукается их защитник - известнейший остряк и балагур: лицо его серьезно, как всегда. На другом конце – прокурор в последний раз просматривает свои записки.

Наконец, председатель объявляет сессию суда открытой.

После краткой, громовой речи прокурора, начинают выступать свидетели обвинения. Им нет числа. Каждое новое обвинение сопровождается одобрительным гулом присутствующих в палатке суда. Вперемежку выступают и старшие разведчицы, и разведчики и волчата.

Адвокат остроумно парирует большинство обвинений, но многим его ловкие приемы кажутся неубедительными. Брезент палатки дрожит от хохота. Одни других превосходят в остроумии.

Лагерники выносят все свои обиды и шуточные и настоящие.

Жалок лепет свидетелей защиты. Через час разбирательство закончено. Последнее слово подсудимых. Они от него гордо отказываются.

Революционный трибунал удаляется на совещание, и через несколько минут объявляет свое решение: все шесть руководителей виновны по большинству пунктов обвинения.

Председатель трибунала выносит приговор:

Присудить обвиняемых скаутинструкторов таких-то и дружинницу такую-то вымыть всю находящуюся в кухне грязную посуду в холодной воде.

Защитник просит о смягчении приговора и о замене холодной воды – теплой.

Прошение – отклонено.

Дежурный разведчик вносит бак с грязной посудой…

Лагерная революция закончена. Тираны понесли заслуженную кару за преступление перед народом.

На следующее утро новое солнце восходит над лагерем «Бодрость».

НЕОБЫКНОВЕННОЕ «ЛЕСНОЕ ИМЯ»

Рассказывает
скм Светлана Фалкон

Было это в середине семидесятых годов прошлого столетия – сказание старины глубокой. Но не такой уж глубокой, как это звучит, когда упоминаешь о прошлом столетии.

Моему сыну - Георгию Фалкон было тогда 13-14 лет. Он был разведчиком звена «Барс» славной вашингтонской дружины «Путивль».

Дело происходило в летнем лагере в редкие для ребят свободные минуты. Играли в «ножичек». Для тех, кому эта игра незнакома – расскажу. На земле рисуется круг диаметром не больше метра. Первый игрок бросает в круг нож, обычно перочинный. По линии врезавшегося в землю лезвия, круг делится на две части и бросивший нож выбирает одну из них. Второй игрок бросает нож в выбранную часть, и теперь этот кусок делится на две части, и. т. д., пока дело не доходит до минимальной площади.

На этот раз вместо круга не земле наши предприимчивые «барсы» нашли круглый пень. Ребята были в восторге от своей находчивости. Началась игра. Пень оказался довольно свежим, и нож забивался с трудом.

- Ребята! Оставьте, это выглядит опасно!- предупредил проходивший мимо руководитель. Но одного предупреждения, конечно, было мало. Игра продолжалась.

Во время следующего броска нож отскочил от пня, взлетел в воздух и ударил моего сына Георгия – Жорик, как его называли, прямо в переносицу.

К счастью ударила по носу рукоятка, а не лезвие. Но все же нос остался скривленным на всю жизнь.

И с тех пор мы величаем нашего Жорика

«Георгий Побитоносец».

БЕЛОЧКА ВСЕГДА ВЕСЕЛА

Рассказывает скм Светлана Фалкон
70-ые годы, дружина «Путивль»,
Вашингтон

*А*ня Присекина была шустрое, веселое, но ответственное существо, на которое можно было спокойно положиться.

Лагеря нашей дружины проводятся всегда в диких местах штатов Виржиния и Западная Виржиния. Эти лагеря требуют от ребят настоящую скаутскую практику и подготовку.

Рабочая команда дружины приезжает на место за неделю до начала лагеря для того, чтобы натянуть брезенты крыши для кухни, поставить палатки для волчат и белочек, и выкопать им ямы для «холливудов». Разведчики и разведчицы строят свои лагеря сами.

Когда в такой лагерной обстановке несколько дней подряд идет дождь, то не удивительно, что наряду с обувью, дровами и другими вещами промокает и настроение. Но не у Ани!

Анина мама, Оля, добровольно трудилась на кухне. Как-то я послала Аню за чем-то на кухню, и сказала, что она может спросить об этом свою маму. Аня была в плаще и высоких резиновых сапогах.

Оли в то время на кухне не было. Она потом рассказала:

- Возвращаюсь на кухню. Дождь льет как из ведра. Стоит моя Аня под открытым небом. И из всей своей беличьей мочи поет:

«Светит солнышко на небе ясное, цветут сады, шумят поля.»

КАЗАКИ И ТАТАРЫ
ИЛИ

Рассказывает ски Полина Сухонос
Калифорния, 2008 год

Как обычно и в этом году у волчат и белочек была цикловая игра, продолжавшаяся всю первую неделю. Тема этого года «Казаки и татары», и лагеря были названы соответственно. Лагерь волчат назывался «Казачий Союз», а лагерь белочек – «Тихий Дон». Всех детей разделили на четыре группы, с казачьими названиями: «Забайкальские», «Оренбургские», «Донские» и «Кубанские». Группы соревновались, получая очки за поведение, строй, исполнение приказаний и пр.

Я, как всегда, закупаю и приготовляю заранее всё, что нужно для игры. Ребята должны заниматься ручным трудом, а раз в этом году они казаки, значит, нужны кони. Пусть сделают себе коней.

Для конских голов я накупила толстых мужских носков «лошадиных» цветов: коричневые, серые, бежевые, и черные. И вот, дети собрались в столовой и принялись за работу: носки набили ватой, на кончик носка наклеили два черных кружка - это ноздри. Два черных овала на белом фоне – глаза. Посередине, на подошву носка пришили бахрому из подходящей по цвету пряжи. Получилась грива. По обе стороны гривы, два кусочка фетра под цвет носка превратились в уши. Прикрепи-

ли «уздечку» (веревочку), надели голову на шест, плотно привязали к шесту – и конь готов!

Как-то к игре «Казаки и татары» примешалась сказка «Царевна Лягушка». Мы сами не знаем, как это вышло. Мы руководители составляли игру экспромтом, а дети, с большим удовольствием, подхватили, принимая все всерьез.

Началось с того, что у волчат-«казаков» «татары» украли водные пистолеты. Когда волчата купались в пруду, то трое «татар» выскочили из лесу, «напали» на них, обрызгав водой, и убежали, оставив на дереве записку, а под ней сундучок. В записке было написано:

«Оставьте у дерева, все что собрали, и мы вам вернем все что украли. ХАН»

И был приложен список всего того, что нужно было собрать.

Красная веревочку длиной со Шмеля. *(Шмель - Михаил. Данич)*
2 алмаза - (*камушки*)
Шерсти от Хорька. *(Хорек - Александр Мистулов)*
Еловую веточку
Зеленый мох
Палочку длиною с Газель. *(Газель - Елизавета Синкевич-Вильямс)*
Зажим Крокодила *(Крокодил - Александр Мак)*
Бумажный стакан
Рисунок татарина
Плоский узел
3 конфеты.

Ребята всё собрали: измерили рост Миши Данич и Лизы Синкевич-Вильямс, нарисовали татарина, завязали плоский узел, но не нашли конфет. Пошли в клинику. Конфет там не

оказалось, но были леденцы от кашля. Все было положено в сундучок и оставлено под деревом.

Сундук исчез, а на его месте, на клочке бумаги было написано:

«Вы нас пытались обмануть?!?! Подсунули нам лекарство!!! Это вместо конфет!

Так вот!!! За обман у нас новое требование!!! (ищите записку в новом месте) ХАН».

Новая записка обнаружилась на другом дереве, и там было следующее:

«Я хочу выдать замуж мою дочь за принца, но он заколдован в лягушку, поймайте его, и оставьте здесь! Если не поймаете, вам будет плохо. ХАН».

До этого ребята каждый день ловили в пруду лягушек, а в этот день нарочно не ловили. Они хотели, чтобы им было «плохо». Однако руководители посоветовали им все же наловить лягушек, а то «хан» рассердится.

Задание было выполнено. Лягушки пойманы и предложены Хану.

Но что хан ответил:

«Ваши лягушки слишком маленькие! Вы что думаете, что я выдам свою дочь замуж за карлика? Мое следующее требование вы узнаете от человека, который работает на кухне. Постучите в дверь и узнайте секрет. Хан»

Этот человек оказалась Валя Черкашина. Она была занята, и сказала, чтобы пришли после обеда, и тогда она расскажет секрет. Волчата и белочки пошли заниматься своими делами, а в это время татары похитили одну белочку. Однако ее долго не держали, а отпустили, передав через нее следующее: «Хан немедленно требует свою лягушку!» И с этим все отправи-

лись снова к Вале, потому что, оказалось, что для того, чтобы вызвать царевну-лягушку нужно было сделать лягушек из бумаги (оригами) и оставить на острове.

Валя показала ребятам, как делаются лягушки. Лягушки были сделаны и оставлены на острове.

Лягушки исчезли, а на их месте оказалась записка:

«В этот раз я вас прощаю и печеньем угощаю. Угодили мне сполна. Дочку замуж выдал я! Но, а завтра я опять буду с Вами воевать! Хан». И тут был приложен пакет с печеньем.

В пятницу было перемирие, потому что был день памяти верных, и игры в этот день не позволяются. Настала суббота. Волчат и белочек разделили на две группы, и каждая группа должна была придумать русский народный танец. Супруги Мария и Георгий Фалкон показали разные движения, а потом помогли создать танцы.

После обеда дети преобразились: «казачки» на майки надели пестрые сарафаны, а на головы венки из подсолнухов, да с лентами. Мальчики надели синие майки с широкими красными погонами, превратив их в казачьи гимнастерки. На головах у них были белые папахи с цветными ромбами.

Все выехали на поляну на своих скакунах, и после этого каждая группа исполнила свой танец. Танцевали с большим энтузиазмом, стараясь делать самые трудные движения, что на кочках да на густой траве, было довольно трудно. Нужно было видеть, с какой сосредоточенностью мальчики старались делать «колесо». Одни как-то умудрялись стать на колено, а другие даже садились… Стиснув зубы, сжав губы, в съехавших на сторону папахах, они отлично справились с задачей, озадачив руководителей – кому же присудить первое место? Вышли из положения: одним дали первое место за творчество, а другим за исполнение…

Пока руководители обсуждали этот вопрос, дети, обрадовавшись, что они свободны, отправились на игральную площадку. Мальчики съезжали с горки, лазали по перекладинам,

и т.п. Девочки выглядели особенно живописно, в пестрых сарафанах, с венками на головах, они раскачивались на качелях.

На траве валялись поверженные кони…

Мир и тишина спустились на казачий стан. И вдруг, в какой-то момент, никто не заметил, когда это случилось, татары похитили двоих – казака и казачку, и унесли в свой стан. Поднялся весь казачий союз, и пустился в погоню, а за ним любопытные руководители.

Войти в стан оказалось не так просто – вход был плотно закрыт занавесом (одеялами). У входа стояли два высоких стража – ровно в два раза выше казачат. У каждого в руке была пика, и одеты они были «по-татарски». Казаки требовали, чтобы их впустили, и, наконец, хан смилостивился, занавес приоткрыли, казаки предстали пред грозным ханом. Он восседал в шатре, на подушках. Перед ним сидели, закрытые чадрой, девушки из «гарема». Сам хан был в чалме, в халате и говорил низким громким голосом. Тут же сидели связанные пленники, и, судя по выражению лица, казачка была довольна судьбой, а вот казачонок был озадачен.

Начались переговоры. Казаки стали просить, чтобы отпустили пленников.

- А что вы мне за них дадите? – спросил хан.

Кто-то из казаков вытащил деревянный кинжал, другой сорвал с головы папаху, и все последовали его примеру, а девочки стали снимать венки:

- На! Возьми! На!- кричали они, поднимая вверх дары и потряхивая ими.

- Не надо мне ваших шапок! – ответил хан. – У меня своих полно!

Кто-то предложил коня, и крикнул:

- На! Возьми коня!

- Да, коней у меня полно! Зачем мне ваши?! – рассмеялся хан.

Сзади произошла какая-то суматоха – сбежал пленник! Однако дюжий сторож двумя шагами догнал его и схватил в

охапку. Когда, мы выглянули за одеяло, то увидели трогательную сцену: пленник горько плакал, уткнувшись лицом в живот стража, а тот нежно держал его за плечи и успокаивал, на лице стража была полная растерянность.

Но казаки не унимались, не зная, что еще можно предложить. Один из сторожей пришел на помощь, и подсказал:

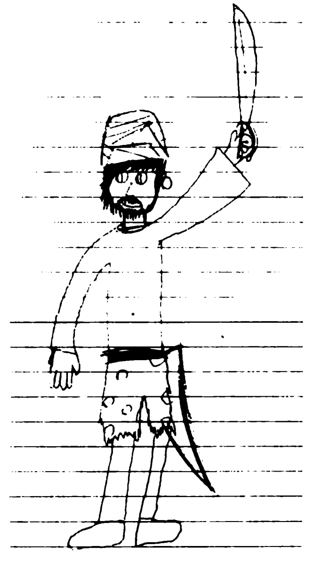
- Хана давно никто не развлекал…

- Да, давно я не слышал хороших песен. Я слышал, что у вас есть своя лагерная песня.

Казаки сразу же грянули:

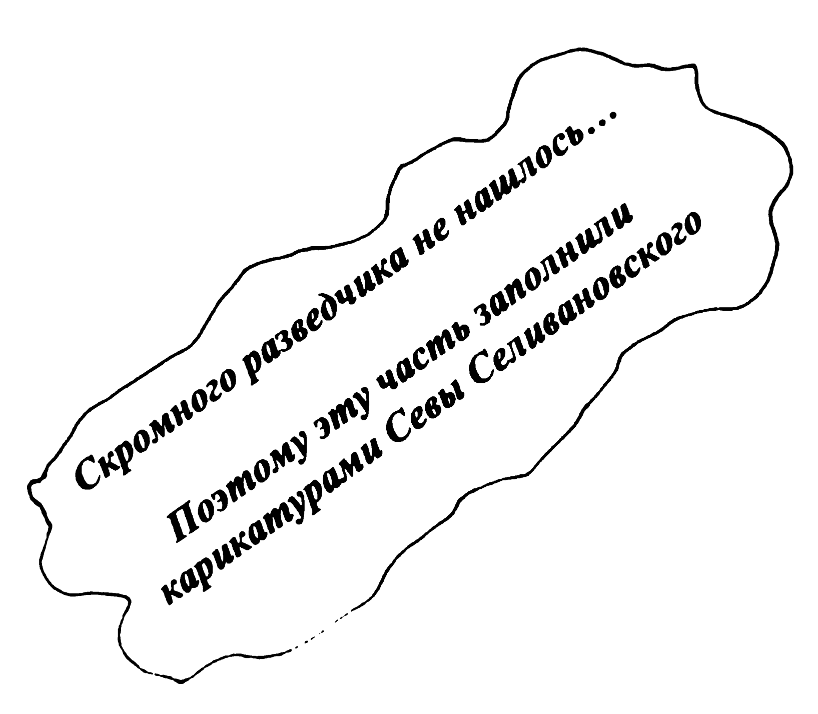
- Там, где волны Аракса шумят,
Там посты казаков на границе стоят…

Песню пропели. Пленников отпустили. На этом игра кончилась.

Подлинный рисунок татарина, предложенный хану.
Художник неизвестен.

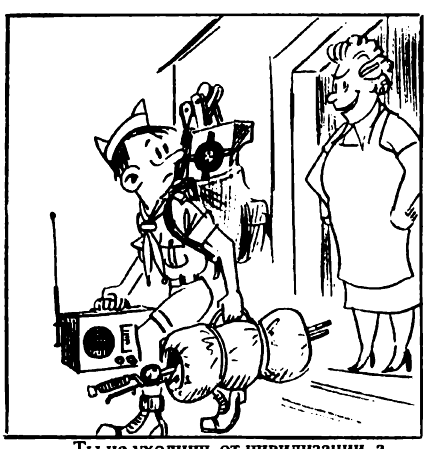
12. Разведчик скромен.

Волчий Клык

СТРАНИЧКА ЮМОРА

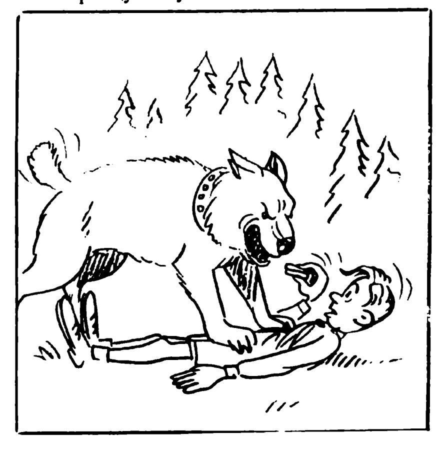
- Ты не уходишь от цивилизации, а тащишь ее с собой...-

- Ну, на этот раз никто не забыл горчицу... а у кого сосиски?!?

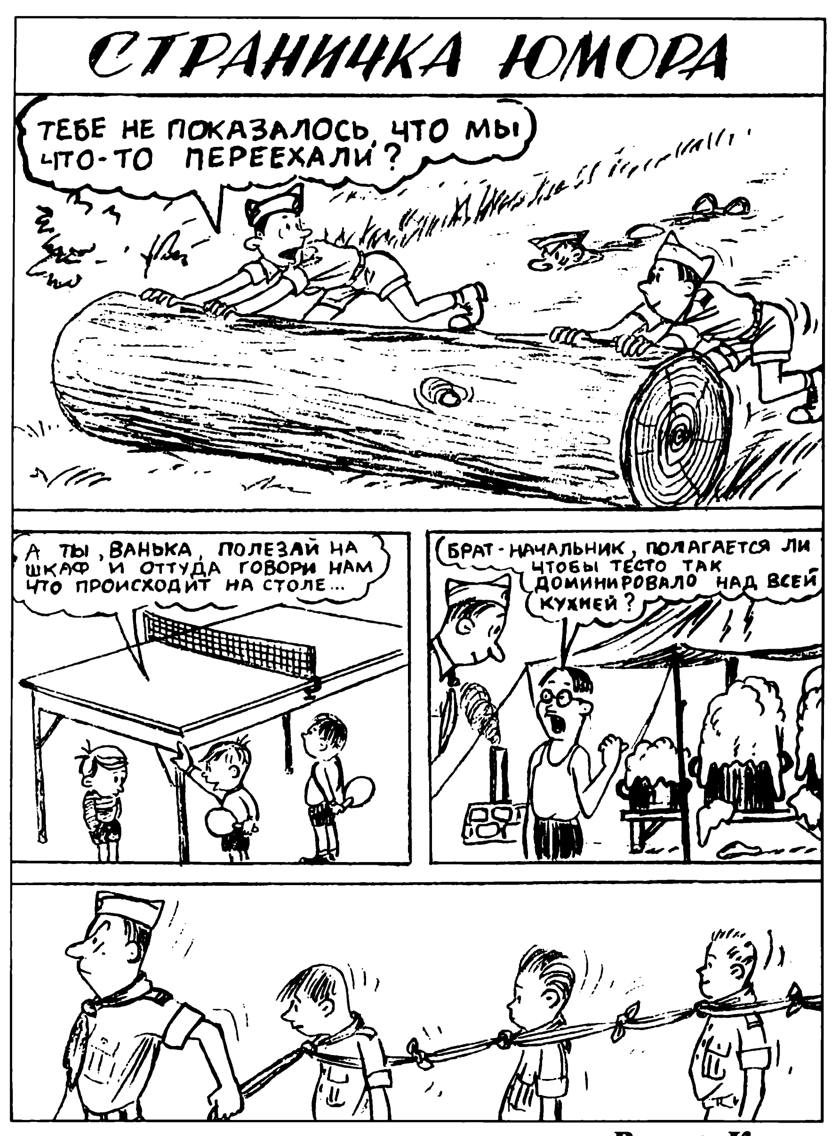

- К-к-как насчет купания, б-брат начальник?

- Проси!-

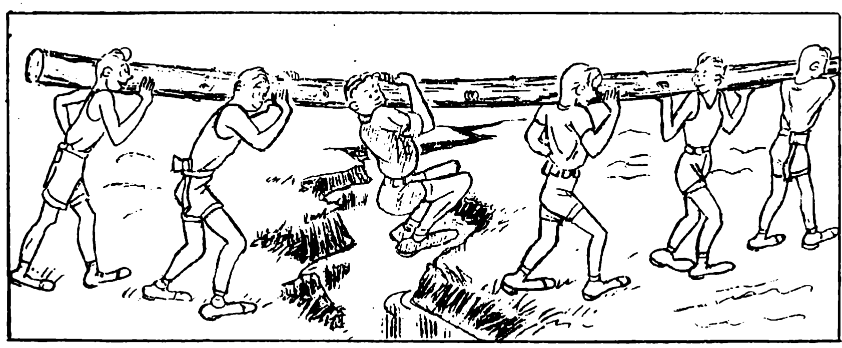
*В*олчий *К*лык

СТРАНИЧКА ЮМОРА
ТЕБЕ НЕ ПОКАЗАЛОСЬ, ЧТО МЫ ЧТО-ТО ПЕРЕЕХАЛИ?
А ТЫ, ВАНЬКА, ПОЛЕЗАЙ НА ШКАФ И ОТТУДА ГОВОРИ НАМ ЧТО ПРОИСХОДИТ НА СТОЛЕ...
БРАТ-НАЧАЛЬНИК, ПОЛАГАЕТСЯ ЛИ ЧТОБЫ ТЕСТО ТАК ДОМИНИРОВАЛО НАД ВСЕЙ КУХНЕЙ?

Волчий **К**лык

ЮМОР

ОПТИМИСТ И ПЕССИМИСТ ...
Волчий Клык

ПОСПЕШИШЬ –
ЛЮДЕЙ НАСМЕШИШЬ...

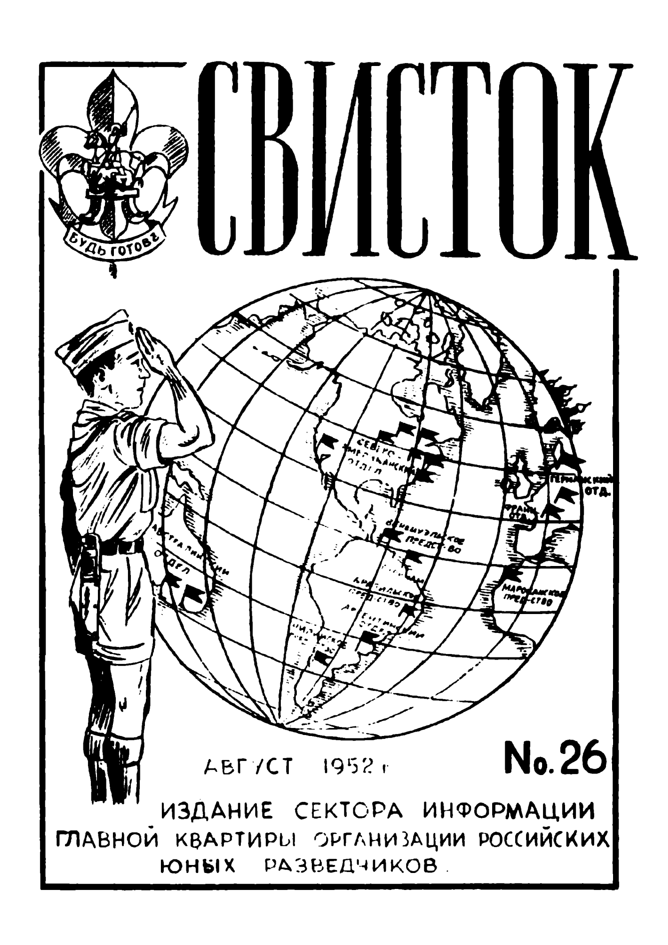

ЭТО ВАША СОБАКА?
УВЕРЯЮ ВАС, ЧТО Я НЕ ПЕРЕОДЕТЫЙ СКАУТМАСТЕР.
...ТАК... А ЭТО КАКОЙ УЗЕЛ?

ЮМОР
АКВАРИУМ
ОПЯТЬ ЭТА РОГАТКА!
НЕ ЗАБЫВАЙТЕ, ПО МОСТУ НЕ ИДТИ В НОГУ!
ТЫ УВЕРЕН, ЧТО ТЫ ВОСПРОИЗВЕЛ ПРИЗЫВНЫЙ КРИК САМЦА, А НЕ ЧТО-НИБУДЬ ДРУГОЕ ???
ТЫ ВЕРЕН БОГУ, ПРЕДАН РОДИНЕ, РОДИТЕЛЯМ И НАЧАЛЬНИКАМ..
ЭТОТ ИНДЕЙСКИЙ СПОСОБ ДОБЫВАНИЯ ОГНЯ ЗДОРОВО ПРАКТИЧНЫЙ: ОГНЯ, ПРАВДА, НЕ РАЗВЕДЕШЬ, НО СОГРЕТЬСЯ МОЖНО.
РАЗВЕДЧИЦА НЕ ДОЛЖНА ДРАЗНИТЬ НАШИХ ДРУЗЕЙ ОС !!!
Волчий Клык

ЧАСТЬ II

ПО РАЗНЫМ СТРАНАМ.

По морям и океанам
Злая нас ведет судьба.
Бродим мы по разным странам...
(Песня из фильма «Дети капитана Гранта»)

ИЗ ПРИКАЗА СТ. СКМ. Б. Б. МАРТИНО

По случаю сорокалетнего юбилея Организации Российских Юных Разведчиков (Скаутов)

Поздравляю всех руководительниц и руководителей, старших разведчиц и витязей, разведчиц и разведчиков, белочек и волчат с 40-ой годовщиной основания Русских Скаутов-Разведчиков

От того дня, когда О.И. Пантюхов основал Первый Отряд Юных Разведчиков в Павловске и доныне, наша организация прошла тернистый и славный путь 40-летнего существования. Еще никогда и ни одна организация молодежи не подвергалась таким страшным испытаниям. Несмотря на войны, революцию, кровавые преследования, нищету, потерю Родины и жизнь в расселении, Скауты-Разведчики остались верными своим высоким идеалам и ни на мгновение не прекращали своего служения Богу, Родине и ближним.

Сейчас наше дело нужно больше чем когда-либо. Мы стоим перед новым распылением по новым континентам. Будем надеяться, что этот этап эмиграции будет последним в нашем долгом изгнании. Перед нами стоит великий подвиг – в новых странах и в очень тяжелых условиях воспитать и сохранить нашу молодежь для служения Родине – России. С помощью Божией под покровительством Святого Георгия помня о благородной крови наших братьев пролитой за Россию, мы найдем в себе силы совершить этот подвиг.

Мюнхен-Фельдмохинг 1949 г.

ПЕСНЯ ЗАРУБЕЖНЫХ РАЗВЕДЧИКОВ

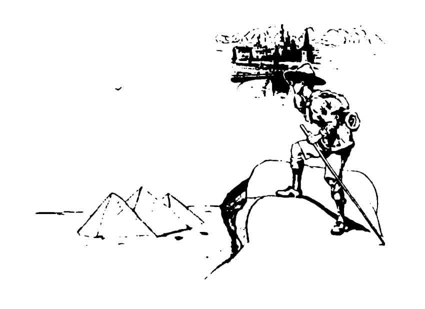
Мы русские скауты, мы дети России,
Несем нашу службу и ночью и днем,
Храним наших дедов заветы святые
И все за отчизну, коль надо, умрем.

Мы горсть уцелевших, теперь на чужбине –
Работаем молча, без слов,
Наш лозунг – все тот же – звучит и поныне,
Все тот же девиз – «Будь готов!»

Уж близится час возрожденья России,
И тысяча скаутов-борцов
Ждут слова воскресшего к жизни Мессии,
Вперед же, вперед! «Будь готов!»

И в день, когда родина, сбросив оковы,
Восстанет на красных врагов,
Мы русские скауты, подымимся снова
Под клич боевой: «Я готов!»

ПЕСНЬ РУССКИХ СКАУТОВ В ЕГИПТЕ

Редакцией «Опыта» был получен текст этой песни в 1989 г. и напечатан в № 85. Автор не указан. Песню пели на мотив «Черные гусары».

Мы помним знамена родные,
Мы верим, что время придет
И мать, дорогая Россия,
Нас снова к себе позовет. Раз, два.
В изгнанье и горе – мы братья
Теснее смыкаем ряды,
Мы дружною вырастим ратью
На благо родной стороны. Раз, два.
Путь жизни, мы знаем, не гладок.
Чем попусту тратить слова –
Эй, скауты, держите порядок
Ровнее шагайте! Раз – два!
Мы видели в небе над нами
Летели домой журавли
И всею огромною стаей
Походный порядок блюли. Раз, два.
Без строя далекой путины
Не сделать и птицам, друзья.
Держаться должна дисциплины
И скаутская наша семья. Раз, два.
Скаут держит и честное слово
Всем слабым защитник и брат.
Забудет себя для другого
И помощь дать всякому рад. Раз, два

1920-1922 годы

КАК МЫ СТАЛИ СКАУТАМИ

Рассказывает
скм Ростислав Полчанинов
Сараево, 1920-30 гг

В сентябре 1926 г. Боря Мартино поступил в I-ый класс II-ой мужской гимназии в городе Сараево. Боре было девять лет, а для приёма в гимназию надо было иметь десять, но его приняли в виде исключения. Не успел он как следует ознакомиться, как к нему подошёл один из соучеников и сообщил, что через несколько дней, к ним в класс придёт его старший брат и будет записывать желающих вступить в скауты. Боря, получив разрешение родителей, записался, и стал ходить на сборы. Ходить надо было два раза в неделю, и довольно далеко в скаутскую штаб-квартиру, «скаутский стан», по-сербски.

Боря в звене оказался самым младшим и самым маленьким по росту. У скаутов ему не понравилось, и он ушел.

В Белграде у Бори был троюродный брат, который был старше его, и был русским скаутом. Свой уход из отряда Боря объяснил мне, что югославянские скауты не настоящие скауты, а вот русские скауты - настоящие. Я в этих делах ничего не понимал, но считал, что оно так и есть, полагаясь, что Боря знает, о чём говорит. Я признавал его авторитет и обычно с ним соглашался, а когда не соглашался, то Боря мне напоминал, что он на два года старше, хотя он был старше меня только на полтора года. Он был старше меня на два класса. Мои родители были рады нашей дружбе, так как я многому учился от Бори, а Борины родители были тоже довольны, что у Бори есть покладистый друг, не претендующий на первое место.

О скаутах мы вспомнили, когда Боря перешёл в V-ый класс, а я в III-ий. Это было в сентябре 1930 г. Один из Бориных одноклассников, который уже четыре года был скаутом и окончил курсы для вожаков, решил собрать своё звено и предложил Боре снова поступить в скауты, на этот раз на долж-

ность помощника вожака, которому он будет поручать проводить каждый второй сбор. Для Бори это было заманчивым предложением, а для вожака – облегчением. Вместо двух только один сбор в неделю.

При II-ой гимназии был I-ый отряд скаутов, начальником которого был Луло Фркович, считавшийся одним из лучших руководителей Сараевской дружины. Узнав, что Боря самостоятельно проводит сборы, Луло предложил ему должность вожака, если Боря соберёт звено новичков.

В сентябре 1930 г. нас русских в гимназии стало трое. В нашу гимназию поступил, приехавший из г. Свилайнац (Сербия) русский мальчик – Слава Пелипец. Вожакам полагается быть старше своих скаутов, но Слава согласился поступить в Борино звено. В звене должно было бы быть 6-8 человек. Нас двух было мало, и Боря попросил меня привлечь хотя бы четырёх, за что обещал сделать меня помощником вожака.

1 февраля 1931 г, в присутствии начальника отряда, Боря провёл наш первый сбор. Эта дата была записана потом в моём скаутском удостоверении как день вступления в Союз скаутов королевства Югославии.

О чём говорил Боря на нашем первом сборе, я точно не помню. Вероятно, говорил о том, что все скауты братья, что, став скаутами, мы должны стараться быть лучше, что должны каждый день делать доброе дело, о чём нам должен напоминать узелок на скаутском галстуке, что не смеем пить и курить и пр. Потом мы разучивали югославянский скаутский гимн и играли.

От сбора у всех нас осталось самое хорошее впечатление, но, конечно, не от Бориных слов, а от игр, которыми закончился сбор.

Последнее впечатление всегда сильнее запоминается. Даже самый хороший сбор, но со скучным концом, запомнится как какой-то неудачный, и наоборот, будь хороший конец, и не очень интересный сбор, запомниться как хороший.

Кроме того, игры в большой компании имеют всегда большую притягательную силу. Мы умели с Борей хорошо играть

вдвоём, но это не то же самое, что игра всем звеном. У всех у нас дома редко собирались большие компании, чтобы поиграть, а на улицу, в большие компании уличных ребят, нас не пускали родители. И было у них для этого немало причин.

Боря стал вожаком, не имея ни III-его разряда, ни «Завет» (по-русски - Торжественное обещание). III-ий разряд он сдал 16 февраля. Программа была нетрудной. Чтобы сдать III-ий разряд, надо было уметь связать шесть узлов, вызубрить 10 скаутских законов, знать скаутский гимн, две-три скаутские песни и историю скаутизма, которая начиналась с биографии Баден Пауэлла и кончалась краткой историей скаутизма в Югославии, которому в 1931 г исполнилось 20 лет.

III-ий разряд мы сдали в апреле, когда к нам на сбор пришел наш начальник Фркович. Ко дню Св. Георгия все мы получили свидетельства о сдаче III-его разряда. ТО полагалось давать в день Св. Георгия.

Почти у всех скаутов мира Св. Георгий считается небесным покровителем. В Словении и Хорватии день Св. Георгия праздновался по католически – 23 апреля, вернее в ближайшее к этому дню воскресенье. В православной части Югославии день Св. Георгия отмечался 6 мая и этот день был выходным. Отмечался он не как религиозный, а как национальный праздник. В этот день все шли до восхода солнца в лес на «уранак».

У сараевских югославских скаутов не было сборов ни отрядов, ни дружины. Маленькие комнаты «стана» (штаб квартиры) не вместили бы отряда, а двор не вместил бы дружину, в которой было более 150 человек. Походы тоже не устраивались.

«Уранак» был единственным походом всей дружины. Эта сербская традиция ведёт своё начало со времён турецкого ига. «Уранак», - встреча ранним утром до восхода солнца. В турецкое время, в день Св. Георгия (Джурджевдан), до восхода солнца, встречались «четники» (партизаны – от слова «чета» - отряд) и уходили в покрывшиеся к тому времени листвой леса. Всё лето они партизанили, - грабили турецких купцов и убивали мусульманских помещиков и турецкое начальство. Католи-

ки, которых в Боснии было мало, партизанили вместе с православными. Осенью все возвращались домой, и изображали из себя покорных рабов.

После освобождения от турок «уранак» соблюдался как традиция в память 500-летней борьбы с турками. «Джурджевдан» был нерабочим днём, и отмечался в Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговине, то есть там, где когда-то правили турки. В Хорватии и Словении, где не было турок, не было ни «четников», ни традиции «уранака».

6 мая Сараево вставало до рассвета, и все жители шли в горы, в леса. Шли войска, школы, сокола и скауты. Думаю, что и мусульмане, не сидели в этот день дома, а уходили за город, только не так рано как христиане.

На скаутские сборы мы не ходили в формах, но на «уранак» надо было быть в форме. Сбор был назначен в скверике около мечети Али-паши, мимо которой лежал путь в горы.

Боря пришёл со звеновым флажком на посохе и с рюкзаком. На рюкзаке было одеяло, а в рюкзак мы сложили продукты, принесённые из дому. Рюкзак и флажок мы несли поочередно.

Скауты сидели на скамейках или на траве в ожидании сигнала строиться. Вдруг ко мне подошёл парнишка с двумя полосками вожака на кармане. Он шёл прямо на меня, улыбаясь с протянутой по-скаутски левой рукой. Я его сразу узнал. Это был один из хулиганов, который кричал мне – «рус – купус» (русский – капуста) кидал камнями, и иногда лез в драку. У него была «своя улица», которую я старался обходить стороной.

- Так ты скаут, - обратился он ко мне – значит мы братья. Идём, я покажу тебя моему звену! - и он обнял меня за плечо. Подойдя ближе, я увидел, что всё звено состояло из тех самых хулиганов, от которых мне пришлось столько терпеть.

На их лицах было написано удивление. Не знаю, что их больше удивило, то ли что я тоже скаут, или то, что их вожак идёт в обнимку со мной.

Всё звено было из новичков, только вожак, был скаутом с

двухлетним стажем. Когда ему предложили собрать звено и стать вожаком, он записал в скауты всю свою банду.

Ребята улыбались, а я был очень смущён. Вожак обратился к своему звену, показывая на меня, - этот «рус» теперь наш брат, и вы его больше не трогайте, а если надо, то и защищайте.

Вскоре была дана команда построиться, и мы с песней двинулись в поход. Мы спели только одну песню, так как вскоре за мостом дорога пошла в гору, а, идя в гору, песен не поют. Была дана команда идти вольным шагом.

Мы шли мимо загородных «кафан» - ресторанчиков, окружённых лужайками. Там было много горожан. Для них жарились на вертеле барашки. Иногда барашков крутил кто-нибудь из служащих, а иногда костёр располагался около ручья. У вертела были лопасти и вода вертела барашка.

На лужайках вдоль дороги тоже было много горожан, и мы должны были уйти подальше в лес, не только от стен городских, но и от городских жителей. На одной лужайке мы остановились, постелили одеяла и сели отдохнуть и позавтракать. Потом построились по отрядам, и началась церемония дачи Торжественного обещания.

У югославянских скаутов был такой порядок: новички за зиму должны были пройти III-ий разряд, а на «Джурджевдан» дать «Завьет».

Церемония была короткой. Приказов не читали, и не было молебна.

Хотя 6 мая был православным днём Св. Георгия, среди сараевских скаутов не все были православными, но Св. Георгий был покровителем всех скаутов и потому этот день отмечался как общескаутский праздник. Начальник дружины приветствовал новичков, давших «скаутски Завьет» и принятых в скаутское братство, и выразил надежду, что все поедут в лагерь, потому что нельзя стать настоящим скаутом не побывав в лагере, а о том, что такое скаутский лагерь, новички пусть судят по тому, как пройдёт «Джурджевдан».

После этого были обед и лесные игры. Возвращаясь из леса с игр, мы должны были принести хворост для костра. Костёр был устроен засветло, но мы, вставшие до зари, успели изрядно устать.

Для нас новичков костёр был большим событием. Мы уселись на одеялах на некотором расстоянии от кострища, но тут раздалась команда – «встать, смирно!».

Костёр загорелся, и мы запели югославянский скаутский гимн – «пламен се диже...» (огонь разгорается). При словах «Так поклянёмся именем матери, что будем братству прокладывать путь» мы все протянули руки к костру со скаутским салютом.

После трёх скаутских песен кто-то запел «журе» - злободневные частушки. «Льепо пьева птица кос, планинке су дигле нос» (красиво поёт птица дрозд, разведчицы задрали нос») спел один скаут, а мы подхватили припев, - «жура, жура, жура вэ, журавушка мала е».

Из всей этой тарабарщины перевести можно только два последних слова – «мала е» - то есть - маленькая. Спустя год, попав в Загребе в русский подлагерь, мы узнали, что «жура», - это наш русский «журавель», только с исковерканным припевом.

Конечно, «планики» (от слова «планина» - гора) в долгу не остались, у них были приготовлены свои «журе». Обид не было. Все были довольны.

Как только кончились «журе», руководитель объявил первую «тачку». По-сербски – «тачка» значит не только «точка – знак препинания», но и «номер программы». Руководивший костром объявил, что первой «тачкой» будет показан отрывок из ещё неопубликованного романа – «Дедушкина шапочка с кисточкой».

На место между нами и костром, с разных сторон вышло двое. Один, сняв широкополую скаутскую шляпу на манер испанского сомбреро, приветствовал встречного и спросил о его здоровье и здоровье его семьи. Всё это было сказано очень серьёзно и потому комично. Затем, как бы, между прочим, пер-

вый спросил второго: - не видели ли вы шапочку с кисточкой моего уважаемого дедушки?

- Извините, мне ужасно неловко – ответил второй – но должен вас разочаровать. Шапочки с кисточкой, вашего уважаемого дедушки, я не видал.

- Как это досадно – сказал первый.

- Как это досадно» – повторил другой. Они взялись за руки, посмотрели друг другу в глаза и одновременно сказали:

- Так идём её искать!

Как только они ушли, руководивший объявил, что следующей «тачкой» будет отрывок из знаменитой оперы – «Дедушкина шапочка с кисточкой».

Началось повторение на распев тех же слов, с руладами и завыванием.

После этого был объявлен балет, где всё объяснялось мимикой. Затем была объявлена «Трагедия с дедушкиной шапочкой с кисточкой».

К нам выскочил рычащий субъект со скаутским галстуком одетым по-пиратски на голову. Он бегал с ножом вокруг костра, прикладывал руку ко лбу и вглядывался вдаль. Наконец он увидел второго, подбежал к нему, схватил его за рубашку. Слова были те же, но в другом тоне.

Наконец была объявлена «Комедия с дедушкиной шапочкой с кисточкой». Снова встретились те же самые, которые надрывались от смеха, едва выговаривая слова.

Все смеялись, а мы, новички, захлопали в ладоши. Руководивший остановил нас, сказав – вы не в театре. У скаутского костра хлопать не полагается. Своё одобрение или неодобрение у скаутов полагается выражать криком, и предложил крик-нуть: «– б - р - а - в – о! браво! браво! браво!»

«Дедушкина шапочка с кисточкой» уже тогда, в 1931 г, считалась – «с бородой». Это была старая точка, но она никогда не теряла своей свежести, так как, каждый раз исполнители вносили какие-то изменения. Эта точка выдержала испытание времени, и до сих пор сохранилась в нашем репертуаре.

Потом мы запустили «скаутскую ракету». Этому югосла-

вянских скаутов научили русские, но придумали ли «ракету» русские, или она была у кого-то заимствована, - не знаю. А интересно было бы узнать.

Песни чередовались с точками. Одной из них была инсценировка Шекспировского «Короля Лира». Точка была примитивной, и весь комизм был в том, что она не имела ничего общего с Шекспиром.

Мы этого тогда не знали, и больше всего смеялись над, «похоронами короля Лира»:

Всё шло с кинематографической скоростью. Как только была объявлена точка, выбежала разведчица и объявила: «Я дочь короля. Я влюблена в королевского конюха». Не успела она убежать, как с другой стороны выбежал скаут и объявил: «Я королевский конюх. Я без ума от дочки короля». И убежал.

С другой стороны не спеша, вышел сам «король Лир», опираясь на скаутский посох. Потрясая посохом, он громко сказал – «Пока я жив, не допущу!».

«Король» ушёл, также не спеша. После короткой паузы, одновременно с двух сторон выбежали «дочь» и «конюх» и объявили, что они уже повенчались. И убежали. Руководивший объявил, что сейчас будут похороны «короля Лира».

Для «похорон» нужно было два человека. Первый шёл с вытянутыми руками, на которых были ботинки. Второй шёл, положив руки на плечи первого, откинув голову назад. Оба были покрыты одеялом от шеи до ботинок. Первый должен был, конечно, низко опустить голову. Как и выход «короля Лира», так и его «похороны» были в замедленном темпе.

Мне больше всего понравилась точка - «Тореадор». Мы все запели «Тореадор, готовься в бой» и к нам, не спеша, вышел скаут в широкополой скаутской шляпе, с красной тряпкой и веточкой вместо шпаги. С другой стороны, пританцовывая под песню, появился – «бык». Бык состоял из двух человек: первый держал в руках, прижатых к вискам, две палочки, изображавших рога, а второй, опустив голову, положил ему руки на плечи. Они были покрыты одеялом.

Увидев «тореадора», «бык» остановился, стал угрожать рогами и сердито бить «задним копытом». «Тореадор» дразнил «быка» красной тряпкой и старался «проколоть его шпагой». «Бык» отскакивал в сторону, изображавшие его сбивались, падали, поправляли на себе одеяло, неуклюже вставали. Мы все смеялись, пока «тореадор», наконец, не «убил» «быка» «шпагой». Смешным был каждый момент, но мне, почему-то запомнился выход «быка». Ступив правой ногой, оба, изображавшие «быка», в такт песни, и совершенно одинаково дергали левыми ногами, а затем, ступив на левые ноги, также в такт, дергали правыми. Для этого надо было, конечно, хорошо подготовиться.

Время у костра пролетело быстро. Руководивший объявил, что на очереди – последняя точка. Появились два скаута, которые, пронесли перед всеми большой лист бумаги, прикрепленному к какому-то сложному сооружению из веток, связанных верёвкой. На бумаге была нарисована огромная круглая точка. Это было игрой слов по-сербски и по-русски.

Нам всё понравилось. Понравилось и «последняя точка» и мы её часто ставили. Очищая русский язык от иностранных слов, мы сделали исключение для «точки» в смысле «номера программы», приняв это слово в наш разведческий жаргон. Теперь все скауты знают, что «точка» - это короткая смешная сценка у лагерного костра.

Этот костёр в день Св. Георгия был особенно удачным. Услышав песни, к нашему костру подходили посторонние. Руководивший приветствовал их словами: «Пожалуйста, посмотрите на скаутов. Такие костры мы всегда устраиваем в лагерях. Записывайте детей в скауты и посылайте их к нам в лагерь». Для новичков, какими были мы, костёр тоже служил рекламой для лагеря, а для старых лагерников должен был вызывать чувства ностальгии.

ВСТРЕЧА С КОРОЛЕМ

Рассказывает скм Анатолий Жуковский
1920-ые годы Сербия

Скаутом я стал в 1920 году, когда ехал с родителями на пароходе в Салоники. Там был один скаутмастер из Евпатории – Петр Александрович Берников. По прибытии в Салоники он организовал отряд, и я вступил в него. С тех пор как я примкнул к идее скаутизма, я никогда ее не оставлял.

Когда я был начальником отряда в Белграде мы ходили в походы на гору Аваал, в 20 км от Белграда. Вершину горы украшали развалины средневекового замка времен деспота Георгия. Замок был обнесен рвом и окружен легендами о подземных ходах к дальним городам и пр. На этом же холме была могила неизвестному солдату Первой мировой войны.

Мы разбивали палатки под стенами бывшего замка, собирали грибы в ближнем лесочке и готовили на кострах. Жареные грибы с луком сказочно пахли на весь лагерь. Мы называли себя «Рыщари Аваальского замка».

Однажды вечером, перед ужином, я увидел трех офицеров. Они спускались к нам по валу, окружавшему бывший замок. Один офицер, в черной морской форме, хромал. Это был адъютант короля, адмирал Прица, по прозвищу «Хромой». За ним шел король Александр. Они увидели флаг России, который мы всегда поднимали над лагерем. Я скомандовал:

- Лагерь, смирно! Равнение на середину! – и рапортовал королю по-русски:

- Ваше величество, лагерь русских скаутов в Аваале в составе сорока человек. Происшествий нет!

Король держал руку под козырек, потом подошел к костру:

- Чем это вкусно пахнет? – попробовал грибы, кашу.

- Как вы сюда добрались?

- Пешком.

- А палатки?

- Принесли на себе.

Уходя, король приставил руку под козырек, и сказал по-сербски:

- Живите, юнацы! – Мы не знали, что ответит и заорали:

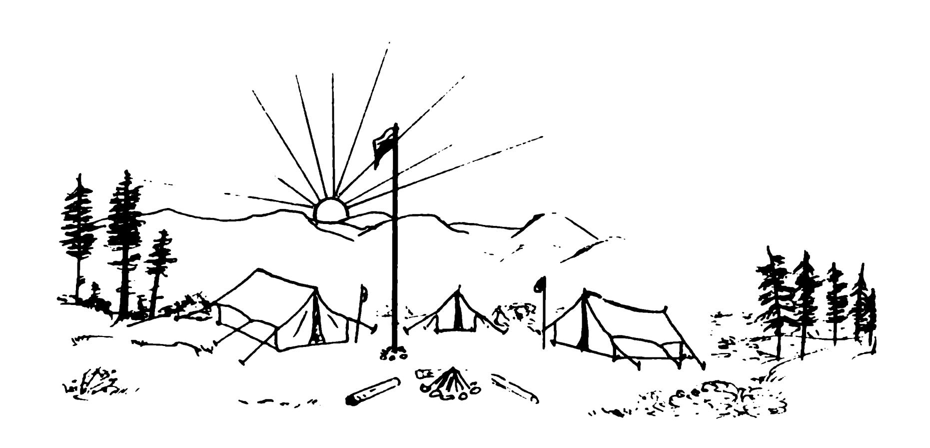
- Урааа!

Через два дня, когда мы укладывались, подкатили военные грузовики. На них мы вернулись в Белград. Король не забыл нас.

Короля Александра мы встречали на улицах, когда возвращались со сборов в форме, и отдавали ему честь. Он махал нам рукой.

Позднее, когда я стал балетмейстером и королевский двор бывал на спектаклях, мы ближе познакомились с королем Александром. У меня хранится кофейная чашка с вензелями королевской гвардии. Из этой чашки он пил с нами кофе. Но памятен король Александр особенно тем, что он, воспитанник пажеского корпуса, много сделал для русских беженцев.

Остатки замка на горе Аваал были снесены по приказу короля и на вершине горы построен большой новый мемориал неизвестному солдату: фигуры в народных костюмах держат на плечах саркофаг. Предание гласило: кто нарушит покой замка – умрет. В год освящения памятника, король Александр был зверски убит красными хорватами в Марселе.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ РУССКИЕ СКАУТЫ

Четверг 10 октября 1929
«Возрождение» №8, Париж

Состоящие под покровительством вел. кн. Александра Михайловича отряды русских скаутов во Франции закончили свою лагерную жизнь, и перешли сейчас на зимнее положение.

В этом году начальником организации полк. Богдановичем были устроены лагеря у Капбретона, у Сюлля сюр Луар, и у Вильяр Кальманса.

В лагерях помещалось около 150 мальчиков, отлично отдохнувших за лето. Самым крупным лагерем был Капбретонский, где два месяца отдыхали более 90 скаутов.

Лагерь пользовался значительной популярностью среди местной русской колонии, и скауты имели возможность не только отлично отдохнуть, но и значительно пополнить свои знания, т.к. в лагере были организованы систематические занятия по разнообразной и умело составленной программе. Лагерь дважды посетил вел. кн. Александр Михайлович с князем Федором Александровичем и княгиней Ириной Павловной.

Гостями лагеря были Ф. И. Шаляпин, проф. ген. Н. Н. Головин, А. О. Гукасов, ген. М. Н. Суворов, проф. Гарднер, д-р Хунцария и ряд представителей французской печати во главе с редактором газеты «Тан».

Кроме того, в лагере гостили два отряда французских скаутов из Парижа, Метца и французские разведчики различных скаутских отрядов.

В лагере читал свои произведения И. С. Шмелев и были организованы лекции проф. ген. Н. Н. Головина о Галицийской битве 1914 года и ген. К. И. Сычева о Царствовании Императора Александра II.

К.

МОЙ ПЕРВЫЙ КОСТЕР

Рассказывает ски Мстислав Коровников
Новый Сад, 1930-ые годы

Меня зовут Акула, не знаю почему, но мне кажется, что я был похож на нее, не внешностью, а своими качествами. Это имя мне дал сам Борис Мартино в первом (русском) лагере в Шуметлице в 1936 году.

Мне было восемь лет, когда я поступил волчонком в югославские скауты в Новом Саду. Я всегда стремился в природу, к другим детям, которые что-то организовывали или просто шалили, а так как я был очень большой шалун, то это меня не задерживало ни на одном месте.

И вот, в один прекрасный денек, я увидел в одном парке каких-то мальчиков. На полянке под вечер на опушке маленького леса я увидел домики из полотна, все защитного цвета, а перед ними флажки. Мальчики были странно одеты, но все одинаково, только двое были несколько иначе. Я сразу не мог определить, чем они отличались. Не то это были их большие шляпы, не то значки разных цветов, а может быть и ленточки и кружки.

Я подошел поближе, не то просто из любопытства, не то что-нибудь натворить – не помню. Я начал рассматривать все, даже залез в один домик, и опомнился только тогда, когда меня ласково окликнул один из этих двух странных людей, которые вблизи оказались гораздо старше мальчиков.

- Како си? – спросил он. Что по-сербски значит: «Как поживаешь?» Но я в этот момент потерял дар слова, подумав: мол, попался! залез в чужой дом, да еще все трогает. В этот момент у меня в руках был маленький, но очень красивый топорик, какой бывает у индейцев.

Он обнял меня одной рукой, сел в кресло, сделанное из палок, и стал со мной разговаривать. После некоторого времени, я уже понял, что эти мальчики были скауты, а он считается начальником нескольких патрулей, (по-нашему - «звенья»).

Под конец он предложил мне остаться на костер, на что я согласился больше из любопытства. Правда, призадумался, ведь должен был быть дома полчаса тому назад. Это заметил начальник, и сразу спросил, где я живу, и разрешили ли мне дома придти сюда. На это я поспешил без запинки солгать, сказав, что живу за углом, и дома знают, что я здесь.

За это мне пришлось поплатиться, приняв 25 горячих по одному месту, на которое не мог два дня садиться, после отцовской ласки.

Однако я бы согласился и на 100 горячих, после того, что я увидел на костре.

Мальчики, а их было 30-35, построились вокруг костра. На каждые семь человек был один с флажком. Около большого пня стоял другой старший и очень строгий, и говорил разные слова. Слово «Смирно!» я понял, потому что «смирно» неоднократно слышал от матери, во время обеда за столом. Но как можно сравнить стол и костер? Этот старший мне с первого взгляда не понравился. Все как-то вытянулись перед ним и отдавали салюты. Затем пропели молитву. Ну, это мне было знакомо, потому что у нас дома все начинается и кончается молитвой, даже, когда отец меня порол, а когда выпорет, то говорил: «Слава Богу!»

Затем все расселись вокруг костра. Мой знакомый посадил меня около себя, и стал мне объяснять для чего костер и почему все собрались. Я даже не слушал его, а смотрел, кто что делает. Один мальчик подошел к костру, и одной спичкой зажег его. Было около восьми часов вечера, и я стал дрожать от холода. Мой знакомый заметил это, и дал мне свою фуфайку, которую имел под рукой.

Когда костер разгорелся, от него повеяло теплом и стало уютней. Тут все начали что-то петь. Пели по-сербски, о скаутах, о природе, о луне, а потом стали петь и солдатские песни. Были и выступления – точки (по-сербски «тачки»). Мой знакомый спросил меня, что я могу показать или рассказать. Я смутился, и сказал, что я только пою. Это так, у меня выскочило, но все за это ухватились и заставили меня спеть. Я им и спел –

«Слети к нам тихий вечер», и даже не заметил, что все так внимательно слушали меня, что мне никто не мешал, а может быть под настроением природы, костра, и моей песни, что когда я кончил, все повскакали, подхватили меня, и стали качать. Наконец меня, растрепанного, с вылезшей из штанов рубашкой, спас и посадил к себе на колено старший, где я и остался до конца костра.

Я помню как сейчас, на душе у меня было какое-то чувство, которое я запомнил на всю жизнь. Я думаю, кто это пережил, может меня понять.

Кончив костер, все встали, повернулись в одну сторону и спели молитву. Начальник мне передал записочку с адресом, и сказал, что если мне хочется стать таким же, скаутом, как и эти мальчики, то мне надо придти в назначенное время по указанному адресу, и он примет меня в организацию.

Не помню, что я ему ответил, только знаю, что полетел домой поделиться радостью. По дороге чуть не попал под автомобиль, испугал какую-то лошадь, какие-то собаки гнались за мной, и когда я добрался (через забор) до дому, то меня встретили 25 горячих и оставили без сладкого.

Лишь одна моя матушка, выслушав меня, поняла, и в награду за 25 горячих отвела меня по адресу указанному в записке. И вот я стал волчонком, а потом и скаутом. И всегда, когда я у костра, я вспоминаю этот мой первый костер.

- Каша все та же, подгоревшая, но я объявил состязание на «лучшего едока лагеря».

СТАРЫЙ ВОЛК ВСПОМИНАЕТ

Рассказывает
ст. скм Борис Мартино
Югославия, 1930-ые годы

Сперва я стал югославским скаутом. Скоро собрал свое собственное звено «Ласточка». Нас было трое русских в звене. Кроме меня – еще два Славы. Один – незабвенный Слава Пелипец, «Старый Бук», преждевременно скончавшийся в 1946 году. Другой – Слава Полчанинов. Мы тогда ничего не знали о русских скаутах. Однажды, в марте 1931 года, в югославском журнале «Новый Скаут» мы прочли заметку начальника русских одиночных скаутов в Югославии. Он предлагал переписываться с русскими мальчиками в югославской скаутской организации. Немедленно было написано письмо, и через неделю нетерпеливого ожидания был получен пакет – письма, «книгомонтажи», журналы...

Мы стали русскими одиночками. Возникло одиночное звено – «Волк» (по нему и мое лесное имя). Больше года мы существовали, так и не увидав ни одного русского скаута. Не знали, как живут русские разведчики, какие песни поют, сами старательно переделывали для себя песни и обычаи югославских скаутов.

Ой, как трудно было изображать русских скаутов, основываясь только на двух книжках, на письмах и на собственном воображении!

Но нельзя было срамиться перед взрослыми, которые заметили, что мальчишки начали что-то свое. Мы тянулись из всех

сил. Наша фантазия напряженно работала. Это была настоящая разведка – мы сами искали новых путей.

На следующий год был национальный лагерь – слет югославских скаутов. На нем мы должны были встретиться с русскими скаутами из Белграда. С большим волнением ехали мы в лагерь. Ехали с югославскими скаутами, которые удивлялись, что мы вдруг в какой-то иной форме.

Уже в дороге, когда мы пересели в поезд на широкой колее, каким-то чутьем мы почуяли, что в соседнем вагоне есть русские скауты. На вокзале, после выгрузки, мы нерешительно подошли к ним. Я сказал руководителю – скм Светову:

- Вот, и мы приехали!- Светов нам дружески пожал руки. Среди его скаутов, одетых очень скромно, послышалось:

- Они одеты с иголочки, - (это про нас).

Я не ожидал, конечно, какой сюрприз сделает мне Светов. Он поручил мне нести знамя русской группы! Незабываемой гордостью сжималось мое сердце, когда я впереди отряда нес бело-сине-красное знамя по улицам чужого города…

Прошло семь лет. Я был уже одним из ведущих руководителей Югославского отдела и объезжал летние лагеря. Из лесного лагеря в диких горах мы с еще одним руководителем отправились на море. Вчера еще мы с грустью уходили от костра Корниловского отряда в темный лес, а гармошка моего друга наигрывала: «Будь готов!..» Сегодня перед нами безбрежная синева Адриатического моря и горы, покрытые маслинами, виноградниками и камнем. А лагеря – нет. Что такое?

Мы приехали до того, как лагерь начался. Это должен был быть лагерь Кутузовского отряда из Цетинье – главного города Черногории, лежавшего где-то вот, за этими горами…

Скверное дело… Палатки нет, одеял – нет. Днем печет солнце (купаться натощак совсем не так весело), ночью кусают комары. Мы уже к самому костру ложимся, хоть и не холодно. Лежим день. Лежим второй. Мрачно острим, что найдут когда-нибудь здесь наши останки. Море не шелохнется. Солнце печет. Где-то гудит мотор грузовика.

Он спускается по бесконечным серпантином горы. Вдруг – что это такое? Над грузовиком вьется, бьется по ветру русский флаг. Мы вскакиваем. Грузовик – все ближе. Он полон ребят в форме. С него несутся песни. Мы бежим навстречу. Машем пилотками, платками.

- Урррa! Урррa! – кричим мы. – Ура русскому флагу на чужбине! Ура русским ребятам, его крепко и высоко держащим!

НАШ ПЕРВЫЙ ЛАГЕРЬ

Рассказывает скм
Ростислав Полчанинов
Сараево, 1936

Речь идет о первом лагере, которым мы руководили. Мы, это Боря Мартино - мой друг детства и я.

Дело было в 1936 году в Сараеве. Боре было 19 лет, а мне 17 с половиной. Боря был начальником отряда русских скаутов-разведчиков. Отряд был небольшой, а желающих поехать в лагерь было всего шесть человек.

У нас было два солдатских австрийских ромбовидных полотнища времен первой мировой войны, для одной палатки-пирамиды на двух человек. Для других мы сшили две палатки-домики.

Год до этого я окончил курс для руководителей, а Боря годом раньше, но ни он, ни я опыта руководства лагерем не имели. Вот мы и решили попробовать.

Боря знал поляну в лесу, около ручья, где в 1926 году был проведен югославский курс для руководителей. Значит и мы могли бы там расположиться лагерем, но чтобы попасть на это место, надо было проехать поездом 26 км и потом идти пешком 10 км в гору.

Мы поехали туда посмотреть и договориться с крестьянами в ближайшей деревне о доставке хлеба и молока. С нами поехал и Малик Мулич, боснийский мусульманин, который записался в русские скауты, чтобы выучиться русскому языку.

Чтобы определить ближайшие избы, мы дошли до самой поляны, а на обратном пути стали внимательно смотреть кругом. Первая тропинка вправо вела к двум избушкам. На стропилах спереди и сзади были прибиты «копья» - небольшие заостренные палки – знак, что тут живут мусульмане. Мы постучались в первую избушку. Хозяин спросил:

- Кто там?

Мы вошли и поздоровались. Около огнища с треногой и подвязанным к нему котлом сидел старик. Изба была курной. От пояса и выше стоял едкий дым. Старик сказал:

- Буйрум!- («пожалуйста» по-турецки) и показал рукой, чтобы мы сели на землю около него.

Я объяснил, что собираемся здесь недалеко провести шесть дней в палатках, и что нас будет шесть человек. Мы договорились, что он будет нам приносить каждое утро свежий хлеб и молоко.

В русском лагере мы, конечно, должны были поднимать только наш русский трехцветный флаг, но купить можно было только югославские флаги – сине-бело-красные. Нам бы подошел сербский флаг – красно-сине-белый, но в 1929 г., чтобы прекратить межплеменные розни, сербские, хорватские и словенские флаги были запрещены, и мне и Боре пришлось идти в магазин, чтобы купить три полосы ткани, и потом сшить наш русский флаг.

Мы попросили отрезать нам синюю, белую и красную полосы, и сложили их по-русски в бело-сине-красном порядке. Продавщица с другой стороны прилавка увидела сербский флаг – красно-сине-белый, улыбнулась нам и дала хорошую скидку. Она была сербкой и решила, что мы тоже сербы, и что будем шить запрещенный сербский флаг. Мы ей тоже улыбнулись, поблагодарили и ушли с покупкой.

Наконец флаг и палатки были сшиты, продукты куплены, и мы разделили два котла, палатки и продукты на три части. Все это предстояло нам вшестером нести на руках всю дорогу в гору.

Рано утром мы собрались у Бори. Взяли поклажу, и трамваем доехали до станции. К обеду мы уже были на месте. Отдохнули, пообедали тем, что взяли с собой, и разделились на три группы. Двое ставили палатки, двое копали «Голливуд», а мы с Жоржем Богатыревым занялись кухней. «Голливудом» мы называли уборную. Не знаю кто, когда и почему так назвал отхожее место, но в 1931 году, в нашем первом скаутском лагере это название уже имело долголетнюю традицию. Я имею

в виду югославских скаутов. От них мы взяли это название, и теперь в лагерях ОРЮР в России и в Зарубежье уборные в лагерях только так и называются. Интересно, сохранилось ли это название у нынешних югославских скаутов?

Как только «Голливуд» был готов, Боря, как начальник лагеря, устроил торжественное открытие. Вместо туалетной бумаги в ту пору водилась только газетная. Так вот, вход в «Голливуд» был прегражден веревкой, унизанной кусочками газеты. Боря обратился к нам с речью, и торжественно перерезал веревку.

Закончив «Голливуд», кухню и палатки, мы взялись за постройку кроватей. Из толстых веток делались ножки и рама, и на нее густо набивались тонкие ветки. Все это покрывалось мягкими еловыми ветками, простынями и одеялами. Двое самых молодых решили прибить поменьше поперечных веток, но за то брать потолще. Утром, по ним можно было определить, с каким промежутком были уложены поперечные ветки. Такой тип кровати тут же получил название «зебра». Спавшим на «зебрах» пришлось, конечно, переделывать свои кровати.

К ужину Жорж Богатырев и я решили приготовить манную кашу. Мама мне дала рецепт, но опыта у нас с Жоржем не было, и вместо каши получился суп. Главное, что лагерь не остался без ужина.

После ужина мы собрались у костра. Боря говорил нам о разведческой службе Богу, родине и ближним. Хотя из нас только Боря и я родились в России, но разведчики знали о какой родине идет речь.

Все мы любили петь, хотя ни голосами, ни слухом не блистали. Пели мы русские и боснийские песни и ставили «точки» по-русски и по-сербски. У этого первого костра я спел экспромтом песню про нашу «Кашу», которую тут же и сочинил:

«Есть много кушаний хороших,
Есть много сладеньких конфет,
Но лишь по каше сердце бьется,
Ведь лучше каши блюда нет…

Каша, тебя хвалим мы поедая.
Каша, как хорошо на свете жить!
Каша, как хорошо, что ты такая.
Спасибо, каша, что ты умеешь так кормить!

Песня была на мотив популярной тогда советской песни «Как много девушек хороших».

Так закончился первый день в нашем первом русском лагере.

На следующий день, рано утром пришел, крестьянин и принес хлеб и молоко. Я заплатил не торгуясь. С Жоржем мы сразу же затопили нашу «печь» - ровик, с невысокой «трубой» в конце.

Хлеб, который принес крестьянин, был непривычным для нас. Это была большая, крутая и кисловатая лепешка, именуемая «погача», сделанная на закваске.

На второй день мы поставили мачту, подняли русский флаг, и потом все время любовались им. Как только флаг был поднят, Боря объявил открытие лагеря, и сказал, что в разведческом лагере, как на военном корабле, должна быть идеальная чистота.

В программу дня входили занятия по второму разряду, сбор хвороста для кухни и костра, строительство «патентов» (всякого рода вешалки), спортивные состязания и лесные игры.

Ворота строили не спеша, и закончили только на четвертый день. Через два дня мы их разобрали и сложили штабелем, а мачту срубили, и каждый лагерник взял по кусочку себе на память.

Лагерные костры устраивались каждый вечер. У костров мы говорили, пели, читали на память стихи и даже играли.

На третий день рано утром, снова появился крестьянин с хлебом и молоком. Я ему отсчитал ту же сумму денег, что и в прошлый раз, но он за «погачу» потребовал больше. Я ему ответил, что «погача» такой же величины, как и прошлая, но он заявил, что на этот раз она тяжелее, и если я ему не верю, то

ему моих денег не надо. Он бросил мне деньги под ноги, повернулся и сказал, что мы его здесь больше не увидим.

Положение стало трагичным. Где нам взять в этой глуши хлеб и молоко? Я позвал Малика, чтобы он спасал положение. Малик бросился вдогонку за крестьянином.

- Мерхаба, эфенди - («здравствуйте, господин» по-турецки), сказал Малик, поравнявшись с ним. – Не обращай внимания на этого мальчишку! Скажи сколько надо. Я сразу заплачу и все мы будем тебе «максуз рахмат» (очень благодарны).

Живя в Боснии, мы знали много турецких слов, но ими не пользовались. Малик же вырос в маленьком городке в мусульманской семьей и говорил так, как говорят боснийские мусульмане в захолустье. Крестьянин это сразу заметил и спросил его:

- Правоверный?

- Да, – ответил Малик.

- Так почему у тебя голые колени?

- Такая форма,- ответил Малик.

- Аскер (солдат)?

Малик объяснил, что мы не «аскеры», но что-то вроде, и получили приказ пробыть неделю в лесу. Старику стало жаль нас. Он взял у Малика деньги, но предупредил, что хочет иметь дело только с ним, и чтобы я ему больше не показывался на глаза.

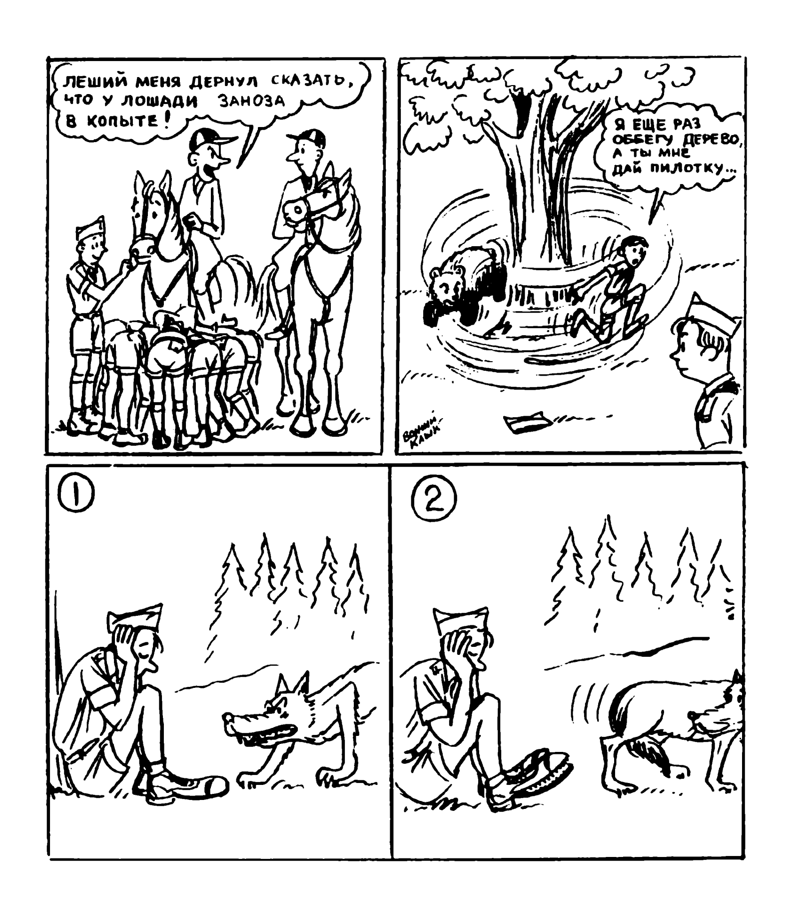
Весь этот «диван» (беседа) Малик изобразил в лицах вечером у костра. При чем тут «голые колени» Малик так и не понял. Он жил в городе, где люди забыли, что у правоверных мусульман носить короткие штаны считается непристойным. В диких лесах Боснии и Герцеговины это правило строго соблюдалось.

Об этом лагере, с шестью лагерниками прожившими в лесу только шесть дней, можно было бы и не вспоминать, если бы он не был тем русским лагерем где зародились и наши традиции и наш жаргон. Здесь впервые уборная была названа «Голливудом», всякие вешалки – «патентами», выступления у костра – «точками», где впервые стали рубить мачту и брать ку-

сочки на память и где впервые было дано по-русски лагерное обещание – «в будущем году снова в лагерь».

Все это было нами заимствовано от югославских БКС курсов для руководителей. Но само их имя – БКС – Будем как солнце! и многое другое, было русского происхождения, так как их основателем был русский руководитель Максим Владимирович Агапов-Таганский.

Маленький лагерь Сараевского отряда в 1936 году положил начало не только некоторым лагерным традициям и разведческому жаргону, но и БКС курсам в организации русских скаутов-разведчиков.

ЛАГЕРЯ ТЯНЬЦЗИНСКОЙ ДРУЖИНЫ

Рассказывает скм Олег Левицкий
Тяньцзин 1935-1938 гг

Большинство русских в Китае жили в английской концессии. Власти относились к нам хорошо. В Тяньцзине, в северном Китае, была большая и активная дружина НОРС. С 1935 года и по 1938 устраивали летние лагеря на целый месяц.

Правительство давало в наше распоряжение пассажирский вагон, в который набивалось около 60 мальчиков и все вещи, нужные для лагеря, и мы ехали до станции Пейтахо. Вагон загоняли на запасной путь, и там он стоял до нашего возвращения. Мы грузили вещи на арбы, а сами шли пешком до лагерного места. Это было километров 8 – 10.

Место, отведенное для лагеря, принадлежало Пекинской духовной миссии. В Пейтахо была дача для отдыха духовенства. В миссии было несколько церквей. Одна из них была посвящена 222 мученикам, погибших во время боксерского восстания. В склепе этой церкви был похоронен Владыка Симон.

В 1935 году мы прибыли в лагерь к 250-летию миссии и всю ночь несли у гробницы в склепе караул. Нам было невероятно страшно, и караул этот был настоящим испытанием храбрости. Теперь я смеюсь над этим – чего мы боялись – мы сами не знали.

Но вернемся к лагерю. Итак, наш лагерь был расположен на большом плоском мысе, выходившем в море. Разбив лагерь, мы проводили программу по всем правилам.

Бедные мы тогда были. Своего у нас ничего не было. Американцы подарили нам палатки еще 1-ой мировой войны. Они были старые, нитки пропрели, и палатки текли. Только одна палатка была хорошая. Канадская. Большая, круглая. Мы ее так и называли «канадка». В нее мы и набивались во время дождей, а дожди шли часто.

На даче была прекрасно оборудованная кухня и отличный повар-китаец. Он нам готовил еду, а дежурное звено ходило

за едой и в специальной посуде, на коромыслах, приносило еду в лагерь. На это уходило минут 15. Однажды дежурное звено «Лисица» оставило всех без котлет! По дороге в лагерь пять «лисиц» съели 75 котлет! Однако, «разведчик – весел», и дело кончилось гомерическим хохотом.

Девочки с нами были только один год, и они жили в палатках, в саду дачи. Мы с ними не общались. У них была своя программа.

Какая почва была на лагерном месте, спрашиваешь? Была ли трава? После нас – никакой травы не было!

Вокруг нашего места были огороды, но у нас был доступ к морю и мы все свободное от занятий время проводили на берегу. Там был замечательный пляж – песок.

Для мытья и питья воду привозили в лагерь в бочках.

Почту нам привозили один раз в день на ослике с бубенцами. Бубенцы были слышны издали, и все лагерники сбегались встречать осла, которого китаец-поводырь приводил в самый лагерь. Родители беспокоились о своих детях и писали часто.

Как-то раз мы с другим вожаком решили проверить дежурных и напасть на наш лагерь. Ночь была темная, ни зги не видно. Дежурный сидел у себя в палатке, так что прокрасться в лагерь было не трудно. Мы добрались до патента, на котором стояла посуда и давай греметь тарелками. Дежурный выскочил. Поднял тревогу. Мы пустились бежать. Побежали на пляж и притаились за скалой.

Ребята разбежались по всему лагерю в поисках «воров». Они нас не видели, и мы их не видели, зато хорошо слышали.

- У меня дробовик есть! – слышим грозный голос. – Я его сейчас принесу, и пальнем несколько раз. Прямо в темноту!

Мы испугались. Дробовик в темноте – мало ли куда попадет! Решили бежать. Скала, около которой мы прятались, выходила в море. Мы решили ее обойти. Вода была довольно глубокая – по грудь. Но мы это место хорошо знали, и держась за скалу, обошли ее, и вышли на песчаный берег, с другой стороны от нашего лагеря.

В лагере царила полная суматоха. Горел костер, и мальчики врассыпную искали воров, хотя признались, что ничего не было взято и все было на месте.

Мы рассмеялись и стали уверять их, что это мы наделали столько шуму, но нам никто не поверил.

- Да мы же вас видели! Это не вы! – уверяли нас.

На следующий день кто-то сообщил об этом в газету, там и напечатали, что воры сделали налет на скаутский лагерь, но ничего не успели взять, потому что дежурные были начеку.

Весело было. Но бывали и срывы. Один год у нас был руководителем учитель, который понятия не имел о скаутинге. Мы, конечно, болтались и почти все наши занятия проводили на пляже.

А дежурное звено придумало - посуду мыть в море. Они тащили все на пляж, а потом часа два «купали» посуду и заодно сами купались. Перед едой, правда, приходилось посуду споласкивать питьевой водой, а то уж очень солоно было.

Но это только один лагерь был таким неудачным.

Был один трагичный случай. В 37-ом году Япония стала нападать на Китай. В лагере началась паника, и один тринадцатилетний мальчик, до сих пор помню его фамилию – Харламов – испугался и решил отправиться домой. Он ушел из лагеря без спросу. Денег у него не было, и он решил поехать на поезде «зайцем». Забрался на поезд и встал на платформе сцепления, между вагонами. Поезд тронулся, он потерял равновесие, сорвался – и погиб!

Хорошие лагеря были! Жаль, что пришлось прекратить. Назревала война, опасно было устраивать лагерь на берегу моря, «напротив» Японии, да и власти запретили. Надо было строить военные укрепления, а не лагеря для подростков. Но то, что было и 70 лет спустя, вспоминается с удовольствием.

Рассказывает
инс Георгий Моисеев
Бавария, 1947

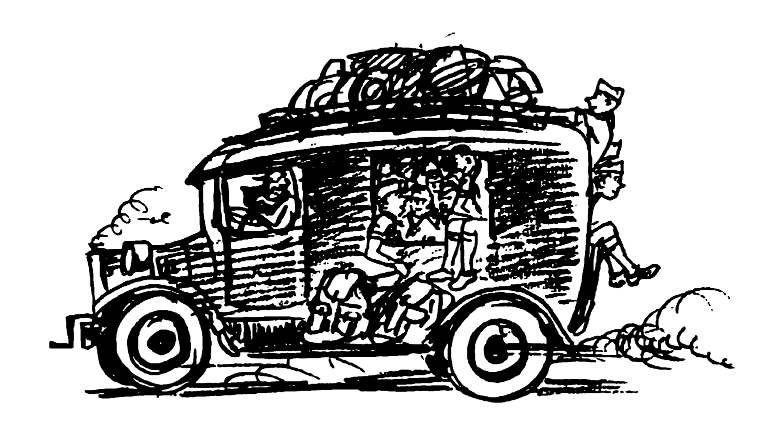
- ***П***риготовиться к отъезду на завтра в 6 часов утра, - гласит приказ всем уезжающим на Интернациональное джембори в Миттенвальд.

Встаем в 5 часов, чтобы не опоздать. Идем к месту сбора. Постепенно подходят другие. Все тащат туго упакованные ранцы. Настроение у всех веселое и радостное.

Лучи восходящего солнца освещают довольно большую группу разведчиков и разведчиц, ожидающих машину. Скм Лева Гижицкий, вернее «Гиж», мечется как угорелый. Машина опаздывает. Позвонили в гараж – оказывается, машина уже выехала. Ждем. Солнце начинает припекать.

Наконец в 10 часов машина появляется. Машина, конечно, громкое название: это закрытый ящик с двумя боковыми окнами, очень маленький и страшно неудобный для перевоза большого количества людей. В первую очередь грузим вещи, продукты, инвентарь. Потом грузятся разведчицы, сколько влезет. Если сбоку посмотреть, картина получается забавная: висящие по бокам ранцы, узелки, тюки, торчащие из окон ноги, руки, головы и неописуемый шум и гам. Меня чуть ли не посадили вместе с девушками, но перед самым отъездом постановили, что сначала едут разведчицы со своей начальницей, а мы разведчики и витязи поедем вторым рейсом. Рассчитываем, что машина вернется к трем часам, и расходимся по домам.

Однако мы ошиблись. В три снова сбор, но никого и ничего нет. Гиж упорно пробует звонить в гараж, но гараж упорно молчит.

Наступил вечер. Узнаем: машина потерпела аварию и где-то чинится. Разведчики мюнхенской дружины, приехавшие в наш лагерь ди-пи, расположились на ночевку в штаб-квартире. Из «Варенхауза» (склада) удалось получить макароны, и витязи сварили суп.

На следующий день в 3 часа появилась, наконец, знакомая «чертопхайка», как мы прозвали этот грузовичок. Пыхтя, треща, и громыхая крыльями она въехала во двор. Быстро погрузились и поехали. Через окна видны желтеющие нивы, синеют баварские горизонты. Ребята с любопытством смотрят по сторонам. По дороге начинаем петь. Проезжая через города, стараемся петь особенно громко. Нам очень нравится, когда немцы смотрят на нас с удивлением

Уже издали, видим, что погода в горах плохая. Низко нависшие тучи и изредка падающие капельки, не предвещают ничего хорошего.

Подъезжаем к лагерю. Серо, сыро и неприветливо. Дымят костры отдельных групп. Везде шныряют немецкие пфадфиндеры (разведчики). Нас дружно встречают приехавшие раньше разведчики и разведчицы. Нагруженные как ослы тащим наше барахло на место русского лагеря. По дороге встречаем только что приехавших американских скаутов. Такого шума и гама, как у них, мы еще никогда не видели.

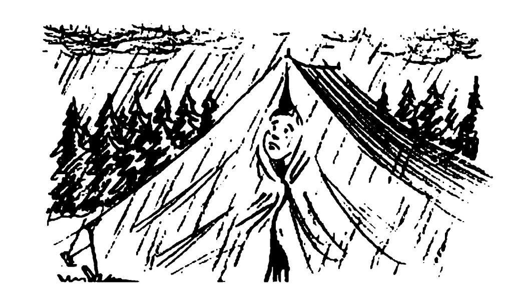
Прибыв в лагерь, спешим устроиться на ночь. Лагерем русской делегации «командует» скм Сережа Тарасов. Малень-

кий, юркий, отличный организатор и опытный руководитель, он в два счета распорядился, что надо сделать. Уже совсем в темноте получаем ужин и укладываемся спать.

Дежурит звено «Суслик». Слышно как в соседней палатке хихикают ребята. Дежурный им делает предупреждение. Через пять минут дружный громкий храп свидетельствует о том, что выговор помог. Ничем не прерываемая тишина царит в лагере русской делегации. Недалеко от нас шумит река Изар. На небе сияет молодой месяц. Тучи ушли. Погода, кажется, поправляется…

Весь следующий день проходит в постройке лагеря. Все вычищено, убрано, уложено, размещено.

Прибывают все новые и новые группы. Появляются украинцы и венгры. Команды – как на подбор. Все рослые, одинаково одеты. Дисциплинированы, как машины.

С ночи опять начало лить. Дождь барабанит крупными каплями по крышам палаток, протекает сквозь дырочки и щели в наши жилища – мочит белье, ботинки, продукты…

Воскресенье – день открытия лагеря. Дождь как будто перестал. Пользуемся случаем и бежим в Лютензее, русский ди-пи лагерь в горах, чтобы попасть в церковь, но приходим почти к концу службы. Мокрые возвращаемся в лагерь.

В 3 часа подъем флага в центральном лагере. Строимся по звеньям. С флагом и звеновыми флажками отправляемся на указанное место. Везде много фото- и кинооператоров. После поднятия флага и приветственных речей, отправляемся к себе. Опять дождь. В палатках никто не шумит. Под монотонный шум дождя приятно и быстро засыпаем.

В понедельник разведческий бег. Утром все команды собираются на большой площадке. Выбираем два звена по пять человек. Сережа идет на место, где будут принимать законы. От каждой национальности есть судьи. С напряжением следим за нашими ребятами и с волнением ожидаем их появления, когда они скрываются из вида. Неточное понимание немецкого языка осложняет бег. Судьи, в большинстве, немцы.

До окончания бега участникам запрещено разговаривать. Ребята садятся в тени, и знаками и перепиской делятся впечатлениями. Рожи у них кислые – много минусов.

Узнаю подробности: костер зажигали не одной, а несколькими спичками, неправильно наложили перевязки, бежали через мост и т.д. Чувствую, как у меня вытягивается физиономия.

К обеду мы все в лагере. Сережа сидит в судейской палатке и с другими судьями разбирается в результатах бега. После обеда узнаем результаты: наши команды на 8-м и 9-м местах. Первые – венгры, вторые – украинцы. Наши ребята вешают носы – здорово неприятно.

В лагерь прибывают посетители. Среди них много высокопоставленных лиц. Чистым баварским диалектом объясняем кто мы, и каковы наши цели. Слушают внимательно. Всех поражают порядок и чистота в лагере. Признают откровенно, что наш лагерь самый красивый и самый опрятный. Быстрые построения, громкие и отчетливые команды приводят военные натуры немцев в восторг.

В среду – день Св. Владимира. Священник приезжает точно в 10 часов в женский лагерь. Девушки устроили маленький аналой. Будет молебен, а потом будет освящено новое знамя женского отряда. Строимся в каре. Под трехцветным флагом, трепещущим в золотых лучах альпийского солнца, четко и внятно звучат проникновенные слова православного молебна:

- «Еще молимся о страждущей Родине нашей и о всем народе русском».

- «Господи, помилуй», - поем хором…

Вечером у нас костер. Приходят приглашенные американцы. Свое знамя ставят возле нашего. Немцев набивается столько, что не хватает мест. Украинские девушки усаживаются среди наших разведчиц. Сережа руководит всем костром. Американцы поют "Old Mac Donald had a farm". Но с нашими ребятами что-то неладно: поют отвратительно.

Вдруг по громкоговорителю слышим предупреждение из штаба лагерей, чтобы все лагеря себя хорошо охраняли, т.к., кто-то напал на центральный склад продовольствия. Усиливаем посты. Ложимся спать в приподнятом настроении. Вдруг ночью включаются громкоговорители:

- «Тревога во всем лагере»!

Наши срываются как ошалелые. Подгоняем ребят трубой. Даем такую тревогу, настоящую русскую пехотную тревогу, что эхо прокатилось по всем лагерям. Готовое звено отправляется бегом в штаб, чтобы узнать, в чем дело, не нужна ли помощь. Остальные расставлены по местам. Флаг и флажки под особой охраной. Через 10 минут наши возвращаются. Они были единственными прибывшими в штаб. Больше никто не догадался этого сделать. Немцы усиленно жгут костры, будто, сидя у костра лучше видно, что творится в лагере и за палатками. У нас тишина и темнота. Часовых еле видно. Проверяем с Сережей посты и идем спать. Остальная часть ночи проходит спокойно.

В четверг все участники джембори отправляются в Миттенвальд проводить костер в городе для местного населения. На указанном месте садимся на землю. Нам дано для выступления 20 минут. Наши солисты надевают костюмы. Сперва смотрим выступления немцев, а в перерывах Сережа дает последние указания. После немецкого пения украинцы пляшут «Катерину» и «гуцульский» танец. Выглядит живописно и красиво, но поют что-то незнакомое, и мало мелодичное. У наших ребят внезапно появилось желание, во что бы то ни стало, выступить лучше всех. Наконец – наша очередь. Выбегаем гуськом на середину. Сережа берет аккордеон. Первым номе-

ром – русский боярский танец «Барыня». Алла Качанская словно выплыла на середину площадки.

Она одета в красивый, богато вышитый сарафан и кокошник. Хорошо исполненный танец, полные грациий движения сделали свое: гром аплодисментов, затрещал аппарат кинорепортера.

Поем «В 93-ем годе» - задор и увлечение видны на всех лицах. В публике полный восторг казачья песня! Еще бы не понравилась!

Затем – «Эй, ухнем». Начинаем тихонько, мычанием. Постепенно усиливаем. Сильней, сильней! Как раскат грома прозвучала наша песня среди скал. А потом утихла. Немцы пораскрывали рты, - слушают. Затем тишину нарушают разразившиеся рукоплескания.

Объявляется «Лезгинка» - танец с кинжалами. Площадка наполнилась репортерами. Танцует разведчик Алеша Перенишко. Под бешеные звуки лезгинки выбегает Алеша.. На нем красная черкеска, черный бешмет, небольшая темно-коричневая кубанка. Алеша – настоящий джигит: стройный, худощавый, легкий. Кульминационным моментом было выбрасывание ножей изо рта. Так как земля была твердой, пришлось подложить доску. И тут нам судьба помогла – все ножи воткнулись. Колоссальный успех! Кто кричал, кто свистел, кто хлопал в ладоши.

По команде мы встали и вернулись на свои места. Хочется смеяться во всю глотку: всех за пояс заткнули! Уходим опять последними. Стоящие на тротуарах немцы провожают нас восторженными взглядами…

ИЗ МАРОККАНСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ

Рассказывает ски Людмила Флам
Бывшая начальница марокканской
дружины ОРЮР. Марокко 1949

Мальчик «Сёма».

1949 год. Марокко. Глухой лес километрах в 40 от Касабланки, пробковые дубы и высокая скала, у подножья которой, на небольшой полянке, расположился первый летний лагерь нашей марокканской дружины. Тут же, на протяжении нескольких лет проводились и последующие лагеря.

Это место имело редкое для Северной Африки преимущество: совсем близко от лагеря был родник. Вода его была чистой, питьевой. Кроме того, она наполняла небольшой квадратный бассейн, слишком мелкий, чтобы плавать, но в нем хорошо было плескаться, охлаждаться и мыться. Правда, не мы одни пользовались этим бассейном и не для нас он был сооружен: сюда на своих осликах или велосипеде приезжали за питьевой водой арабы из разбросанных в тех краях поселений. Кажется, наше присутствие им не мешало. Ослики их пили из бассейна, арабы набирали воду в свои кожаные меха прямо из родника. Если мы были рядом, то обменивались краткими приветствиями: «Ля бес?» –«Ля бес.» Потом они уходили, араб сидя на осле, жена (или жены), вслед за ним пешком, с подвязанным за спиной младенцем, а иногда и поклажей на голове. Одна беда: если кто-то из нас что-либо оставлял у бассейна, то этих вещей уже было не найти, они уходили вместе с питьевой водой.

Был у нас мальчик лет двенадцати, назовем его Сёмой. Не будем называть его настоящим именем, чтобы не смущать, вдруг он прочтет эту книжку? Он был ужасный растерёха. Как мы за ним ни смотрели, он всякий раз после мытья умудрялся

что-то оставить у бассейна – то зубную щетку, то мыло, то полотенце или майку, даже свою форменную скаутскую рубашку. К концу двухнедельного лагеря «Сёма» остался в одних трусах. Когда за детьми приехала машина, чтобы увезти их в Касабланку, мы завернули его в одеяло и в таком виде сдали в городе на руки родителям.

Может быть, будучи взрослым, он стал адвокатом или хирургом, никогда не потерял ни одной важной бумаги, никогда не зашил в животе пациента ни одного забытого инструмента. Ведь всякое бывает...

Хлебная машина.

Сегодня трудно себе представить, насколько примитивны были условия, в которых мы проводили наши летние лагеря. Благодаря одной русской строительной фирме, мы имели возможность доставить бесплатно на грузовике самих себя (руководителей), палатки и всё лагерное оборудование.

Потом грузовик уезжал, а мы, оставшись в лесу, должны были успеть до темноты разбить палатки, выкопать ямы для уборных и приготовиться к прибытию той же машиной первой смены лагерников – волчат и белочек. Если мы чего-то недосчитывались – веревки или гвоздика, приходилось всячески изощряться; собственного транспорта у нас не было, не было телефона, не было радио...

Запасы провизии тоже были заготовлены заранее, в основном, каши, крупы да картофель. Два раза в неделю кто-то из взрослых топал по африканской жаре шесть километров до ближайшего городка, там закупал свежих овощей и винограда, сколько влезало в рюкзак, и топал те же шесть километров назад.

На второй год – удача! Один из родителей, пользуясь фирменной машиной, обязался раз в неделю, по средам, привозить нам свежий хлеб. Но вот подходит вторая среда, хлеб наш кончился, а машины нет. На следующий день была моя очередь отправляться за овощами и виноградом. К этому нужно было добавить и хлеб, ведь не известно, из-за чего произошла задержка с его доставкой.

А пока я шествовала туда и сюда, в лагере произошло вот что: двое мальчиков то ли слишком расшалились, то ли подрались (подробности история умалчивает), но в результате один из них, Саша, упал и рассек себе об камень лоб. Да так, что кровь–ручьем. Надо было спешно остановить кровь, и ясно, что требовалось наложить швы, а ведь доставить мальчика в город не на чем! Пока наша старшая руководительница возилась с холодными примочками и бинтами, стараясь оказать первую помощь и сообразить, что делать дальше в этом опасном положении, подъезжает машина с хлебом!

К тому времени, когда я подошла с моим грузом, ни Саши, ни хлебной машины в лагере не было. Сашу, в лежачем положении, доставили в Касабланку, где врач наложил ему швы, сделал прививку от столбняка и оказал всяческую срочную помощь. Много лет спустя, я встретилась с Сашей в Калифорнии. На лбу над глазом у него белел шрам, примерно в

три-четыре дюйма. Он делал Сашу даже интересным, но глядя на этот шрам, у меня вновь пробежали по спине мурашки, при мысли, что могло бы быть, если бы ни запоздалый приезд хлебной машины.

Не помню сейчас, что именно помешало прислать машину, когда ей полагалось быть – то ли шина лопнула, то ли дела задержали, только не удивлюсь, если кто-то Свыше решил повременить, чтобы спасти ребенка.

Так выглядела дорога, по которой нужно было ходить за хлебом. Слева Людмила Флам.

Кобра

Многие из русских мужчин, вне зависимости от их прежних профессий, приехали после войны в Марокко в качестве спешно подучившихся этому делу землемеров. На работы их посылали в отдаленные места, куда-то в преддверье пустыни Сахары, где условия были нелегкие – жара, скорпионы, змеи. К семьям своим в Касабланку они приезжали нечасто. Одна из таких побывок пришлась на время летнего лагеря ОРЮР, где кухней заведовала жена художника (он же землемер) Ася Сорокина. Во избежание возможных краж, весь лагерный провиант хранился в ее палатке. Туда же мы устроили и прибыв-

шего к ней мужа.

Вечером был костер. После отбоя, когда ребята улеглись, мы, несколько руководителей, вернулись к догоравшему костру, подбросили веток, болтали, смеялись, проголодались. Чего бы перекусить? Сообразили, что картошка в Асиной палатке свалена с самого края. Можно, не мешая ей и мужу, подлезть рукой под полог палатки, вытащить несколько картошек, запечь их в золе... вот и закусим.

Один из «руков» вызвался совершить деликатную операцию по похищению картофеля. Он ушел в темноту, а мы ждем. Вдруг из лагеря раздался ужасающий, пронзительный, крик. Оказалось, Сорокин, услышав шорох, схватил фонарик, а в луче его обозначилась, ни дать ни взять, форма головы и туловища живой кобры! Он в ужасе завопил, а рука, нашаривающая картошку, вместе с ее обладателем, обратилась в бегство. Сон супружеской пары был грубо нарушен, ну а мы... мы, смущенные и голодные, разошлись по палаткам.

Что может быть вкуснее запеченной в золе, под открытым небом, картошки? Даже без масла и соли. Только не досталась она нам тогда.

РУССКИЕ СКАУТЫ НА ТУБАБАО

Рассказывает скм Олег Левицкий
Тубабао, 1949 год

В 1948 году китайская красная армия стала угрожать Нанкину, и под гром канонады наступающих войск, мы последним поездом покинули Нанкин и поехали в Шанхай. Здесь нас разместили в бывших французских казармах. Я встретил много знакомых по скаутской организации. Скауты принялись за регистрацию и размещение приезжающих. Время было тревожное - китайские коммунисты приближались. Началась эвакуация русских эмигрантов.

В январе 1949 года нашу группу в 44 человека отправили самолетом на остров Тубабао. По пути, мы остановились в Маниле, где подверглись детальному таможенному осмотру, вплоть до личного обыска. Я, как всегда, носил (и до сих пор ношу) скаутский значок в петлице. Когда меня должен был обыскивать таможник, он заметил мой значок и спросил, не являюсь ли я скаутом. Получив утвердительный ответ, он сказал, что он тоже скаут и пропустил меня без обыска.

Таможенная процедура длилась всю ночь. У нас отобрали всю литературу и ножи (через несколько недель их вернули). На следующий день мы прибыли на место. Нас высадили на территории бывшего американского аэродрома. Все поросло густой травой, в рост человека. На цементной площадке лежала груда мокрых палаток. Нам было сказано, что это для нас. Одна пожилая пара, при виде всего этого, так расстроилась, что они сели в траву на край площадки и расплакались. С нами в группе был скм А.Н. Князев. Мы принялись за работу, и с помощью других мужчин поставили все палатки для нашего 4-го района, закончив работу только к вечеру.

Палатки стояли, но лагерь еще не был благоустроен. Кухни не было, были одни кипятилки, и стряпать было некому. Вечером мы, голодные как волки, получили алюминиевые тазики, ложки, вилки и военные кружки. Нам выдали по банке

военного рациона «хаш» - молотое мясо, смешанное с чем-то? Но голод не тетка, и мы, бросив этот хаш в тазик, разбавив его кипятком, уплели за обе щеки. Насытившись, заснули богатырским сном.

На следующий день я познакомился с Ириной Ивановной Токмаковой – Иришей, как я ее зову, ставшей моей спутницей жизни. Было это 31 января 1949 года.

На Тубабао прибывали все новые группы беженцев, и молодняк не знал куда деваться. Администрация лагеря обратилась к нам скаутмастерам с просьбой занять детей. Без особых трудов мы организовали детей в скаутские отряды. В Шанхае было много русских беженцев, а среди них много скаутов и вот они стали прибывать аэропланами и пароходами к нам.

Работа закипела. Каждый день мы устраивали подъем флага на площадке, которую привели в порядок старшие скауты. На беседы у костра приходило до 300 человек, не считая самих скаутов. Начались занятия по разрядам и практике. Я возглавил инструкторские курсы. Занимались группами по 10-15 человек. Со временем дети так втянулись в работу, что с каждым днем дружина увеличивалась и дошла до 450 человек. Я был начальником дружины, а Князев начальником организации скаутов на Тубабао.

Я посоветовал Князеву устроить встречу с филиппинскими скаутами. Он согласился. Приглашение было принято.

Филиппинских скаутов приехало около 100 человек с разных мест. Я командовал этим мини-джамбори. В знаменательный день, все скауты выстроились в ряд на одном конце поля. Я же стоял на противоположной стороне. По моему сигналу свистком, весь длинный ряд начал бежать с криком «ура» в моем направлении: вожаки со звеновыми флажками, другие с посохами, а третьи с Баден-пауэллевскими шляпами, а я стоял с поднятой правой рукой. И как только все добежали до меня, я опустил руку, и все остановились. После этого была дана команда: «Разойтись!» и построиться по отрядам.

Затем был парад, который прошел блестяще. Все отряды

шли со своими начальниками со знаменами, а впереди филиппинский скаутмастер и я.

После парада началась программа. Наши скауты представили много экспонатов: мосты, ворота, вышки, носилки, палатки. Филиппинские скауты отличились зажиганием костра трением двух палочек.

Вечером - торжественный костер. Наши скауты пели и ставили музыкальные точки, а филиппинцы показали несколько интересных точек. Особенно запомнилась одна: один сидел под одеялом и изображал граммофон, а другой его заводил. Тот, под одеялом, издавал все звуки, относящиеся к этой процедуре. Отлично подготовленный номер привел в восторг всех.

Атмосфера была такая дружественная и веселая, что после спуска флагов, еще долго сидели русские и филиппинские скауты, делясь впечатлениями.

Через несколько дней из главной квартиры филиппинских скаутов пришло нам много подарков, включая 50 книжек „Scouting for boys“.

Скауты были очень популярны на Тубабао. Они несли разные службы, помогая лагерникам в их тяжелой жизни. Рабочая группа старших помогала всюду, где нужна была физическая сила: ездили на базу, привозили строительный материал для постройки школы на скаутской площадке. Отвозили и разгружали баржи с багажом, когда беженцы грузились на пароходы, уезжая в разные страны.

Раз в 4-ом районе забастовали повара. 4-ый район должен был голодать, но выручили скауты. Среди них нашлось достаточно добровольцев, чтобы кухня работала без перебоев.

За восьмимесячную работу на Тубабао Старший русский скаут Олег Иванович Пантюхов произвел меня в скаутмастера и наградил орденом Белого Медведя 2-ой степени.

В сентябре 1949 г. наша группа в 850 человек погрузилась на американский военный транспорт и отплыла из Тубабао. Мы ехали в разные страны: Австралию, Санто-Доминго, Парагвай, Аргентину, а я – в Суринам.

Рассказывает скм
Евгений Крушинский
Монреаль, 1951 год

- *Л*агерь необходим, - сказал Женя- начальник дружины на сборе штаба.

- Да, но где достать палатки и инвентарь? - возразил Митя – старший вожак. – Не вечно же попрошайничать у англичан.

- К тому же у нас долги, которые необходимо выплатить в первую очередь, - заметил Миша.

- Нет, братцы, вряд ли у нас что-либо выйдет,- со вздохом промолвил наш повар или «оберкох» (***перевод с немецкого – «старший повар». АА***), как его впоследствии прозвали разведчики.

- Да, спать и в шалашах можно… Неужели раскиснем? – раздались голоса протеста.

- Пусть каждый подумает. Посоветуемся с кем надо, и на следующем сборе примем решение, - вставил Митя.

- Друзья, до лагеря полтора месяца или 46 дней, - сказал Женя, - откладывать решение до следующего сбора невозможно ибо время не ждет.

- Верно, нечего медлить, - послышались голоса одобрения.

- Но все же, где достать средства? – буркнул Митя.

- У меня имеется план подготовительной работы для лагеря, - продолжал Женя, - при усилии каждого из нас лагерная задача разрешена.

Поздно вечером с шумом расходились со сбора, а на углу опустевшей улицы Митя с Мишей о чем-то долго толковали, энергично жестикулируя.

Подготовка к лагерю в разгаре. Устраивается лотерея, рассылаются прошения, собираются средства по подписным листам. «Стрекозы» по воскресеньям стоят у дверей прихода с ящиком, на котором написано «На лагерь», и собирают продукты. Покупаются первые палатки, котлы, сковородки.

- А ведь серьезно устроили лагерь, да к тому же первый в Канаде! – говорит вожак «Черепах».

- Только место не подходящее, - говорит Митя, до меня дошли слухи, что там, куда мы собираемся ехать, нет ни леса, ни воды.

- Откуда ты это взял? Лось ездил по поручению штаба дружины и приехал в восторге, - возразил вожак «Черепах».

- Ладно, я ведь только желаю успеха, и если действительно место хорошее, то тем лучше, - огрызнулся Митя.

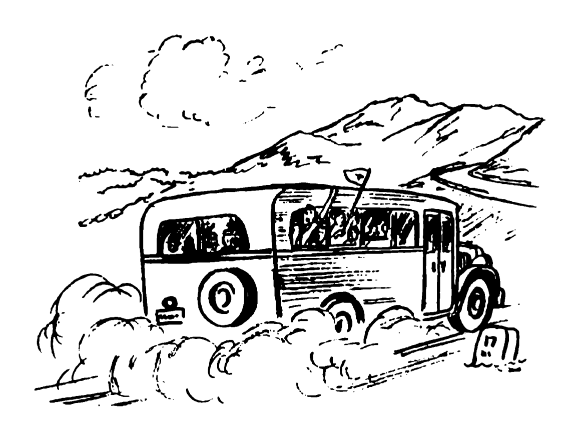
- Хватит вам болтать! Лучше сложите большую палатку, - отозвался Женя. – Ведь через пять дней едем в лагерь.

- Скорее! Опоздаем на автобус! – кричит Шакал. – Алеша, возьми билеты и езжай с младшими на такси до вокзала.

Примчались на вокзал. Вваливаемся в пустой автобус.

- Все сели? – спрашивают руководители. – Вот хорошо! Ну, а теперь - с Богом, в лагерь!

Автобус тронулся. Провожающие машут руками. Когда выехали за город, кто-то затянул песню, и все подхватили.

- Вот так жара! – говорит Сережа из «Орлов». – Совсем как в Африке.

- А ты был в Африке?- спрашивает Гарик.

- Нет, не думаю, что там жарче, - отвечает Сережа.

- Ребята, старушке, что сидит впереди, стало плохо!- кричит Алеша. - У кого еще есть вода? –

Да не только старушке, но еще кое-кому из наших тоже плохо. – Буркнула Катя, открывая, как бы для прыжка, окно.

- Что же вы кисните? – отозвался Олег, - давайте споем!

Но песня не клеится. Белочки спят на последней скамье и все постепенно утихают. Мерно качаясь и подымая пыль, автобус везет ребят через поля, леса, речушки…

- Приготовиться! Через пять минут приезжаем! – распоряжается Шакал начальник предстоящего лагеря.

Выгрузились на конечной станции, где около получаса ждем грузовик, который отвезет палатки и все хозяйство на место лагеря.

Через час все в сборе на поляне – место разбивки лагеря.

Кухня весело дымит костром. Слышится стук топоров. Все принимаются за работы.

Но не успели мы поставить трех маленьких палаток, как пошел проливной дождь и часть вещей спешно перенесли в палатку. Старшие продолжали работать в купальных трусах.

- Знаешь, - обращается Шакал к Лосю, - на службе, бывало, откроют форточку, подует ветерок, и – готов… болеешь несколько дней. Здесь же работаем под проливным дождем, и «как с гуся вода»!

- Как вижу, нам здорово не везет, - отозвался Лось. – Заметил ли ты, что когда мы выезжаем в походы, погода обычно портится?

- Зато получаем закалку,- вставил Ваня – «Черепаха», выстукивая зубами барабанную дробь.

- Братцы, у разведчиц большая палатка поставлена! Обгоняют нас в работе! – кричит на ходу Сережа вожак «Орлов».

- Поднажми, ребята!

Одна за другой появляются палатки, «патенты» и все необходимое для лагерной жизни.

- Слышите свисток на завтрак?- спрашивает Лось, вбегая в большую палатку, - живо берите посуду, и бегом на кухню!

Кухня расположена на большой полянке в ста метрах за лесом. Спустя несколько минут, гремя посудой, на кухне появились мальчики, где их уже ожидали разведчицы, готовые к молитве. Как обычно, начальник лагеря, «пробрал» опоздавших, и поставил им разведчиц в пример. А разведчицы при этом сияли от удовольствия. Повесив носы, разведчики возвращались после завтрака в лагерь.

- Конечно, они всегда будут раньше нас, - говорил Ваня Саше. Их лагерь ближе к кухне, а нам надо бежать через рощу, и лагерь они поставили скорее нас, потому что их меньше.

- У нас к каждому волчонку по два вожака приставить надо. До чего неподкованная публика,- со вздохом промолвил Саша.

- Как бы там ни было, а наш престиж мы поправим, - вставил «Рыбак». (Так прозвали Виктора еще позапрошлым летом в лагере бельгийского отдела ОРЮР, за нарушение правила ловли рыбы).

- Хорошо, что во время пришли! – встретил их Лось. – По расписанию у нас сейчас звеновые состязания. Идите, приступайте к делу, а я займусь волчатами.

- Мы с Ваней хотим поговорить с тобой, - начал Саша.

- Насчет предстоящего обеда? – спросил Лось.

- Нет, мы хотим, во что бы то ни стало, быть первыми на обеде… Сегодня… - ответил Саша.

- Это ваше дело, - сказал Лось.

- Коль так, то мы применим разведческую хитрость, - лукаво сказал Ваня.

- Что-то очень спокойно у разведчиков, - обращается к Марине, помогающая на кухне Ксения.

- Наверное, снова перед обедом удят рыбу, - отвечает Марина. – У них всегда много важных дел.

- Обед готов? – спрашивает Митя – дежурный по лагерю.

- Можешь свистеть через несколько минут,- отвечает Марина, заправляя суп ароматным соусом, - никак уже идут, звеня посудой.

- Не думаю, но я все же посмотрю,- отозвался Митя. – Никого нет. Просто устали и дрыхнут в палатках.

Резкий свист дежурного по лагерю был сигналом на обед. Вдруг из леса выбежали разведчики, словно на штурм кухни, и с максимальной быстротой, выстроились на молитву. Ждали разведчиц не долго. Первыми из леса выбежали две белочки, а за ними с недовольным видом, разведчицы.

- Так не честно! – провозгласила Аня, вожатая «Стрекоз».

- Почему? – спросил Митя.

- Кто-то загородил тропинку ветками и палками, - отвечала Аня, - и мы потеряли время.

- Не кто-то, а я! – ответил, покатываясь от смеха, младший волчонок Валерик.

В общем, вышел «обед с подкрадыванием».

- На молитву шапки долой! – прозвучала команда дежурного по лагерю.

- Как в поход? Да в такую жару? – спрашивают разведчицы. - Ведь так и солнечный удар получить можно.

- Да, в поход по компасу, к определенной цели,- отвечает Шакал. – Там, видите, на вершине горы, в пяти милях отсюда, виден блестящий крест. Разведчики и разведчицы должны по-

дойти к кресту отдельными группами, преодолевая все препятствия. Выиграет та группа, которая первой достигнет цели.

Краткая команда и отряды расходятся в разные стороны. Некоторое время слышатся голоса и хруст сухих веток, но вскоре все исчезает в густом лесу.

- Поторапливайтесь! – кричит Лось, - а то чего доброго разведчицы раньше нас придут.

- Куда им в походе с нами тягаться, это им не на кухню бегать, а в гору лезть, - сострил Алик.

- Ай! Ай! – слышится снизу. - Мы попали в крапиву!

- Не может быть! В Канаде такого не бывает! – крикнул Олег. - Следует обязательно посмотреть на европейское растение! – и все гурьбой собираются у крапивы.

- Вот, ребята, последний подъем и будем у цели, - говорит Лось.

- Сколько их еще последних будет? – спрашивает Петя.

- Посмотрите, какие ровненькие и тоненькие березки!- восхищается Володя, – из них выйдут отличные посохи для звеновых флажков!

- Как насчет небольшого привала? – обращается Шакал к Лосю, - мы, наверное, здорово опередили разведчиц, а тем временем ребята вырубят себе посохи.

- Привал на пять минут! – раздается команда.

- Слева слышны свистки, - говорит Лось, - пора трогаться.

- Ребята! На опушке виден крест! Скорее!

Прилагая все усилия, ребята карабкаются к вершине.

- Возле креста кто-то есть! – кричит Лось.

- Что ты не видишь синие платки и защитные рубашки? – спрашивает Шакал.

- Вот мы их и обогнали с нашими посохами да привалами, - мрачно буркнул Лось.

Последний костер. Лагерники волнуются. Многие готовы к Торжественному Обещанию, которое будут давать на этом костре. Все садятся у сложенного костра, соблюдая молчание. Из-за поворота дороги, появляется шеренга со знаменами в сопровождении четырех ассистентов, которые освещают шествие факелами.

Освещенные факелами развернутые знамя и флаг резко вырисовываются на фоне темного леса и палаток. Шествие приковывает внимание лагерников и гостей. Раздается четкая команда Алеши: «Равнение на знамя!» Ассистенты с факелами становятся с четырех сторон костра-колодца. При первых звуках разведческого гимна, зажженный факелами костер, осыпает близко стоящих горячими искрами. Особенно торжественно проходят Обещание и выдача лесных имен, после чего следует беседа, точки, и новые песни, разученные в лагере. Затем традиционное забивание топора в пень со словами: «В следующем году - снова в лагерь!»

Догорает костер и с ним заканчивается первый разведческий лагерь в Канаде.

Рассказывает ски
Валентин Штенгель, 1952

На берегу океана в штате Северной Каролины есть огромный военный лагерь. Это база второй дивизии морской пехоты США.

Лагерь этот, со всеми станциями, стрельбищами, танковыми полигонами, занимает сотни квадратных миль.

И совсем в глуши, в 18 милях от жилых мест, на берегу озера, расположен тренировочный лагерь роты разведчиков. Этот маленький лагерь всего на 20 палаток, очень напоминает наши разведческие лагеря. Ровная площадка с мачтой и флагом, вдали кухня, разные патенты, мостики и ворота. Даже место для костра есть. Разве что пулеметы на берегу нарушают сходство, да часовые в стальных шлемах с примкнутыми штыками никак не напоминают наших чумазых, шумных и веселых ночных часовых, всегда немного трусящих и всегда гордых своей ролью.

И вот в этот лагерек, я, в прошлом скаутинструктор ОРЮР, а теперь младший сержант морской пехоты, прибыл по долгу службы.

Быстро отрапортовав начальнику лагеря, и приведя все свои вещи в порядок, я пошел осматривать лагерь, а потом присел не берегу озера, и под впечатлением сходства, начал вспоминать наши лагеря и походы. В это время сверху донесся какой-то шум; смотрю – какой-то парнишка спускается вниз. Пилотка на затылке, на рукаве нашивка ефрейтора, загорелый, веселый, тащит к воде какое-то свое барахло и напе-

вает вполголоса. Не знаю, удивились ли бы вы на моем месте, но я уже подумал, что у меня начинается галлюцинация, потому что ефрейтор напевал:

«Будь готов, разведчик, к делу честному,
Трудный путь лежит перед тобой...»

Должно быть, я настолько выпучил глаза, что не подойти ко мне было невозможно. Он мне «хай!», а я ему «хелло!», и я его сразу спросил о песне.

- Да я помощник скаутмастера из русской разведческой организации в Китае, - парнишка представился уже по-русски.

Долго мы с ним сидели. Он мне про русских в Шанхае, про Филиппины, Тубабао, где русские разведчики, вопреки всем трудностям, продолжают свое дело; про своих друзей. А я ему про Германию и Австрию; про наши трехцветные флаги на опушках баварских лесов, про наши походы и выступления, про радости и трудности. Приятный был вечер. Далеко от России и русских, два русских разведчика, в американских формах, вспоминали свое прошлое. И вспоминали не с сусальной нежностью, а с благодарностью и чувством необходимости и долга вернуться когда-нибудь к той жизни.

РОЖДЕСТВО В СУРИНАМЕ

Рассказывает скм
Олег Левицкий
Суринам, 1953 г

За месяц до рождественских праздников, в столице Суринама – Парамарибо магазины украсились искусственными елочками с электрическими лампочками, витрины запестрели выставками игрушек и плакатами о предпраздничных скидках, лотереях и премиях. В одном русском магазине был выставлен Дед-Мороз; увы, его суринамцы не знают. Здесь его заменяет Св. Николай, сопровождаемый «Черным Петером». «Черный Петер» сажает непослушных детей в мешок, и уносит – какой ужас для ребят! Этот праздник отмечается 6 декабря, тогда Св. Николай и раздает подарки.

Елок ни в домах, ни в школах не устраивают, и Рождество проходит вяло, как обычный воскресный день.

Русачи, по старым традициям, праздновали за обильными столами с русской водкой и закусками.

На русское Рождество вся детвора колонии, в количестве 16 человек была не елке, устроенной вскладчину родителями. Елку достали настоящую из Канады, и ее зеленая хвоя и запах смолы доставили большое удовольствие взрослым. Дед-Мороз, подъехавший на автомобиле, произвел настоящий переполох. Его красный кафтан, красный нос и окладистая борода испугали малышей. Громадный мешок, привезенный дедом, вскоре примирил их, и они робко читали стишки, и боязливо протягивали ручонки за подарками. Дети постарше скептически осматривали и ощупывали Мороза, стараясь угадать, кто скрывается под его личиной, но вся компания была налицо, и Дед остался под вопросом. После чаепития начался разъезд.

В воскресенье 11 января был устроен праздник для скаутов. В 4 часа дня, после церемонии поднятия флага, начались состязания. Они состояли в том, что скауты должны были:

1. Насыпать порожные бутылки опилками из рядом лежащих кучек.

2. Вдеть нитку в иголку.

3. Очистить и съесть апельсин.

4. Выпить бутылку «Кока-кола»

5. Распечатать коробку спичек и переложить их в пустую коробку.

6. Достать монетку ртом из воды.

7. Достать монетку ртом из муки.

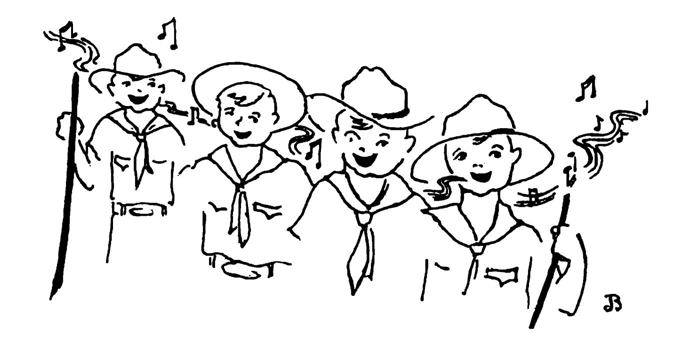
8. Пролезть через обруч, подвешенный на веревке.

9. Набросить четыре кольца на колышек.

Вид скаутов после воды и муки был уморителен. Победители получили призы: золотой и серебряной кубки, а все остальные участники получили по скатке веревки. Кроме этих состязаний были также и другие: строй, первая помощь и игры.

В заключение на экране были показаны тени – «Теремок» «Кот, петух и лиса». Впечатление было огромное.

В восемь часов праздник закончился.

ИЗ ЗАПИСОК КВАРТИРЬЕРА

Рассказывает
Ски Александр Кириинов
Буэнос-Айрес 1953 год

Над одним из каналов реки Параны звенела русская песня «Вниз по матушке по Волге» под переливания аккордеона. Мотор катера мерно работал и низкие берега, заросшие кустарниками и всякими деревьями, медленно убегали назад. Квартирьеры ехали в лагерь.

- В Европе на уроке географии я себе дельту Параны представлял иначе: джунгли, дикость, и т.д. – прервал молчание Миша.

- Да, кто тогда в классе мог подумать, что мы по ней будем плавать? - заметил я.

Действительно, хотя берега местами были дикие, но почти каждые сто метров был причал с лодочкой или моторным катером. Повсюду виднелись фруктовые сады – на темно-зеленой листве лимонных деревьев желтели сочные плоды. Апельсины и другие фрукты еще не поспели.

Витя прервал игру на аккордеоне. Стало скучно – мы уже плыли три часа, а пейзаж все один и тот же: каналы, проливы, низкие берега, домики на сваях. Только изредка какая-нибудь баржа или моторная лодка нарушали однообразие путешествия. Но вот, наконец, мы вышли из каналов и проливов на широкую реку, один из главных каналов дельты, Парана-Мини.

- Это тебе не Греция, - сказал я Греку, - это вроде Волги.

- Куда ей там до Волги, возразил Витя.

Когда мы выехали на середину, капитан остановил дизель и предложил купаться. Для нас был сброшен канат. Не успел он упасть в воду, как уже семь пар пяток мелькнули за бортом в желто-мутной воде. Было приятно освежиться после трех ча-

сов под палящим солнцем! Кончилось купание, и мотор снова заработал. Грек, шеф кухни и старший повар приготовили бутерброды, разделили фрукты и другую снедь, и все было немедленно отправлено в молодые ненасытные желудки.

Прошел еще час путешествия. Кое-кто спал, Витя играл на своем неразлучном аккордеоне, но никто не подпевал…

Мы находились в довольно широком проливе, когда капитан объявил, что сейчас причалим, чтобы покатать, по случаю праздника, знакомых итальянцев. Действительно, на одном из причалов стояла шумная толпа. Как только борт ударился о столб мостика, и капитан крикнул «Буэнос тардес!» («Добрый день»), так на палубу хлынул поток итальянцев: старые, молодые, толстые, тощие, маленькие, большие… Сколько их было – Бог их знает! Они себя чувствовали как дома, и уложили своих оравших маленьких детей на наши лагерные вещи, а сами под пение и выкрики пустились плясать тарантеллу. На нас сыпались вопросы: Куда едем? Зачем? Кто мы такие? И почему наш аккордеонист не знает итальянских песен? Витя их удовлетворил несколькими аргентинскими танго, после чего они просили нас приехать с аккордеоном сегодня вечером на праздник. Мы согласились – зачем обижать людей?

Минут через 30 мы въехали в канал Чиркас. В своем верховье он оказался настолько узким, что борта катера касались берегов. Мы остановились у деревянного дома на сваях. Дальше ехать нельзя было: канал был не шире четырех метров и вода совсем спала. Нас встретили владелец острова - немец и его два сына. Мы, с помощью итальянцев, разгрузили катер, и чуть не уронили мешок цемента, привезенный для немца.

Мы устроились в ста метрах вверх по Чиркасу на поляне, где между кустами, на сваях стояла деревянная площадка – будущий курятник. На нее мы взгромоздили все вещи и там же установили два фильтра для питьевой воды. (Воду для питья здесь очищают так: наполняют сосуды из пористой глины – фильтры - речной водой, которая сочится через конусообразное дно). Поставили две палатки и устроили ночлег.

После немцев нас приветствовали комары. Они облепили

руки, ноги и лица, и вопреки скаутским традициям, мы надели длинные штаны и спустили рукава.

- А начальник нам говорил, что комары кусают редко, так в некоторые дни…

- Наверное, сегодня один из таких дней…

Потом убедились, что все дни были одинаковые, и в течение всего лагеря комары питались нашей кровью. Лица мы мазали жидкостью – вонючая штука, но комарам не нравится.

Стемнело. Небо покрылось звездами. Южный крест, который так трудно найти на городском небе, ясно выделялся между звездами. Сверчки запели свою монотонную песню. Жара спала. Послышался шум моторной лодки.

- Итальянцы пришли… - буркнул Китаец. Он, Шурик и Слава отказались ехать, мы поехали вчетвером.

У итальянцев было очень шумно. Играла музыка. Нас усадили. Витю устроили на почетное место и к концу празднества выжали из него все, что он знал и даже чего не знал. Накормили нас до отвала. Отпустили только в 12 часов. В лагере мы завалились спать на сенники.

- А ну, кутежники, вставать! – услыхал я, и прежде, чем очнулся, меня вытянули за ноги и за руки. Такая же участь постигла и других «кутежников».

Работы было по горло. Лагеря должны были находиться по ту сторону Чиркаса. Надо было смастерить мостик, очистить место для лагерей, устроить кухню, и пр. Взяли с собой топоры и мачете, и пошли добывать материал для моста. Было трудно найти ровные деревья и надо было продираться сквозь кусты и лианы. Кроме комаров прибавилась новая неприятность – оводы, укусы которых были как уколы иголкой.

Мы разделились на две партии – одна на постройку моста, другая на чистку мест для лагерей. Одно место было легко расчистить, а в другом предстало неожиданное препятствие – гнездо больших аргентинских ос – камуати. Пробовали избавиться от них разными способами, но ничего не добились, а только их раздразнили. Проблему разрешил немец. Он принес специальную сетку, перчатки, сачок и длинный шест. Он снял

гнездо в несколько минут. Место для лагерей после чистки нельзя было узнать. Сердце радовалось от успешной работы.

С мостом было хуже. Сделали план и начали его приводить в исполнение. Почва берегов мягкая, работать надо по пояс в воде, а комары и оводы не дремали. Приходилось работать по двое: один работал, а другой воевал с комарами. Итак, в этот день моста не кончили, а устали как собаки.

Поужинали, спустили флаг.

- Вот тебе и мост! Как будто просто, а как начнешь…

- А по заданию нам еще остались: продуктовый склад, кухня, да еще хотели, чтобы мы поставили палатки…

- А знаете, завтра будет дождь, - проговорил Слава, указывая на небо.

- Типун тебе на язык!

Но Слава говорил не без причины. Север неба был затянут черными тучами и там виднелись мерцания молний, и слышался гром. Через час половина небесного свода исчезла за тучей, которая быстро ползла на юг. Листья лимонов начали беспокойно шелестеть.

- Ребята, у нас еще не вырыты канавки! – закричал Миша.

Все немедленно приступили к работе – выкопали канавки и накрыли вещи брезентом.

Начали падать первые капли. Их шум, сначала отчетливо раздельный, слился в общий гул водопада. В палатках было сухо.

Утром местность представляла собой мрачную картину – земля превратилась в кашу, которая рьяно прилипала к сапогам, моросило…

При помощи керосина и каких-то досок Грек умудрился выколдовать горячий чай. Несмотря на такую погоду, настроение было весьма веселое. Работать было немыслимо. Дождь переставал только на минуты, и вся земля была покрыта лужами. Итак, вечером легли спать, не сделав ничего полезного.

На следующий день должны были приехать лагерники, но мы были спокойны – в дождь не приедут, а надежд на хорошую погоду нет.

Утром повар опять как-то выколдовал завтрак и мы плотно закусили. Все были оптимистически настроены.

- Сегодня никто не приедет… Куда там, в дождь… приедут завтра или послезавтра…

- Окончим задание, тогда поживем, - сказал я, и вдруг подскочил, услышав знакомый голос, раздавшегося из-за кустов:

- Как поживаете? Чайку можно попить?- перед нами стоял Дрюля, один из руководителей. На нем была непромокаемая куртка и заляпанные грязью сапоги. С пилотки текла вода.

- Ты откуда и зачем приехал? Что тебе надо? Мы, конечно, рады, что ты приехал, (кто-то кашлянул), но видишь, тебе будет тесно спать, места мало…

- Из Буэнос-Айреса, конечно, - с удивлением ответил Дрюля, - но как это зачем? В лагерь дружина приехала!..

- Ну, ты, Дрюля, таких страшных шуток не откалывай! Где ты будешь спать?

- Как где? В лагере со всей дружиной. Палатки, наверное, все стоят. С большой палаткой затруднений не было?

- Затруднений с ней никаких не было, потому что палатки лежат запакованные…

- В сторону шутки!- грозно заявил Дрюля. – Как кухня установлена? Мост где? Ведите и показывайте! Сейчас подойдет вся дружина…

Нам как-то все не верилось. Вдруг послышалось: «Если дождик льет ручьем, льет ручьем, скаутам это нипочем, нипочем!»

- Вот тебе и дело! Не побоялись дождя и приехали…

- Мы забыли, что разведчик никогда не падает духом. Они и не упали, так что же нам падать? А ну-ка, Витя, аккордеон!..

ПРИКЛЮЧЕНИЕ В ЛАГЕРЕ «РОССИЯ»

Лебединая Шейка
Сидней, 1954.

После лагеря «Россия» настроение у всех было приподнятое. Не успев приехать в город, скауты начали строить планы как провести трехдневные празднества в связи с приездом королевы Елизаветы в Австралию. На сборе отряда было решено провести их в трехдневном лагере.

Первая группа выехала в субботу ставить палатки. К нашему удивлению в тот же район приехало человек 70 австралийских скаутов. Вечером один из их отрядов пригласил нас на костер.

Все было интересно, ново и подчеркнуто по-братски.

На другое утро приехали наши главные силы со скаутмастером во главе. Но пошел сильный дождь. Под дождем варили обед, а в промежутках, когда дождь переставал, были проведены занятия по измерению деревьев, определению ширины реки и быстроты течения, чтению карт и пользованию компасом. Не забыли также и купание.

К вечеру погода как будто прояснилась, и наш скаутмастер сказал, что «долг платежом красен», и поэтому следует пригласить всех австралийских скаутов на костер. Костер был на редкость удачный. Мы бросили в атаку все наши лучшие номера, а австралийцы не остались в долгу, и было море смеха и веселья. В результате они усвоили нашу «ракету» и научились петь «журавлей».

После костра был спуск флага, и скаутмастер намекнул, что в окрестности много посторонних скаутов – как бы не было тревоги, и предложил дежурным быть на чеку. Никто не обратил внимания на намек о тревоге и, после сигнала горниста «туши огни», все сладко и дружно уснули по палаткам, тем более что дождик начал снова накрапывать.

В палатке рассчитанной на шесть человек мирно видели первый сон одиннадцать разведчиц, когда вдруг раздался звук

«боевой тревоги». В палатках началась ужасная суета. Все искали свою обувь, одежду и т.д. Но, наконец, мы кое-как построились с рюкзаками и посохами. К моему удивлению наше звено «Черный лебедь» было первым. Хотя скауты звена «Сокол» уже стояли на линейке, их вожатый «Хромой сокол» еще досматривал последний сон.

Нашему вожаку сунули в зубы пакет и отправили к ручью. Кое-как мы добрались до ручья. Оказалось, что у нас не было фонаря. Ручей превратился в шумный глубокий поток, а бревно – мостик, положенное с вечера, оказалось на половину в воде. Мы попали в тупик – без фонаря переправа была невозможна. К счастью за нами шло второе звено вожатых «Ласточка», которое имело фонарь. Помогая друг дружке мы кое-как перебрались через ручей. Там мы открыли пакет, в котором было задание - пройти до определенной точки и ждать там дальнейших инструкций. Из плана маршрута было видно, что путь наш ведет мимо лагеря австралийских скаутов «Розелл». Так прозвали этот отряд за их ярко-красные походные рубашки.

Звено «Ласточка», прочтя свое задание, ушло совсем в другую сторону, оставив нас без фонаря и в унынии.

Тут мы вспомнили, что за поворотом тропинки должен быть лагерь скаутов в зеленых рубашках. К счастью они еще сидели у костра и делились впечатлениями о минувшем костре у нас. Мы попросили у них фонарик и пошли по нашему маршруту, осторожно пробираясь меж кустов и деревьев.

Миновали спящий лагерь «Розелл» и начали подниматься в гору. Темно, даже луны нет. Страх прошел. Сон тоже. Смотрим по сторонам, чтобы не заблудиться.

Вот мы уже почти у цели… Как вдруг нападение! Из кустов на нас ринулись какие-то светящиеся рожи, издающие дикий вой динго. Признаюсь, душа ушла в пятки. Как-то неожиданно я очутилась под кустом, где уже шевелилось несколько моих спутниц.

Вдруг раздался голос нашего вожака: «А посохи зачем? В атаку!» И мы с посохами наперевес и с дрожащими поджилка-

ми, молча обрушились на светящиеся рожи, которые видимо, совсем не ожидали от нас такой прыти и, моментально осветив себя, дали нам возможность узнать в них дружественное нам племя «Розелл».

Посмеявшись вволю над наполовину удавшейся шуткой, мы выяснили, что племя «Розелл», пылая жаждой мести за то, что минувшей ночью наши скауты спустили их палатки, решили напасть на наш лагерь, и в пути наткнулись на галдящее звено «Сокол». Улучив момент, они схватили и перевязали соколов и от них узнали, что где-то здесь они должны соединиться с нами. Получив эти сведения «Розелл» решили напугать и нас. Они вставили себе во рты фонарики и завыли как динго.

Наконец, мы добрались до цели и засели в кустах. Вскоре с шумом появились сокола и Хромой сокол – вождь великого племени соколов, важно промычал: «И где носит этих девчонок? Наверное, заблудились!» Получив слегка по голове посохом, он уже ласково промолвил: «Ах, они уже здесь!»

После того как мы поинтересовались, как, де, сокола освободились от веревок «Розелл», сокола заметили, что нечего глупости болтать и пора сигнализировать в лагерь.

Вскоре был получен сигнал о возвращении в лагерь, где нас всех ждал и хлеб с консервами, кружка чаю и сон.

ГИМН ВИТЯЗЕЙ И ДРУЖИННИЦ БЕЛЬГИЙСКОГО ОТДЕЛА

Мы родились под грохот орудий,
Дружба окрепла, в путь жизни смелей!
Павших за Русь никогда не забудем
Наших разведчиков-братьев, друзей.

Мы поколенье отважных людей,
Юных разведчиков племя.
Силы свои мы готовим к борьбе
Верим, придет наше время.

Витязь, дружинница! С верой в победу
Будем бороться, работать и жить,
Долг перед Богом, пред Русью Святою
Честно исполним с девизом: «Служить!»

Припев: Эй, молодежь! В наши ряды
Смело за родину с нами.
Тверже шаг, выше флаг
Пусть реет трехцветный над нами.

1952 г.

РУССКИЕ СКАУТЫ В ИЗГНАНИИ

Рассказывает ски Илья Коротков
Париж, 1957

В 1957 году была послана делегация из десяти человек на юбилейное международное джембори (ДЖИМ). Назвались мы «Русские скауты в изгнании» (Russian scouts in exile). А делегация у нас! Один хромой, двое слепых, все усталые, замученные экзаменами и подготовкой выставки, плюс одна чахоточная машина, которая неизвестно как нас довезла, и еще более как вернулась.

Выехали мы поздно вечером, и через 25 километров стали. Начали осматривать мотор, и, наконец, нашли в выхлопной трубе не то картошку, не то кошачий хвост, в общем, какую-то странность. Починили и поехали дальше.

Добрались до Англии, а там уже началась морока. Англичане почему-то ездят слева. Вначале наш водитель – Сан-Бернар вел машину осторожно. Его работа, в какой-то мере, была упрощена: англичане сами не знают, с какой стороны они должны ездить, и поэтому повсюду ставят столбы: Keep left. Доехали мы до первого перекрестка, вдруг ужасный крик сидевшего рядом с водителем:

- Осторожно! Keep left!!- На следующем перекрестке – история повторилась. Однако доехали.

Приближаемся к месту ДЖИМа, и вдруг слышим:

- Стой! Стой! – Оказалось, что если бы мы проехали еще метров 200, то наше заднее колесо обогнало бы нас, т.к. оно еле держалось только на трех гайках. Несмотря на все это, когда мы въехали на территорию ДЖИМа, мы произвели фурор. Было чего: из окон нашего автомобиля торчали руки, ноги, слышались крики на незнакомом языке, все обернулись в нашу сторону, и послышалось перешептывание:

- Russians! Russians! – Эта слава нас не покидала в течение всего джембори.

Надо сказать, что организация ДЖИМа была замечательная, за исключением почты. Еще накануне открытия одному из наших разведчиков пришла записка: «Просим вас явиться, как можно скорее, на главную почту».

Он, конечно, по свойственной русским привычке, пошел только через два дня. Там ему сказали, чтобы он шел на маленькую почту его подлагеря. Там ему сказали вернуться на главную почту. Явившись, второй раз туда, ему очень милый чиновник объяснил, что возле пожарной станции находится еще одна почта «главнее главной». Измученный разведчик стал искать, где же она находится. Видит, идет какой-то скаутмастер. Разведчик его спрашивает:

- Простите, не можете ли мне сказать, где тут пожарная станция?

Скаутмастер перепугался:

- Что-о? У вас в лагере пожар?

- Нет, брат скаутмастер. Я ищу главную почту.

- Так бы сразу и сказал! Смотри! Она тут!

В конечном итоге, разведчик получил маленький пакетик, который даже не был ему адресован, и который ему пришлось передать по назначению.

Вероятно, читателю хотелось бы знать, что именно делала наша делегация на джембори. Я, по своему духу противоречия, скажу, чего наша делегация **не** делала. Наша делегация не спала, не ела, не отдыхала, не развлекалась.

А почему? спрашивается. Сейчас объясню: представьте себе, двум разведчикам захотелось есть. Они пошли на кухню. Там в кастрюле картошка с морковкой, а на сковородке жареные котлеты. Времени было мало. Они взяли ножи да вилки и стали есть прямо из котла. Не успели съесть котлеты, как собралась толпа, и все стали показывать пальцами и шептать испуганными голосами:

- Russians! Russians!! – после этого и весь аппетит пропал. Один, однако, настолько проголодался, (дня три как следует не ел), что решил махнуть рукой на посетителей и съесть хотя

бы два помидора. Не успел он разрезать первый помидор, как подходит к нему один англичанин и спрашивает:

- You! You like tomatoes?! – настолько он был удивлен, что русский тоже может есть помидоры. Наш разведчик не вытерпел, бросил помидоры и ушел из кухни.

Вот, дорогой читатель, каково наше положение. Все почему-то приняли нас за дикарей. Я могу засвидетельствовать, что в Германии и во Франции мы люди, как и остальные…

Должен сказать, что на джембори среди собравшихся царила дружба, и не только дружба, - я неоднократно замечал, что даже жертвенность. Дам один пример: потоп.

Это было так: как-то вечером в лагере у нас был костер. Сидели венгры, немцы, латыши, литовцы, французы, англичане дружно пели и пили чай. В 10:30 все разошлись. Наши пошли спать, кроме двух, которые пошли гулять. Постепенно все уснули. Вдруг крик:

- Я мокрый! – это наш звеновой. Все бросаются к нему на помощь, зажигают фонарики. Оказывается, что у нас в палатке болото. Остается только одно – бежать!

Каждый схватил кучу вещей, не разбирая свои или чужие, и мы бросились в большую палатку, которая служила для общих собраний – церковных служб и пр. Кое-как улеглись, несмотря на то, что наплыв народа был велик, и заснули.

Те два, что пошли гулять не успели дойти до границы лагеря, как начался ливень. Они побежали искать укрытия. Нашли что-то подходящее, и просидели часа три. Когда дождь прекратился, они пошли по направлению в лагерь. Им навстречу ехали машины полные лагерников.

Оказывается, как только прекратился дождь, организаторы ДЖИМа, увидев, что многие делегации сильно пострадали, стали звонить в город в разные семьи с просьбой, не могут ли они укрыть у себя одного, двух, а то и больше скаутов. Многие откликнулись. Старшие скауты сели в грузовики и стали развозить младших по этим домам.

В это время наши два разведчика вернулись в лагерь. Смотрят – пусто! Заглянули в нашу машину: там спят оба ру-

ководителя. Пошли в общую палатку – что за зрелище! Повсюду лежат тела, как после стихийного бедствия.

Нашли свои спальные мешки. Один оказался мокрым, а в другом кто-то лежал. Неудобно было его тревожить. Пошли в штаб-палатку. Там им сразу дали одеяла, угостили горячим какао и печеньем.

После этого нас часто поливал дождик. Что поделаешь? Палатка была не очень непромокаемая. Пришлось переехать. Последнюю ночь мы спали без палаток. Кто в машине, кто в умывалках, а кто на брезенте около костра. А на утро мы разъехались: один уехал поездом, двое решили ехать автостопом, двое остались в Англии, и только пять поехали обратно на машине.

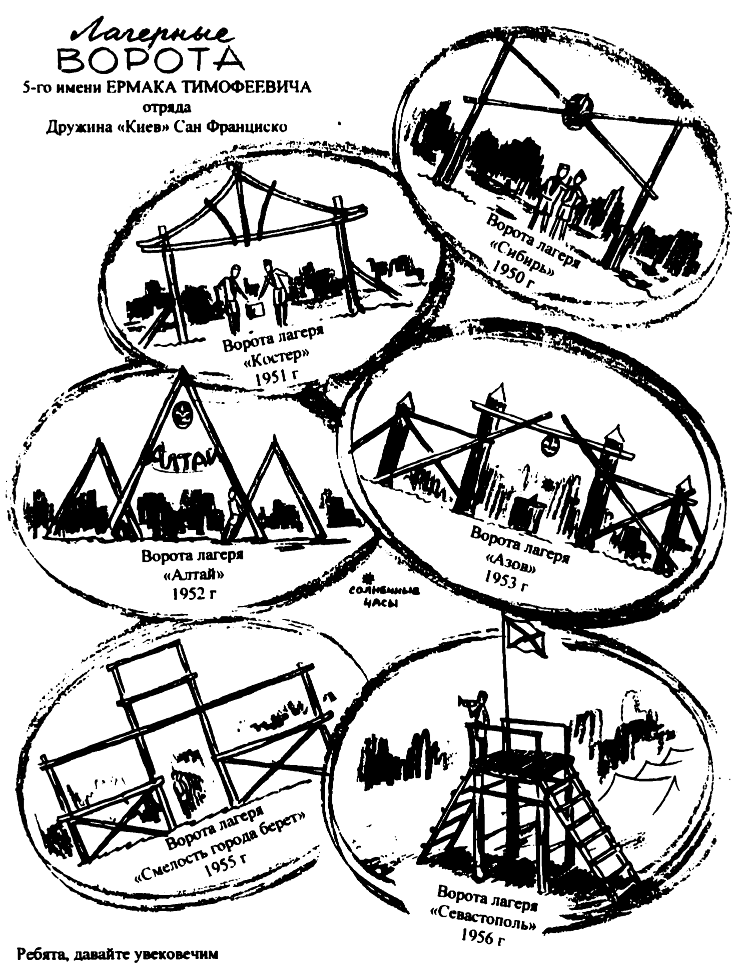
Так окончился ДЖИМ.

Волчий Клык

ЧАСТЬ III

ЛАГЕРЬ – ГОРОД ПОЛОТНЯНЫЙ

Ребята, давайте увековечим
Память о наших лагерях на страницах
СКР. Присылайте в редакцию рисунки или снимки ваших ворот.

ПЕСНЯ О ЛАГЕРЕ

(На мотив из «Чим-чим-чири» из фильма «Мэри Поппинс»)

Слова Юрки
Лагерь Казедеро,
Калифорния 1966 г

Сядем на бревнах мы тесным кружком,
Песню о лагере нашем споем.
К лагерю целый готовились год,
Но как минутка он быстро мелькнет.
    Лагерь родной, -
    Здесь мы жили веселой семьей…
    Лагерь ты мой,-
    Как не хочется ехать домой!
Речка такая чудесная тут.
С ней по соседству лягушки живут.
Хочется очень лягушкам узнать,
Кто из нас лучше умеет нырять.
    Если нырну –
    Я, наверное, не утону…
    Плавать начну,
    Всех лягушек отсюда спугну!
На удивление наших ребят
Мамонта кости у речки лежат.
Очень досадно, что времени нет,
Я бы нашел динозавра скелет.
    Целый музей
    Мы набрали различных костей:
    Птиц и зверей,
    И как будто пещерных людей.
Вот, наконец-то горнист заиграл,
Слышишь любимый знакомый сигнал…
Это, конечно, совсем не секрет,
В лагере вкусный-превкусный обед.

Дружно жуем
И бежим за добавкой потом…
Наша ль вина,
Что готовы мы скушать слона?
Ночью за лагерем чьи-то шаги…
Тише, дежурный, - постой, не беги!
Это совсем не разбойники тут,
Это еноты к нам в гости идут!
Этот енот
Причинил нам немало хлопот:
Съел наш компот
Этот шустрый проказник-енот.
Сядем на бревнах мы тесным кружком,
Песню о лагере нашем споем.
К лагерю целый готовились год,
Но как минутка он быстро мелькнет.
Лагерь родной, -
Здесь мы жили веселой семьей…
Лагерь ты мой,-
Как не хочется ехать домой!

Рассказывает Белочка
Калифорния, 1952

Разведчица по прозвищу «Несчастье» почувствовала, как ее кто-то теребит за ногу, стаскивает одеяло, и кричит:

- Несчастье! Вставай! На кухню! Дежурить!

- Оо–ох! – промычала она, и высунула голову. Воздух был свежий, почти морозный и щипал нос. Солнце чуть-чуть освещало макушки деревьев, и Ира или «Лесное Несчастье», хотела опять нырнуть под одеяла, как вдруг кто-то властной рукой стащил их, и Несчастье была предоставлена объятию холодного горного утра. Стуча зубами, она начала одеваться.

То же самое творилось и в другой палатке. Будили Белку.

Собрав умывальные принадлежности, они побежали к озеру. На озере лежал легкий туман. Быстро помывшись, они развели огонь на кухне, и стали обсуждать, что делать на завтрак.

В лагере раздался свисток. Сначала там царила гробовая тишина, но после нескольких выкриков дежурной, лагерь наполнился громким визгом, смехом, аханьем и оханьем, необыкновенным даже для лагеря разведчиц.

Прибежала дежурная по лагерю и сказала, что весь лагерь должен молчать до мертвого часа. Всего шесть часов. Проговорившаяся должна заявить звеновой и продолжать молчать.

- О, Боже! Как же мы будем разговаривать? – спросила Белочка. - Вот так и будете, - отвечала дежурная, - не мешает вам и помолчать немного. Все приказы будут даваться свистком. Вот список.

Белка, вероятно никогда в жизни не молчавшая более пяти

минут, кроме как во сне, трагическим взглядом посмотрела на бумажку с точками и тире. Приказы по Морзе! Печально!

- Когда же начало? – спросила Несчастье.

- Да вот сейчас. Начиная с подъема флага,- отвечала дежурная, и побежала обратно в лагерь.

- Ну, а что подумают разведчики? Тишина то какая! – сказала Белка. - Еще испугаются, что нас медведи загрызли.

Лагерь разведчиков – «Алтай» находился довольно далеко, за лесным перевалом, но визг разведчиц, обыкновенно, доносился до их лагеря.

Странно было смотреть на молчаливый подъем флага. Начальница лагеря Оля уже было раскрыла рот, чтобы скомандовать: «Разойтись!», но во время опомнилась, и дала команду свистком.

Сдерживая смешки, разведчицы взяли кружки и стали в очередь за какао. Тыкали пальцами в любимые бутерброды и мотали головами, если не желали чего-нибудь. Бедные дежурные должны были угадывать желания разведчиц по выражениям лиц. Молитву не пели, а только перекрестились. Позавтракав, все пошли на лагерные работы.

Дежурные по кухне, помыв посуду, знаками объяснились, что обед еще рано готовить и улеглись на берегу озера. Белка стала переписывать песни, а Несчастье заснула.

На другом конце озера был шум. Разведчики мыли котлы, и один из них уплыл. Судя по голосам, они очень сердились.

Когда пришло время приступить к приготовлению обеда, Белка начала будить Иру. Та, спросонья, чуть не заговорила. Белочка только погрозила ей пальцем.

- А? Что? Я говорила? - недоумевала Несчастье, – Что же теперь делать?

- Закрыть рот! – написала быстро на бумажке Белочка.

- Хорошо! Не буду! – ответила Ира, на той же бумажке.

В это время появился Сева, начальник мужского лагеря.

- Здравствуйте! Ну, как дела? – спросил он.

Девочки молчали. Сева покачал головой, вероятно, подумав, что нынешнее поколение не отличается вежливостью.

- Это вы так на кухне дежурите? – съязвил он.

Девочки с кислой улыбкой закивали головами, замахали руками и успокоились.

- А! это вы на три пера сдаете! – догадался он.

Белочка и Несчастье замотали головами.

- Что? Да? Нет? Не понимаю!

Белочка стала быстро писать на клочке, то и дело, протыкая его карандашом.

- Вот что! Весь лагерь молчит! Интересно! Не долго же вы промолчите! Где Оля? – Все это было сказано скороговоркой.

Девочки показали на лагерь.

- Она тоже не говорит? Ну, тогда я не пойду. Не так важно.

Дежурные принялись готовить обед. Пришли разведчицы и нетерпеливо поглядывали на часы. Когда же кончится это мучение? Некоторые показывали пальцами, сколько раз они уже проговорились. Почти весь лагерь проговорился. Обедали быстро, чтобы скорее начался мертвый час. Когда обед кончился, все в ожидании посмотрели на начальницу. Та дала знак дежурной. Раздался свисток, и по всему лесу эхом прокатился голос:

- Мертвый час! Без разговоров!

Рассказывает скм Алексей Поремский
Бавария, 1953

В своем верховье вода Изара ледяная, зеленая, местами белая от пены, течение стремительное. Километра четыре на север от Миттенвальда, небольшого, типичного, забитого туристами баварского городка, Изар описывает петлю, образовывая что-то вроде полуострова, отделенного с трех сторон водой, а с четвертой шоссе. В северной части этого полуострова вырос лагерь «Санкт-Петербург».

Германский отдел был когда-то самым большим, самым активным, далеко опередившим все другие отделы вместе взятые. Сейчас от этого былого величия осталось не так много. Но осталась некая гордость – а лагерь все-таки будет. И лагерь действительно устроили. Потрудился для этого в первую очередь Бобр (*Сергей Владимирович Шауб - ред*). С чистым «бобриным» упорством и кропотливостью вытянул он на себе всю огромную подготовительную работу. Помогли еще наши ребята из-за океана. Сорок человек и три недели – для наших условий это очень неплохо.

Лагерь расположен на высоте в 900 метров над уровнем моря. Воздух чистый, леса смешанные. Растительность более северная, чем полагается по широте: брусника, костяника, вереск. Изар у лагеря обжигает холодом, а течение – валит с ног. Купаться нелегко, но кое-кто из смельчаков находит в этом удовольствие. Приятнее купаться ниже по течению, где Изар расходится на много рукавов, а затем сходится перед плотиной, образуя нечто вроде большого водоема. Километра за 4 от лагеря можно было купаться в красивом альпийском озере Бармзе. У лагеря водилась форель – небольшая, пятнистая,

но очень сильная и вкусная рыба. Ребята ее несколько раз ловили, пока не поймали их самих – ловить здесь без особого разрешения запрещено.

Кругом горы, высокие, интересные. Разумеется, делали походы. Самым интересным, пожалуй, был поход разведчиков, которые готовились к сдаче 2-го разряда. Первый был пробный – на целый день. Второй – на два и с ночевкой. Прошли километров 40 по трудной гористой местности. Поднимались на высоту в 2257 метров, а это не шутка. Вид оттуда замечательный! Рукой подать до первых ледников на северных склонах. Суровые скалистые Карвендели отмечают австрийскую границу, а дальше блестящие и переливающиеся на солнце снежные вершины, место лагеря с трудом разглядишь в бинокль. А на север – горы пониже, лесистые, за ними синеет Вальхензе, крошечным кажется перевал на Кохель, еще дальше, в сторону Мюнхена, тянется затянутая дымкой равнина. Нередко встречались серны. На серо-зеленом склоне видишь темные точки, свистнешь, отзовется эхо, и темные точки огромными прыжками помчатся по склону. Или лезешь на кручу, вдруг сверху посыплются камни. Посмотришь наверх, а на утес козел прыгнул. Встал как вкопанный и смотрит, потом мотнет черными загнутыми назад рогами, прыгнет – и нет его. Внизу коровы позванивают колокольчиками. Проведя пол года в горах, они тоже неплохо лазают, но туда, где мы, они уже не забираются.

На большинстве вершин – кресты. Смотря на скалы, становится загадочным: как они сюда были подняты. У крестов небольшие металлические ящички с толстыми тетрадями, куда записываются проходящие, чтобы в случае несчастья можно было установить их последнее местопребывания. Расписались и мы. Уже в сумерках спустились в котловину с двумя озерами, лежащими более чем в полутора километрах над уровнем моря. Почва трудная – в буграх и валунах. С трудом нашли место для палатки. Проснулись в облаке, - куда ни глянь – молочная муть. Спустившись ниже, вышли из облака, но и это не лучше – из облака сочился нудный серенький дождик. Возвра-

щались усталые, но с грустью, что покидаем манящую глушь горного храма.

Неплохой у нас был бег на 3-ий разряд. Для 3-его разряда даже весьма трудный. Основные препятствия: сделать перевязку, пережечь веревку костром, проделать трудный подъем на скалу с веревкой и применяя мертвую петлю, собрать рюкзак, найти и расшифровать письмо, ориентироваться на месте, двигаться по знакам, поставить палатку, ответить на ряд вопросов, доказать внимательность. Ребята, в общем, хорошо справились с бегом. Из 46 возможных пунктов самая слабая группа набрала 30. Но были и промахи: например, один разведчик нашел письмо, но не поинтересовался его содержанием. Поистине редкое нелюбопытство, которое, разумеется, отразилось на группе.

Получив задание запаковать необходимые для похода вещи, один разведчик уложил дамские туфли и бритвенный прибор.

На удивленный вопрос одного руководителя, зачем ему дамские туфли, разведчик нашелся и ответил, что может быть этот рюкзак предназначен для разведчицы!

- Ну, а зачем тогда бритва? – на это было трудно что-либо ответить. Другой разведчик уложил топор топорищем кверху, третий, делая перевязку, предварительно размотал весь бинт. Один же бандерлог стал с большим темпераментом и энтузиазмом обтесывать колышки для палатки на основательном булыжнике. Из топорика (подарок Старшего Скаутмастера вожаку Барсуку в прошлогоднем лагере за прекрасные результаты в беге на 2-ой разряд) посыпались яркие искры.

Были в лагере и гости. Неделю провел с нами в лагере Старый Волк (Борис Борисович Мартино), у которого на голове

меньше волос, чем проведенных в лагере дней. И трудно ему припомнить год, в котором он не был бы в лагере. Приезжал к нам священник отец Анатолий, отслуживший молебен и утреню в большой палатке, по которой барабанил сильный ливень. Престол был сооружен нашими разведчиками. Большой православный праздник Преображения мы провели, к сожалению, без пастыря. Мы собрались на молитву в лесу, помятую о том, что Преображение это то, к чему зовет нас святая Церковь: далекая, но светлая и радостная цель нашей жизненной разведки.

Были у нас в лагере иностранные гости. Часто к костру подходили немцы, голландцы. У самого лагеря в замечательной шелковой палатке жили два француза, которые нам очень помогали. Например, отвозили наших ребят в больницу – у нас в лагере был случай острого аппендициты и тяжелого пореза. В лагере было три немецких скаута и четыре немецкие разведчицы. В их честь, после русского флага, поднимался и немецкий. Мы друг у друга многому научились, и польза была обоюдная.

Один из наших руководителей ходил в тяжелый горный поход, во время которого совершил доблестный поступок – спас женщину. Она заблудилась в горах, пробродила всю ночь и под утро скатилась в обрыв. Ей удалось задержаться руками за какую-то поросль. Итак, в полулежачем положении над бездной, крича, пока хватало сил, пребывала она над пропастью, пока наш руководитель, с опасностью для собственной жизни, не вытащил ее.

Много интересного было у нас в лагере – всего не перескажешь.

А под конец, с силой забивали топорики в пень, говоря: «в следующем году снова в лагерь!», а старый Акела, с трудом вытаскивал топорище из дерева, думая: «А что если следующий лагерь будет уже на родине?»

Рассказывает ПеМе
Нью-Йорк, 1954 г.

В этом году опять все висело на волоске. Сначала все были уверены, что лагерь будет на чудном прошлогоднем месте, в долине реки Делавер, но получить нам его не удалось: оказалось, что в прошлом году мы поставили часть лагеря не на земле нашего хозяина, а на земле соседа. Сосед нас не оценил, и отказал, боясь отсутствия страховки. Такой уже в Америке обычай. Если кто сломает себе ногу на чужой земле, то обязательно подает на хозяина в суд за материальный ущерб.

Лагерь был отложен на неделю, и уже поползли слухи, что он вообще не состоится. Но, за несколько дней до начала, место было найдено и были разосланы повестки. Все это, конечно, отразилось на численности лагерников. Их было всего 30 человек (6 разведчиц, 12 разведчиков, 11 волчат и один руководитель).

В лагерь двинулись двумя группами: на частных машинах, с палатками на прицепе, и пароходом вверх по реке Гудзон.

Лагерь разведчиков был поставлен на лужайке, недалеко от маленького пруда. Четким прямым углом расположились у леса 12 палаток, опоясанных деревянным барьером. На прямоугольных воротах была надпись: «Град Китеж». Лагерь разведчиц был поставлен на небольшой вырубленной поляне в лесу и назван «Мираж».

К сожалению, в лагере не было постоянного руководителя – каждую неделю приезжал новый, но, несмотря на это дисциплина и порядок не страдали. Старшие не только не «терли

бузу», но во всем помогали руководителю и показывали пример почина и инициативы. Еще в прошлом году эти 16-летние ребята чувствовали себя несколько «затертыми» 18-летними, а в этом году 18-летние не приехали, и 16-летние, вздохнув полной грудью, стали на их место.

В лагере со старших моментально слетел иностранный налет. Многие из них живут и учатся в провинции, и для них лагерь единственное свидетельство живой России. Единственное место в мире, где они могут убедиться, что они русские, и что они не забыли свой язык. Лагерь для них становится самым дорогим местом, островком той завтрашней России, для которой мы живем.

Значительно хуже положение волчат, среди которых многие не говорили между собой по-русски, а на вопросы руководителя отвечали с трудом. Между собой они обсуждали по-английски самые разнообразные проблемы, начиная с того какая разница между всемогуществом Бога и «супермэн» из комиксов, и кончая тем, что мол, им в лагере говорят, что они русские, а в России они никогда не были. Только к концу второй недели начали они сами друг друга цукать: «Ты зачем в лагере? Говори по-русски!»

Волчата с наслаждением бултыхались в пруду, слушали рассказы одной дружинницы и... бегали за леденцами в оказавшуюся по близости лавочку, несмотря на все противодействия. Когда волчатам показали, что на свете есть ежевика и малина, они на день забыли про леденцы, но, увы, малины оказалось слишком мало на 11 волчат.

Если даст Бог, и они за зиму не разучатся говорить по-русски, то из них еще могут выйти разведчики.

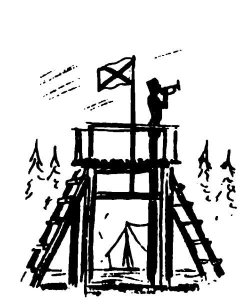
Старшие ребята ходили два раза в поход. Были хорошие костры особенно по пятницам и субботам, когда вместе с приезжими гостями у костра бывало до 70 человек. Были занятия по разрядам и специальностям. В предпоследнее воскресенье были большие разведческие состязания с подползанием, переходам по катящимся бревнам, кипячением воды, плаваньем и прочее.

Были и ночные нападения. Причем на второй неделе лагерники обрушились на «викэндщиков» (гостей приезжающих на конец недели). Дело было так: викэндщики, приехав однажды в пятницу поздно ночью, увидели спущенные флаги на мачте мальчиков и с восторгом их похитили. Они не знали, что по лагерному закону в ночь, когда дежурят разведчицы, нападать нельзя. Гнев лагерников был велик, и как только викэндщики заснули, «особая ударная группа» вытащила все вещи из их палатки. На следующее утро перед этой палаткой маячили мрачные, сонные фигуры – босые, без брюк, и изрекали нехорошие слова. Они грозились разнести лагерь, но в лагере были двое весивших более 200 фунтов, и, в случае споров, лагерники их всегда выдвигали как аргумент.

Ну, и потом, конечно, была революция. Приехавшие старшие руководители просили их не трогать, и поэтому революция прошла довольно спокойно. Самым ярким событием было то, что одна разведчица похитила и на своей спине унесла мужской «голливуд»! Это было замечательно, но начальник дружины, бывший в то время начальником лагеря, очень возмутился и запретил оной разведчице купание.

В субботу, в конце третьей недели было традиционное поминовение верных, торжественный костер и топорик в дереве: «На будущий год – снова в лагерь!»

Лагерь СЕВАСТОПОЛЬ

Рассказывает скм В. Селивановский
Калифорния, 1956 г.

Среди могучих сосен и пихт на берегу тихого горного озера спит лагерь «Севастополь».

При слабом звездном свете можно различить фигуру разведчика – дежурного. В руках у него незажженный электрический фонарь и на плече мелкокалиберная винтовка.

К большому лежащему в воде стволу упавшего дерева пришвартован «русский флот» (большие плоты на железных бочках).

В лесу много шумов и шорохов и дежурные привыкли отличать природные шумы от шагов подкрадывающегося противника.

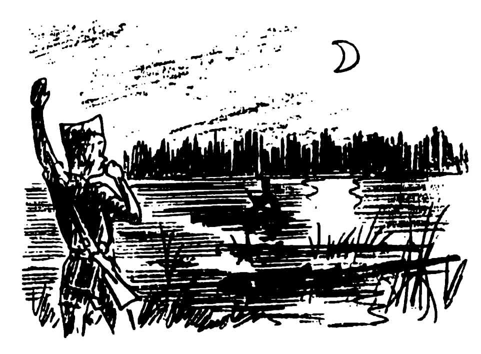
Лагерь «Севастополь» - осажденная крепость. Кругом бродят всякие французы, англичане, турки. Надо быть всегда начеку…

Но вот дежурный услышал подозрительный шум. На этот раз с озера. В ночной тишине ясно слышится хлюпанье весла. Сильный луч фонаря прорезал темноту над озером, и в эту же секунду раздался резкий свисток и крик:

- Тревога! Французский истребитель!

В двадцати шагах от берега дежурный заметил неприятельский корабль – маленький подвижный плот из двух больших бревен, на котором сидела фигура в кожаной куртке с веслом. На лагерь посыпалось несколько снарядов – шишек.

Увидев, что он обнаружен, противник быстро повернул плот и начал грести изо всех сил прочь от лагеря.

Отплыв на расстояние недоступное фонарю, он остановился и прислушался. В лагере была слышна суматоха. Раздавались команды коменданта крепости, который приказывал грузиться на корабли и преследовать дерзкого противника.

По мелькающим на берегу фонарям было видно, что команды грузятся. Послышались распоряжения.

Сигнализируя друг другу фонарями, три русских крейсера вышли в море. Третий крейсер отстает. Капитан дает команды по-морскому и гребцы, не совсем понимая их, гребут не в ту сторону. Капитан злится. Наконец, убеждается, что команда у него не подготовленная, и он приказывает оставаться недалеко от лагеря, чтобы охранять побережье.

Несколько раз французский истребитель попадал в радиус действия русских прожекторов, но благодаря своей быстроходности и неподвижности русских тяжелых кораблей, каждый раз уходил.

Русские корабли медленно, но верно сжимают кольцо. Истребитель попытался, было прорваться между ними, но опять был обнаружен и вынужден повернуть обратно.

Наконец, когда его уже загнали в угол, ему пришлось въехать в камыши, оставить корабль и убежать.

После долгих поисков неприятельский истребитель был, наконец, обнаружен, захвачен и на буксире привезен в Севастопольскую гавань.

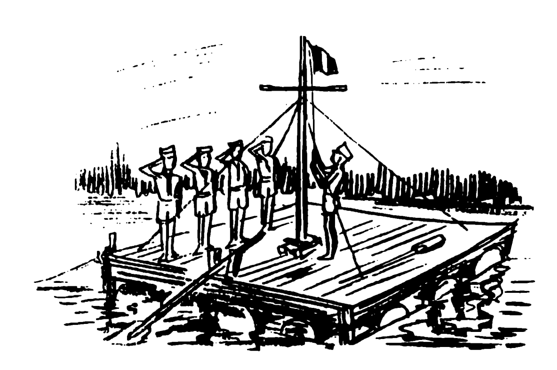
****

На следующий день обе стороны начали готовиться к генеральному морскому сражению. Французы (звено «Олень») судорожно строили свой флот. Приводился в порядок «Марсе-

льеза» - большой крейсер на шести бочках. Строилось также несколько быстроходных одноместных истребителей. На русском берегу происходили такие же приготовления.

Торжественно поднимаются флаги.

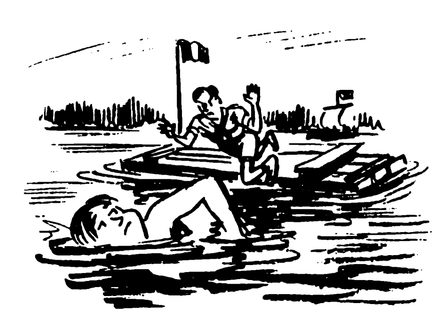
С французской стороны выходит на разведку тот же истребитель. Рассчитывая на свою быстроту, он нагло проплывает совсем близко мимо стоящего в гавани русского флота и рассматривает, что там делается.

Но вот из русской гавани выходит «Страшный» - русский истребитель (новость для французов!) и пускается в погоню за французом. Расстояние между преследуемым и преследующим шагов 20. Француз спокоен, т.к. они идут примерно одной скоростью, а француз может идти еще быстрее, если понадобиться. Вся команда «Страшного» - один человек – разведчик из звена «Орел». Он в плавках и у ног его лежит консервная банка – мина. Если ее удастся поставить или забросить на неприятельский корабль, то, по правилам игры, последний выходит из строя.

Вдруг русский кладет весло, бросается в воду и пускается за неприятелем вплавь. Француз не рассчитывал на это. Оказывается, хороший пловец может догнать плот. Вот русский пловец почти вплотную подошел к плоту. До французской гавани далеко и француза выручить некому. На истребителе даже не было пулемета (флажка), т.к., он надеялся на свою быстроходность.

Француз, который, кстати сказать, был в полной форме, остановился и решил принимать бой. Несколько раз он веслом отбивал попытки забросить на корабль мину, но русский все же, ухитрился как-то нырнуть и «взорвать» его. Корабль «потоплен».

Тут француз, как был в полной форме, бросился в воду за русским, чтобы хотя бы взять его в плен. (По правилам игры для этого у него нужно было выдернуть из-за пояса косынку). Но русский опять нырнул, проплыл под ним и вылез на плот. Француз тоже подплыл к плоту, схватил русского за ногу и стащил в воду.

Корабль – за одного пленника! Комбинация невыгодная для французов, но что поделаешь??

В это время «Марсельеза» с командой в семь человек шла навстречу крейсеру «Изумруд» и еще двум крейсерам. Русских, правда, было вдвое больше, но французы были крупнее ростом.

И вот началась артиллерийская дуэль. Шум. Крик. Команды капитанов.

В азарте игры, кроме шишек, были пущены в ход более увесистые предметы. Были и прямые попадания, но никто не обращал на это внимание. Но вот «Изумруд» и «Марсельеза» столкнулись бортами.

- На абордаж! – раздалась команда.

И тут началось! Моряки бросались на борт противника и также энергично сбрасывались обратно в воду. В воде продолжались схватки. Вот двое сцепились и оба плюхнулись в воду. Масса «раненых» и «убитых». Вот треснула и повалилась мачта «Марсельезы». Кто-то спешно содрал с нее флаг, что означало победу русских.

****

Игра закончена. Настало мирное время. Французский крейсер «Марсельеза» опять стал «Жемчугом» и на него снова был поднят Андреевский флаг. («Олени» не хотели все время быть французами).

Вечером за ужином лагерники оживленно обсуждали результаты морского сражения, а в гавани стояли «инвалиды войны» - подбитые корабли, с поломанными мачтами, перепутанными снастями и смятыми парусами. У одного из них даже на палубе была лужа настоящей крови, но не от «боевых ран». Это капитан босой ногой зацепился за топор.

Молчаливая картина, напоминающая о бурном и веселом дне.

Единственно кто, вероятно, не был доволен, это три разведчика, которые не умели достаточно хорошо плавать, чтобы принимать участие в сражении. Они следили за всем происходящим с берега.

ЛАГЕРЬ В СЬЕРРАХ

Рассказывает скм Аста Аристова
Калифорния, 1966

В 1966 году дружина «Нижний Новгород» (гор. Лос-Анджелес) впервые устроила лагерь в местечке Дэдмэнс крик. «Ручей умёртого дяди» - перевел какой-то волчонок. Здесь на восточном склоне гор Сьерра Невада, когда-то в 19-м столетии, около ручья, было найдено тело неизвестного. Отсюда и название.

В отведенном для нас месте протекал ручей, впадающий в пресловутый Дэдмэнс. На берегу этого ручья расположились наши лагеря – ниже по течению – мужской, а чуть выше – женский. В одном месте, ручеек раздваивался, образуя остров, который девочки облюбовали для себя. На первом костре решено было назвать лагерь «Остров Буян», а с этим и все палатки получили соответствующие названия: «Жар-птица», «Конек-горбунок», «Тугарин» и т.п.

Мальчики назвали свой лагерь «Урал».

Окружение всегда влияет на живущих в нем. Эта биологическая истина относилась и к лагерю. Возьмем, к примеру, высоту в 7000 футов (2100 м). На такой возвышенности трудно дышать. Особенно это было заметно в первые дни, когда мы еще не успели привыкнуть к высоте, и когда нам приходилось особенно много работать по устройству лагеря. Ребята быстро

«скисали», многих клонило ко сну, болела голова, мутило, а работать надо было.

Главные работы по лагерю были закончены в течение трех дней. За это время поставили палатки, разведчики и разведчицы смастерили себе кровати, водрузили мачты, ворота, а в «Урале» построили вместо ворот замечательную башню с помостом, с которой дежурный обозревал местность.

Хребет Сьерра-Невада вулканического происхождения. Почва – пемза. На этой рыхлой почве деревья растут редко, что, до некоторой степени, мешало программе лагеря. Лесные игры проводить было невозможно. Какая тут игра, когда нападающего видно за сто футов, а сухая почва, усыпанная хрустящей хвоей, трещит под ногами так, что если даже нападающего не видно, то его хорошо слышно. Игра «Олень» отпала сразу.

Все же удалось провести ночную игру, которую, к большому негодованию мальчиков, выиграли девочки.

Место под лагерь было отведено лесничим, он же представитель федеральной власти, т.к. мы находились в национальном (заповедном) лесу. Лесничий встретил наших квартирьеров, приехавших на несколько дней раньше основной группы, весьма недружелюбно и сразу заявил:

- Рубить деревья нельзя! Если я найду хоть одну срубленную ветку с зеленью на ней – вы будете оштрафованы! –

Однако можно было пользоваться валежником, а его было такое количество и разнообразие, что мы быстро нашли строительный материал для мачт, мостов, кроватей, и пр., а дрова на топливо валялись повсюду. Запрет рубить деревья нас не смущал, страшнее была неприкосновенность воды. В ручейке нельзя было мыться, нельзя было его загрязнять, даже нельзя было ходить по воде!

- Чтобы в воде не были ни капли мыла! – рявкнул лесничий. Итак, нам пришлось в лагерь взять пластиковые тазики. Мы черпали воду из ручья, мылись, выливали под куст, набирали свежей, споласкивали мыло и снова выливали. Со стиркой было то же самое: набираешь воду, стираешь, споласки-

ваешь – раз, два, а то и три, до желаемой чистоты. Это занятие было скучное и затяжное, так что «желаемая чистота» никогда не достигалась, но основная пыль смывалась, а пыли было много.

Мы находились у подножья гор на границы самой настоящей пустыни. (Да и дорога в лагерь шла через пустыню). В лагере было страшно сухо, а от сухости появлялась пыль, которая покрывала все – палатки, вещи и нас. Но…привыкли к этому, даже привыкли к ледяной воде ручья, в которой по утрам до боли коченели руки. Долгое время белочки по утрам отказывались мыться. Приходилось опускать угол полотенца в ручей, и когда белочки стояли перед палаткой для смотра, я вытирала замызганные рожицы всем подряд. Холодная вода, попытка снять слой пыли, и махровое полотенце давали положительный результат, так что когда ски Марина Дегтяревская, начальница лагеря, подходила к беличьей палатке, она весело улыбалась, говоря:

- Какие они розовенькие, блестящие!- их раскрасневшиеся щеки действительно блестели.

На второй неделе лагеря обнаружили горячие источники, они били из земли и впадали в мелкую речку. Вода в речке была теплая, а местами даже горячая. Об этой речке лесничий нам ничего не сказал. Вероятно, она в его юрисдикцию не входила, потому что до нее было минут 25-30 езды. Мы в этой речке мылись каждый второй день, а пемза заменяла нам мыло. Через день мы ездили на озеро Джун купаться. У самого берега вода была не такой ледяной, и можно было просидеть в ней целых десять минут, а потом погреться на солнышке на травке.

В Калифорнии часто бывают пожары, особенно опасны они в горах. Трава, если и есть, то быстро вытаптывается или выгорает, поэтому костры раскладывать можно только в определенном месте. Такое место указал нам лесничий в мужском лагере, а про женский забыл, хотя обещал это сделать. Так что мы сами определили костровое место – прямо посередине лагеря.

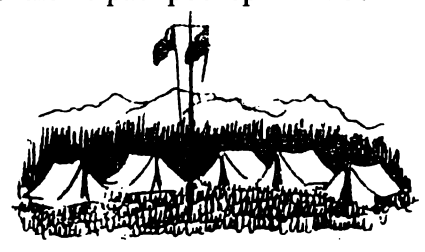
Несмотря на грозный вид и тон, лесничий привез для нас пять столов со скамейками и три совершенно новые печки. Обещал сделать мостики, заменив два толстых бревна переброшенных через ручей, но пока он раскачивался, мы сами навели их.

На вторую неделю лагеря приехал скм Евгений Бобров – золотые руки. В течение двух дней он смастерил для белочек качели, доску, чтобы можно было качаться, и навел еще два мостика в самых стратегических местах ручья.

Дни проходили быстро и весело. Занимались спортом, были состязания, совершались прогулки и походы. Разведчицы пошли в поход на 18 миль до Дьявольской почты. Это обрыв базальтовых кристаллов, образовавшихся миллионы лет тому назад. Время обнажило кристаллы и, если смотреть на них прямо, то они напоминают огромный темно-серый орган, а если вскарабкаться по рыхлой пемзе наверх, чтобы посмотреть на кристаллы сверху, то перед вами расстилается неровный пол, выложенный шестигранными плитками.

Мальчики ходили на кратеры Инио. Шли от лагеря напрямик, а по рыхлой пемзе, да по редкому лесу идти было очень трудно – устали. На эти же кратеры ходили белочки и волчата, но их подвезли на машинах к самому подножью, а оттуда они уже отмахали три мили наверх, и три вниз. И гордились своим похождением.

К концу лагеря приехал лесничий проверить все ли в поряд-е. Он был в восторге, увидев наши постройки. И тут же решил, что это место будет отведено под лагерь на веки вечныя, а наших разведчиков с тех пор все лесничие «Ручья умертого дяди» встречают с распростертыми объятьями.

МОЙ ПЕРВЫЙ ЛАГЕРЬ ВО МНОГИХ ОТНОШЕНИЯХ

Рассказывает скм. А. Аристова
Дэдменс крик, Калифорния 1966

«*П*ервым» он был для двух разведчиц, пяти белочек, трех волчат, трех разведчиков и для меня в качестве "белочницы" и в Калифорнии с дружиной «Нижний Новгород».

Утром 3 августа 1966 мы выехали из Лос-Анджелеса автобусом Грейхаунд и поехали в горы. Ехали восемь с половиной часов, и хотя в автобусе было приятно, но ребята утомились. Да и местность действовала удручающе: вокруг простиралась одноцветная однообразная пустыня без намека на тень или жизнь. Вдали тянулись каменистые горы, которые постепенно делались все выше. Только к концу пути, появились зеленые луга, леса, а на горах заблестели пятна снега. Косые лучи солнца, как волшебные кисточки, золотили пучки длинных игл на соснах. Воздух стал удивительно прозрачен – казалось, что сквозь синеву его можно увидеть первую звезду, которая вот-вот должна появиться.

Но ребятам было не до золотистых лучей и прозрачного небосвода, они устали, и казалось, что единственным развлечением их было поминутно спрашивать меня или Марину: «Когда мы приедем?» Мы как заеденная пластинка отвечали: «Когда приедем, тогда приедем». И вот, наконец, сказали: «Приехали!»

Автобус остановился у немощеной дороги, ведущей в лес. Тут стояли наши грузовики. Солнце уже садилось, когда мы прибыли в лагерь. Все сразу принялись за дело: начали ставит палатки, очищать территорию лагеря от кустов и веток, а тут

подоспел чай с бутербродами, приготовленный квартирьерами и кое-кем из вовремя подоспевших родителей.

После бесконечной суеты, происходившей, главным образом от возбуждения, нам, наконец, удалось устроиться. Мне предназначалось спать с семью белочками в одной палатке.

- Что мы завтра будем делать? – спросила меня деловито Лида, когда мы все сидели на своих койках и укладывались спать.

- Встанем, когда проснемся. Завтра подъема не будет. Пойдем…

- Ой, ой, смотрите, я стала надевать штаны вместо рубашки на руки! – пропела одна из девочек, напяливая пижаму.

Палатка разразилась взрывом смеха, который продолжался несколько минут.

- Так что же мы завтра будем делать? – повторила Лида, когда припадок смеха несколько спал.

- Встанем рано…

- В котором часу?

- Когда проснемся…

- Ну, дальше!

- Встанем рано, возьмем тазики и пойдем мыться, - продолжаю я.

- В ручье?

- Oh, no! Я не буду wash in this cold water!

- Во-первых, не in this cold water, а *в этой холодной воде*, - а во-вторых, - все будут мыться в ручье, и ты привыкнешь!

- Ой, мне даже холодно думать об этом!

- Ну, так что мы еще завтра будем делать, - снова спрашивает Лида, и нотка нетерпения вкрадывается в голос.

- После мытья уберем палатку. Завтра смотра не будет.

- А что такое *смотра?* – спрашивает Рая.

- Смотр… Марина, как начальница лагеря, будет проверять, чисто ли у нас в палатке.

- Она будет проверять все?

- Да. Как сложены вещи, как застелены койки, все ли висит на вешалках.

- У меня нет вешалки!

- Мы сами сделаем…

- Я умею – я умею – я умею делать вешалки! – кричит Лида, поднимая руку, как в школе.

- Ты меня научишь? – просят сразу несколько голосов. Лида спохватилась:

- Что мы еще завтра будем делать?

- Потом завтрак.

- Есть у вас лесное имя? – спрашивает Наташа.

- Есть.

- Какое?

- Дикая Коза.

- Можно Вас так называть?

- Можно.

- Д-дайте Д-дикой К-козе к-кончить! – негодуя, кричит Лида с особым ударением на согласные.

- Потом завтрак, устройство лагеря, обед, мертвый час, вольно, занятия… - продолжаю я скороговоркой, но и то мне не удается закончить.

- Какие занятия?

- Мы будем проходить двуглазку.

- Я уже сдала двуглазку.

- Дайте мне закончить! – кричу я.

- Молчите! – кричит Лида.

- Потом мы пойдем…

- Я не могу застегнуть мешок!

Я все же смогла рассказать о том, «что мы будем делать завтра»; правда, на это ушло пол часа, если не больше.

Девочки еще долго не могли заснуть: ворочались, вздыхали. Из соседних палаток доносились возбужденные разговоры. Делалось заметно холоднее. Дети съеживались, скатывались в комочки. Наконец, стало тихо. Я уснула…

- Мама! Мама! – слышу я голос своей дочки.

- Что тебе? – ворчу я сквозь сон.

- Я голодная!

- Ну, иди сюда, я дам тебе хлеба.

Наташа подходит ко мне. В абсолютной темноте я нащупываю кусок хлеба, остаток вчерашнего бутерброда, и ощупью кладу его в руки Наташи. Однако, съев хлеб, Наташа продолжает возиться.

- Что такое?

- Я не могу найти своей кровати!

Пришлось-таки встать.

- Вот твоя кровать! Лезь! – говорю я шепотом.

- Нет! Там чьи-то ноги…

-Никаких там ног нет! Лезь!

- Нет!

- Да это же твой спальный мешок, а не ноги. Лезь!

Наташа не верит, но я ее втаскиваю на койку и втискиваю в спальный мешок. В изнеможении я снова залезаю под одеяло. Сердце колотится, как будто готово выскочить. «Эх, горы, горы!» - думаю я, ворочаясь с боку на бок. «Люблю я вас, но как трудно дышать среди вас»!

Страшно хотелось спать, а сон не шел. Наконец пришел, и принес такие кошмары, что я и сну была не рада.

- Дикая Коза! Дикая Коза! – раздается шепот.

- Что тебе надо? – отвечаю я шепотом.

- Что это там?

Я прислушиваюсь – сквозь шелест ветра слышится мелодичное бульканье ручейка.

- Это ручей, - отвечаю я.

- Что?

- Ручей!

- Что-о-о?

- ВОДА!! – кричу я на всю палатку.

- О-о-о! – слышится ответ, - А я думала…- и голос что-то продолжает объяснять, но я не слушаю, а с головой залезаю под одеяло, чтобы еще раз уснуть.

Кругом слышались возбужденные голоса. В щели палатки пробивался яркий свет. Шесть часов утра! Ой, какая рань! Но лагерь поднялся, гудел, и о сне не могло быть и речи.

«В первый день в лагере все просыпаются очень рано». Вспоминаю я слова Марины, которая уже пятнадцатый раз в лагере.

Я собрала белочек, и мы пошли мыться. Первое прикосновение к ледяной воде было одним из самых неприятных ощущений в лагере. Сотни ледяных иголок вонзились в пальцы, которые покраснели как от ожога, и как-то неестественно скрючились.

Послышались крики: «Ай-ай!», стоны и вздохи, но надо было мыться, и мы с яростью начали заниматься этой полезной процедурой.

Весь день прошел в работах: мы таскали хворост для кухни, камни и шишки для лагерной границы, палки для вешалок и подставок. Немилосердное солнце, разреженный воздух и бессонная ночь оказывали свое действие – клонило ко сну. Но надо было работать. Стук топоров, которым так весело огласился утренний лес, делался все слабее и реже и, наконец, к вечеру стих.

Вечером, сидя у костра, мы стали думать, как назвать наш лагерь. Над головой сверкали огромные яркие звезды. Ветерок теребил пламенные ленты костра, вырывая из него пучки искр, стайками, взлетавшими к черному небу. Ручеек рассказывал камешкам какую-то длинную, мелодичную сказку.

- Мы – на острове, - рассуждали мы. – Надо нашему лагерю дать соответствующее название.

- «Остров Буян» - предложила одна разведчица.

- Да, да! замечательно! – отозвались все хором. И палатки решили назвать именами из русского фольклора. Белочки назвали свою большую палатку: «Чудо-юдо Рыба Кит».

Так прошел первый день в лагере – мой «первый» во многих отношениях.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ДЕНЬ В ЛАГЕРЕ

Рассказывает ски Маргарита Сувалова
Новый Павловск, 18 июля 1993 года

С тех пор как была построена наша лагерная часовня Св. Георгия (в 1968 г.) это второе венчание в нашей лагерной часовне. Первой супружеской парой оказались витязь Александр и Эллен Недда еще в 70-ых годах.

Вторая пара, о которой тут пойдет рассказ это шин. Борис Мальцев и друж. Марина Курбанова, т.е. теперь супруги Мальцевы младшие, в отличие от родителей, руководителей Оли и Славы Мальцевых.

Погода стояла солнечная и жаркая. Утро шло, как полагается в воскресенье: литургия, завтрак, общий подъем флагов на главной площадке.

После церемонии, все поспешили в свои подлагеря, чтобы переодеться в народные костюмы, и приготовиться к венчанию.

Мы, со скм Еленой Боголюбовой были начальницами лагеря белочек, и нам предстояло всех 14 девочек причесать (заплести косы) и одеть в сарафаны и кокошники.

Белочки наши выглядели прелестно! Закончив приготовление, пришли мы в часовню, которая вся утопала в цветах.

Жених, в черном смокинге, держался с достоинством, хотя, как и полагается, немного нервничал.

Священники – отец Владимир и отец Всеволод ожидали невесту. Лагерники и гости, в народных ярких костюмах, живописным полукругом стояли в лесной часовне. Радостные улыбки, и порой нетерпеливые взгляды, бросаемые на дорогу – не едет ли в автомобиле невеста?!

… И вдруг… мы остолбенели… по дороге галопом неслась карета, запряженная парой гнедых. На облучке кучер в синей косоворотке, рядом мальчик с образом в руках. В кресле в бе-

лой дымке сидела невеста со своей главной дружкой и сестрой – Катей Хоги. Карета пронеслась мимо часовни, но в конце дороги развернулась и затем уже медленно и торжественно подкатила к часовне. Невеста грациозно сошла с кареты, и поднявшись по деревянной лестнице, вошла в часовню и встала рядом с женихом.

«Гряди, гряди, голубица», грянул лагерный хор под управлением ст. скм. Михаила Данилевского.

Венчание проходило трогательно в рамках окружающей природы. Шло общее ликование: люди возносили песнопения к подножью Всевышнего. Звонко перекликались птицы.

Дружки в пестрых платьях, шафера в зеленых русских рубахах окружали брачную пару.

Борис и Марина выросли в летнем лагере, тут и познакомились и полюбили друг друга, твердо решив, что жизни свои соединят тоже в лагерной, такой дорогой и знакомой часовне, на лоне природы.

После свадебного обряда, отец Владимир проникновенно, даже прослезившись, поздравил молодых, а затем все лагерники поздравили и расцеловали новобрачных.

На кухне, с самого утра, кипела работа. Лагерная столовая преобразилась: столы были накрыты белоснежными скатертяи, и на каждом столе красовался букет ярких цветов. Центральная площадь превратилась в танцплощадку. Из Нью-Йорка прибыл русский бальный оркестр Гарри Нова.

У входа в столовую родители встретили молодых хлебом и солью. Когда же жених и невеста подошли к танцплощадке, вокруг них образовались хороводы и раздались песни. Это лагерники встречали молодых.

Это была настоящая русская свадьба, как в старое время в России. Так это все вышло красиво и непринужденно, что мы взрослые, стоявшие несколько в стороне, любовались и восхищались этим необыкновенным зрелищем.

Эти свадебные хороводы были подготовлены Л. Селинской в короткий срок.

Последовал обед – столы ломились. Каких только закусок здесь не было! Особым успехом пользовались пирожки и запеченный поросенок с яблоком во рту, около которого многие фотографировались.

Рекой лились безалкогольные напитки. На сладкое были поданы два больших торта – мастерство Аллы и Миши Рыль, фруктовый салат в виде райской птицы, и, конечно, мороженое.

Надо ли говорить, что после такого пира никто и думать не мог об ужине.

Тем временем оркестр настраивал инструменты… и… вдруг понеслись звуки вальса… и счастливые молодожены закружились в ритмичном вихре, увлекая за собой и остальных. Веселился и танцевал весь лагерь, начиная с зайчат, белочек и волчат и кончая прародителями.

Апофеозом веселья были русские пляски: особенно отличалась молодежь, своим задором увлекая даже маленьких детей. Смотреть на танцующих было одно удовольствие: ноги стремительно отбивали ритм, выделывали коленца или, притоптывая на месте, заставляли танцующего кружиться волчком… Руки плавно и широко раскрывались, как бы обнимая весь мир в щедром жесте русского танца.

На такой веселой, «многодетной» свадьбе никто из нас никогда еще не гулял!

Но на этом свадьба не закончилась. Вечером, когда уже все дети и их начальники разошлись по лагерям, в доме над озером, вне территории лагеря, был устроен второй прием только для взрослых.

Марина и Борис переоделись в «штатское» платье. Были поданы шампанское, вина и водка. На балконе жарили шашлык.

Вот так, всем лагерем, мы отпраздновали свадьбу близких нашему сердцу Бориса и Марины. Дай Бог им счастья и много деток, да пополнятся наши ряды волчат и белочек!

БОРЬБА СО СТИХИЕЙ.

Рассказывает скм Аста Аристова
Юбилейный лагерь
им. скм Андрея Ильинского
Нью-Йорк, 2009

*М*ожно сказать и «стихийная борьба». Первый бой произошел на третью ночь. Пошел дождь. Такой монотонный, шуршащий, под который так хорошо спиться.

- Аста!- слышу взволнованный голос Маши, моей «сопалаточницы».

- Н-да? –

- Дождь идет!

- Ну, так что?

- У нас брезента нет! Вы видели, на всех палатках сверху натянут брезент, а на нашей нет! Пять лет тому назад, когда мы были здесь, мы над нашей палаткой натянули брезент. Эта палатка будет течь! Я видела, где лежит брезент. Надо его натянуть!

Я тоже видела, где лежит брезент. Рядом с палаткой. Такой голубой, с запекшейся грязью в складках. Я также видела, что над каждой палаткой, как крыша, натянут брезент.

Делать нечего. Пришлось встать, натянуть тяжелые ботинки, нащупать фонарик, и вылезти из палатки. Дождик только моросил. Капли, задержанные густой листвой, падали редко. Можно даже не надевать пончо.

Осторожненько, бочком, спускаемся по узким ступенькам лестницы. Не холодно и достаточно светло, чтобы без помощи фонаря увидеть бледноватую тушу брезента. Он лежит как кит, по которому проехал паровой каток.

Мы поднимаем за края тушу, и с нее сыплются земля и сухие листья. Без слов, понимая, что нужно делать, втаскиваем брезент на платформу палатки. Пытаемся набросить на кры-

шу, и тут нас обсыпает градом трухи. Она сыплется на голову, в глаза, на плечи, за шиворот… Увы! Нам не дотянуться до мыса крыши. Палатка большая – домиком. Футов 6 в высоту. Мы с Маше пониже. Я - 5'4", а Маша - 5'2".

- Метелка нужна!- говорит Маша.

- Метелки у нас нет.

- Тогда палка. Я знаю, где она лежит.

Я тоже знаю. Около тропинки. Спускаемся с платформы, и под ручку, как обычно ходим ночью, поддерживая друг друга, чтобы не упасть, освещая путь слабенькими фонариками, идем по тропинке. А вот и палочка. Возвращаемся. При первом прикосновении палочки к брезенту, она ломается. Приходится забросить край брезента на вытянутых руках, а потом тянуть к противоположному концу. По мере того как мы разворачиваем брезент, на нас сыплются новые потоки всего того, что в нем накопилось.

Маша по одну сторону палатки, я по другую. Слышу голос Маши, но разобрать ничего не могу: дождь шумит, брезент шуршит, содержимое брезентовых складок тарахтит, падая на меня и на платформу.

Наконец, натянули.

- Криво! – говорит Маша.

Я и сама вижу, что криво. И не только криво, но брезент собрался жгутом, и задняя стена палатки не покрыта. Надо еще подтянуть. Я захожу за палатку, а там платформа обрывается, обрываюсь и я. К счастью не упала, просто сделала неимоверно большой шаг.

Несколько акробатически, ставлю ступни на самый край платформы подсунув под пол палатки, хватаюсь за брезент, тут подходит Маша, и мы вместе натягиваем его.

Красота! Можно идти в палатку.

- Ух, как душно! Дышать нечем! – пришлось открыть молнии боковых окон.

Аа, теперь можно лечь спать, но перед этим надо раздеться и под моросящим дождем вытряхнуть одежду и взъерошить волосы, стряхивая землю и хлопья сухих листьев.

Плечи рубашки немного влажные, но в теплом мешке, при теплом теле, они быстро высохли. Уставшие и спокойные, мы крепко уснули под убаюкивающий шум дождя.

Утро. Пора вставать. Открываю глаза, и вижу, в углу палатки стоит метелка. Хорошая, крепкая, длинная, с металлической ручкой… И как это мы ее раньше не приметили? Ведь живем в палатке без малого четыре дня…

Вышли. Любуемся нашей работой. Брезент совсем не плохо натянут! Хорошо поработали. По дороге на кухню идет Коля Лукьянов.

- Доброе утро!

- Доброе утро! – весело отвечаю, и подробно с юмором, да с жестами, рассказываю, как мы ночью натягивали брезент.

Но Коля не смеется, а с некоторым испугом смотрит на нас. Он явно озадачен.

- Вы бы меня позвали! Я ведь дежурю в штаб-квартире. Прислал бы вам шесть молодцов, они бы брезент натянули за пять минут!

- А я и не знала, что там кто-то есть!

- Ну, как же! У нас дежурный всю ночь.

Запомним.

Минут через пять проходит мимо Пако. Я и ему рассказываю ночную эпопею. Снова с жестами, да с юмором. И Пако не смеется. Он внимательно слушает, глаза становятся шире, также как у Коли и, наконец, говорит:

- Так эта же палатка не течет! Если бы она текла, я бы сам брезент на нее натянул.

Тэк-с…

****

Дождь пошел в предпоследний день лагеря часа в 3. Сначала моросил, а потом припустил и временами хлестал во всю.

Вечером лесной бал, и нужно было одеться соответственно своему лесному имени. С утра была открыта мастерская, где хранился приклад: ткани, картон, краски, перья, и прочее. Туда приходили и мастерили. Некоторые прибегали к тому, что можно было найти в лесу, как например «Старый дуб» обвязал

себя большими пластами коры и привязал несколько веточек с листьями. Предусмотрительные привезли с собой костюмы.

Ужинали под дождем. Одевались в палатках. Несмотря на дождь, столовая была украшена так, что при виде ее – мы ахнули. Площадка превратилась в настоящую лесную поляну. С навесов свисали зеленые ветки. Подъехал грузовик, а на нем «водрузили музыку».

Мы «старшие», точнее, «великовозрастные», тепло одетые и закутанные в пончо и плащи, уселись под навесом, и несколько раз пересаживались, потому что косой дождь бил до самой середины столов, стоявших под навесом.

Ровно в 8 часов грянула музыка, зажглись яркие прожектора и на площадку стали выходить лагерники в костюмах. Все они были радостные, веселые, ярко одетые. Костюмы были настолько хорошие, что лесные имена узнавались без затруднений. Тут были серны и зайцы, светлячки и пчелки, и разные птицы с большими и тонкими клювами, звездочки и стрекозы, и невероятный кит в голубом детском водоеме в форме кита.

Дождь лил не переставая, то моросил, то снова превращался в ливень. С лиц и оголенных плеч струилась вода. Рубашки промокли и прилипали к телу. Волосы клеились ко лбу. Клювы и другие картонные атрибуты поникли, а перья понуро свисали. Но кто на такие мелочи обращает внимание, когда гремит музыка и можно танцевать? Молодежь танцевала, смеялась и веселилась. А старшее поколение с удовольствием смотрело.

Был парад костюмов. Лучшим оказался светлячок, получившим первый приз. В какой-то момент появился замечательный торт с большой золотой лилией и цифрой 100. Вкусный, огромный, на всех хватило, даже добавка была. Лагерники остались в восторге.

Но вот прозвучала команда стать на молитву, а после нее все разошлись, остались только взрослые, да дежурные убирать зону веселья. Наконец стали прощаться.

- Пойдем по дороге, - сказала Маша, - а то наша дорожка через лес превратилась в болото. Мы на горку не заберемся.

Я беспрекословно согласилась, представив, как с горки стекают быстрые ручьи, а сама она стала такая скользкая, что на нее и не взобраться.

Взялись мы под ручку, и пошли по дороге. Одной рукой держимся друг за друга, а в другой фонарик. У Маши луч фонарика светлее и больше, а мой бледненький-желтенький и уж очень маленький. Однако лужи видны. А в лужах огромные пузыри, надуваются и лопаются. Идем, пошатываясь, тянем друг друга в сторону, оберегая, чтобы спутница в лужу не наступила.

Идем, идем… А Маша говорит:

- Надеюсь, что наш брезент опять не налился водой. Я его уже раз выливала!

Тут я сообразила, что брезент свисал через раму, и между рамой и крышей палатки мог образоваться желобок, а в нем могла собраться вода…

- Ой! Лужа! Ай, осторожно! Сюда-сюда! – приговаривали мы, обмениваясь впечатлениями. Что-то долго шли. Где же дорога направо, на которую надо свернуть?

Вдруг навстречу кто-то идет и светит большим, ярким фонарем. Мы обрадовались. Живая душа! Давно никого не видели.

- Добрый вечер! – вежливо поздоровался молодой руководитель.

- Добрый вечер! – вежливо ответили мы.

- Вы куда идете? – «Вот глупый вопрос! Как куда? Не гулять ведь»! Подумала я.

- В палатку. – Ответили мы в унисон.

- Так ваша палатка там – (и он показал в сторону), – а здесь мужской лагерь!

Тэк-с…

Мы хихикнули. Повернулись на 180 градусов, и довольно скоро пришли к дороге. Оказывается, она была в том месте, где разлилась особенно большая лужа, которую мы решили обойти.

Дорога вела вверх, и превратилась в каскад, и нам пришлось идти как по руслу ручья – против течения. Дошли до палатки и ужаснулись. Несмотря на дождь, было достаточно светло, чтобы различить огромную тушу. Как будто к крыше подвешен кит. Мы ткнули его снизу. Через край плеснула вода, но форма его не изменилась.

- Он палатку порвет! Надо его снять! – завопила я.

- Надо метлу! – крикнула Маша и побежала за метлой. Но это не помогало. Мы тыкали руками и метлой в мешок, вода выплескивалась, но так быстро наливалась, что казалось, что брезентовое чудище растет с каждой минутой. Я решила стащить его, протолкнув край между рамой и палаткой, чтобы вода вылилась.

А он тяжелый, неповоротливый, вода переливается, но не выливается. Я повисла на краю брезента. Брезент поддался, край опустился, и на меня хлынул поток, водопадом сбежав по пончо и джинсам. Я стянула брезент с крыши, и в сердцах бросила на землю за палатку. Уф!

Маша зааплодировала! Кстати, дождь был на удивление теплый. То-то ребята танцевали под ним, и не мерзли.

Мы вошли в палатку. Пончо оказались хорошими, подмокли только края рукавов кофты, а вот с джинсов струилась вода. И тут возник вопрос: как отжать мокрые джинсы под проливным дождем?

Я их положила посередине палатки, подальше от других вещей. В палатке все отсырело, а вот пижама в спальном мешке, была сухой. Подушка была влажная, но это ничего.

Ах, как хорошо спалось под шум дождя, в теплом сухом спальном мешке, на воздушном матрасе. И когда с нарастающим шумом мчащегося поезда дождь припустил так, что казалось, мы стоим под Ниагарой - мы ничего не боялись. Палатка хорошая! Не протекает!

А утром светило солнце. Джинсы отжала, повесила на край платформы, и они за несколько часов высохли, а главное – стали совсем чистые, как выстиранные.

Считаю, что этот бой со стихией выиграли мы.

ХОКИ-ПОКИ

Рассказывает скм. А. Аристова
Лагерь-слет, Карелия 2009

You put your right foot in,
You put your right foot out,
You put your right foot in
And you shake it all about,
You do the Hokey Pokey
And you turn yourself around,
That's what it's all about.

На второй день лагеря подошла ко мне Аня Левицкая:

- Тетя Аста сегодня после обеда у волчат и белочек будут занятия на тему об индейцах, и нас просили разучить с ними индейский танец. Вы можете помочь?

- Уф! Ты была когда-нибудь на индейском пау-вау?

- Нет.

- А я была. Довольно скучно. Барабаны бьют: то-то--там-там! То-то--там-там! А индейцы, в своих нарядах, ходят по кругу и в такт притоптывают «там-там». Мы ушли минут через 15. Так в голове и стучало: «то-то--там-там!»

- Так что же делать? Какой танец разучить?

- Хоки-поки! Ты знаешь хоки-поки?

- Конечно, знаю. Но это же не индейский танец!

- Не важно. Он легкий, много движений, и все смогут его танцевать. Только надо его как-то объяснить. Дай, подумать... И я надумала (да простят мне краснокожие братья наши!): Расскажи им, что раз жил-был маленький мальчик индеец по имени Хоки, и он все делал не так. Был не расторопный, все время что-то терял, забывал, что куда положил, всегда где-то застревал, опаздывал... Его и прозвали «Поки» - «Копуша», и стали его учить как себя вести. И тут можно сразу перейти на танец. «You put your right hand in», и так далее. Даже переводить не надо.

Для тех, кто не знает английского – вот вольный перевод:

«Руку правую - вкруг,
Руку правую - вон,
Руку правую - вкруг,
Потряси ей вокруг...
Так танцуют хоки-поки
Повернись вокруг.
Вот и дело все тут».

Сопровождать песенку движениями просто, особенно, когда смотришь, как это делается. Не собьешься.

Начинают песню-танец, поставив «руки в боки», при словах «руку правую вкруг» - руку правую вытягивают вперед. «Руку – вон», значит руку назад. Затем снова вперед, потрясти и повернуться вокруг своей оси. При повороте трясти обеими руками над головой. То же самое проделывается с левой рукой, правой ногой, левой ногой, и, наконец, всем телом - «целиком себя». Когда доходит до «целиком себя», то при этих словах нужно прыгнуть в круг. В оригинале частей тела гораздо больше, там и локоть, плечо, голова и пр... Но для нас рук, ног и себя было вполне достаточно.

Настал «индейский час». Явилась «Мать племен» - очаровательная дружинница Полина Миронова в «настоящем» индейском одеянии, с лентой на лбу и двумя перьями. «Раскуривала» она длиннющую трубку мира, выглядевшую вполне аутентично, вот только дыма не было. Она несколько пошатывалась, и закатывала глаза, видно «накурилась». Явилась и «Старейшая» - штабинструктор Инна Кобозева. Длинные черные волосы заплетены в косы. На лбу повязка, а в ней два пера. Одно чайки, другое вороны. «Старейшая», всегда такая милая, на этот раз была олицетворением строгости. Даже голос на октаву понизила. Не может быть и сомнения, что дети не узнали своих милых руководительниц, но дети охотно втягиваются в любую игру. Раз руководительница говорит, что она индианка и «Старейшая», а та - «Мать племен» - значит, так оно и есть! Все было принято как должное.

Инна вела программу, приглашая нас – бледнолицых сестер из страны краснокожих братьев и сестер рассказать больше о краснокожих братьях и сестрах.

Дети сидели тихо и внимательно слушали. Они знали об индейцах больше, чем мы ожидали. Приняли рассказ о Хоки-Поки за чистую монету, а танец исполнили вместе с нами калифорнийцами так умело и с таким энтузиазмом, как будто он им был хорошо знаком.

Затем Старейшая начала учить их делать индейские украшения, завязывая в кожаных шнурах узелки и нанизывать бусины. Мы стали прощаться. Уходя, я обратилась к Старейшей:

- Как вас зовут? Мини-хаха?

- Мини-тонка! – ответила она не задумываясь, и углы губ чуть дрогнули в улыбке…

Я призадумалась: а почему я выбрала «хоки-поки»? Ведь можно было взять то, что у скаутов называется индейской песней и танцем: «Чин-чан-гу гура-гура вача». Слова простые, мелодия приятная, танец аутентичнее и проще хоки-поки. Нет, тут сыграло что-то подсознательное! И я поняла – ведь я сама каждое утро проделываю «хоки-поки»! Просыпаюсь. Из лежащего положения перехожу в сидящее. Сразу на ум приходят слова: «Из палатки очень трудно вылезать». У нас были палатки-«пузырьки». В них можно только лежать и сидеть.

При вылезании я проделываю «хоки-поки». Сначала из палатки высовываю правую ногу («правую ногу – вон»!) и трясу ей, надевая ботинок. Завязав шнурки, я ставлю ногу на землю. Затем: «ногу левую – вон!» Из палатки вылезает левая нога, и ей надо потрясти, надевая ботинок. И вот, обе ступни на земле. Ноги согнуты, вытянуть их и положить на землю не хочется – трава мокрая от росы, да и край у палатки такой, что если я положу на него ноги, палатка начнет ходить ходуном. Я опираюсь руками, делаю что-то вроде весьма провисшего мостика, отталкиваюсь, и рывком встаю: «и целиком себя - вон» - и я вне палатки.

Доброе утро!

ЧАСТЬ IV

МНОГО ВЕРСТ

Много верст походом пройдено
По земле и по воде,
Но любимой нашей родины
Не забыли мы нигде...
(«Болгария»)

СКАУТСКАЯ ПЕСНЯ

Скм. И.А. Гарднер
Белград, 1922 г.

Гей, слетайтесь, братья,
Под патрульный флаг!
Песню начинайте
Размеряя шаг.

Время уж настало
Нам в поход идти,
Город покидая,
Песню завести.

В золотое поле,
Скоро мы придем.
Песню там на воле,
Дружно запоем.

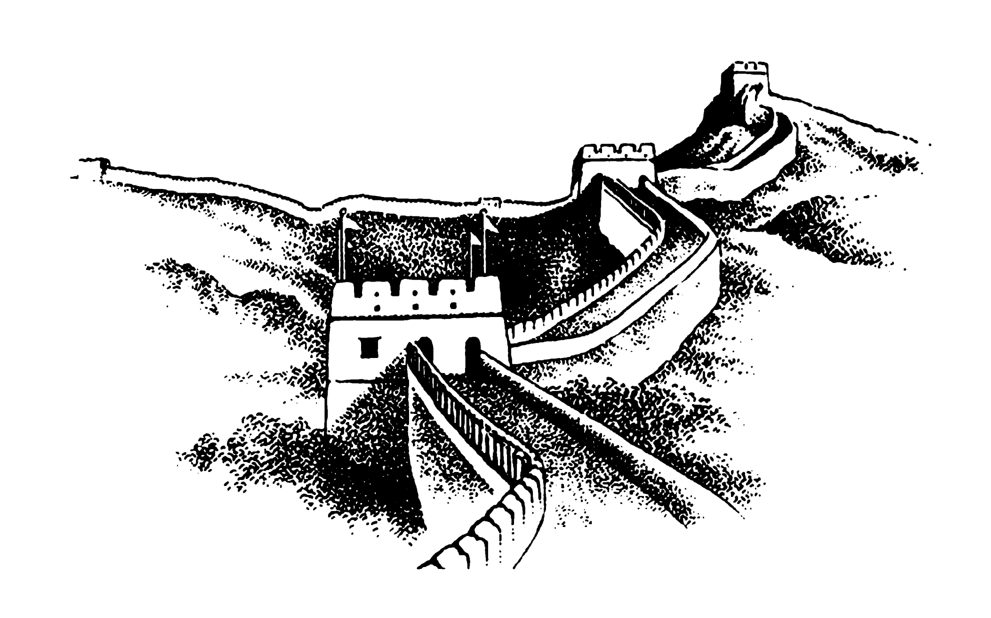
Мы споем про волю,
Неба синеву.
Про красу природы,
Ночи тишину.

В песнях наших звонких
Вспомним о Руси.
Ей поклон глубокий
Шлем мы до земли.

Мы споем про предков,
Славные дела.
Добрым их примером,
Вдохновим себя.

Мы споем про правду,
Про любовь и свет.
Мы споем про радость,
Юношеских лет.

Разливайся ж, песня,
Увлекай сердца.
И зови к веселью,
К деланью добра.

ПОХОД НА ВЕЛИКУЮ КИТАЙСКУЮ СТЕНУ

Рассказывает скм Олег Левицкий
Тяньцзин, 1935 г.

Это было давно, более 60 лет тому назад. И это было далеко, в восточном Китае. Жили мы тогда в Тяньцзине, и была у нас скаутская дружина, а в ней 2-ой отряд имени Св. Владимира. Было в отряде 3 звена: «Лисица», «Орел» и «Буйвол». «Буйволов» было шестеро, и я был их вожаком, а было мне тогда 15 лет.

В программу лагеря входил поход на одну неделю. Мы решили пойти на Великую Китайскую стену. Как-то в воскресенье утром, после завтрака мы вышли всем отрядом – человек 20 и направились в сторону Великой Китайской стены. Моросило, но мы на это не обращали внимания. Шли напрямик, и хотя на месте лагеря грунт был твердый, так что мы могли

вбивать колья и ставить мачты, дальше от моря был песчаник, поросший высокой травой и низким кустарником.

Во время привала, один из наших спутников отошел в сторону, и вдруг прямо перед ним в песок зарылся снаряд. В то время японцы уже начали пробираться в Китай, и проводили на берегу моря маневры. На счастье, снаряд не разорвался, а может быть, был холостым. Мы не проверяли, а как можно скорее пошли дальше.

Дошли до реки, а через нее железнодорожный мост. Реку не обойти – она впадает в море, ее не переплыть – слишком быстрая, и не перейти вброд – слишком глубокая. Единственный выход – пойти через мост. Он не был рассчитан на пешеходов: ни перил, ни настила для путника. Пришлось идти посередине, прямо по шпалам. Мы построились – спереди вожак, посередине вожак и сзади вожак и быстро, молча, не глядя по сторонам, перебрались на другую сторону.

Так мы дошли до железнодорожной станции – Шанхайгуань, где и решили заночевать. К этому времени мы промокли. У меня было с собой пол мешка муки, и я повесил его себе на шею так, что он упирался в ранец. Мука подмокла и отяжелела, как будто у меня на шее висел мешок цемента.

Станция была недалеко от границы, и на ней было таможенное отделение: под навесом стояли прилавки для просмотра багажа, на них мы и расположились. А дождь шел не переставая.

Мы растянули веревки, развесили на них мокрые вещи. Из посохов сделали флагшток и подняли трехцветный флаг.

Поужинали – каждый достал свою провизию, а перед сном устроили спуск флага.

Из-за дождя нам пришлось ночевать на станции ночи три. Мы каждый день устраивали подъем и спуск флага, и после завтрака, оставив дежурных, отправлялись в поход, обследовать окрестность.

Наконец, дождь перестал, и мы направились прямо к стене. Она стоит на самой вершине крутого хребта. Дорог к ней нет, и мы стали подниматься через лес. Тут уж без посоха не обой-

тись! Он стал третьей ногой. Мы опирались на палку и отталкивались. Так с трудом, забрались наверх. Отдышались, потом вскарабкались на стену, и пошли по ней. Это было здорово! Вид оттуда замечательный. Как с птичьего полета. Прошли мимо бойниц. Осмотрели одну из сторожевых башен. Любовались дикой местностью.

Дошли до буддийского монастыря, втиснувшегося в отроги гор, и как бы прилипшего к стене. Зашли и попросили разрешения переночевать. Нас охотно пустили и предоставили довольно просторное помещение.

И тут мы обнаружили свою оплошность. Мы не рассчитали, сколько нам нужно провизии, и к ужасу заметили, что после этого ужина у нас почти ничего не останется. Денег ни у кого не было, кроме Марка Коростовеца. Ну, понадеялись на Божью помощь и, помолившись, съели, что было и запили монастырским чаем.

На утро я взял подмокшую муку, пошел на кухню, добавил к муке еще воды, превратив все в жидкое тесто, и на плите нажарил лепешек. Ребята с большим аппетитом съели все, снова запивая чаем. Все остались очень довольны таким завтраком, и не обратили внимания на то, что в лепешках не было ни соды, ни соли.

После завтрака пустились в обратный путь. Перед нами был крутой лесистый склон, изрезанный оврагами. Спуск оказался труднее подъема. Все время из-под ног выскакивали камни, и идущие сзади только и кричали:

- Осторожно! Ка-амень!!

Нашли более пологое место и устроили привал, и тут мы заметили, что не хватает одного звена. Вероятно, эти пять человек пошли по другому оврагу. Так оно и оказалось, мы вскоре увидели их на соседней горе, помахали друг другу и пошли дальше.

Спустились к реке. Расположились, и провели пол дня, отдыхая после утомительного похода. Однако надо было перебраться через реку. Возвращаться к железнодорожному мосту, который находился вниз по течению от нас, мы не хотели, хо-

тя это и было недалеко, и мы увидели, как наше «потерявшееся» звено шагает через мост. Мы же решили искать брод. Послали самого сильного пловца вверх по течению, и он через некоторое время вернулся, сказав, что нашел место, где можно перейти реку, но маленьким там будет по пояс.

Все же отправились туда. Действительно, здесь было не так глубоко, но течение было сильное. Построившись, взялись за посохи – одной рукой каждый держал свой посох, другой – чужой, и так сделали цепь. Стали переходить реку. Течение сильное, сбивает с ног. Вдруг один из маленьких выпустил из рук посох.

- Хватай посох!- кричим ему.

- Мама! – кричит он. Ему помогли, и все благополучно выбрались на другой берег.

Вода с нас струилась ручьями. «Как бы не разболелись», подумал я, и дал команду:

- Стройся!

Ребята построились, и я их заставил бегать – взад вперед, пока они не согрелись и у них не просохли рубашки. Ни один не заболел!

Не помню уже точно, где мы ночевали, но помню, что были очень голодные. И вот, набрели на деревню. Есть хочется. Послали вперед Шурку Краснова, он прекрасно говорил по-китайски, пусть разузнает, где можно поесть. Шурка нашел не то старосту, не то какого-то зажиточного крестьянина. Тот нам показал на два дерева, сплошь покрытых маленькими яблоками – *ранетки* назывались они у нас.

- Ешьте, сколько хотите,- сказал он.

Как налетели наши на эти деревья, так через пол часа ни одного яблока не осталось. Все обчистили! Голодные были.

Дошли до следующей деревни. Теперь вся надежда была на Марка, единственного с деньгами. Когда Шурка стал спрашивать о том, где можно купить чего-нибудь поесть, ему сказали, что незадолго до этого, проходили через деревню такие же ребята, было их пять человек, но денег не было и они заложили свои эмалированные тарелки. По-видимому, это звено хоть и было без денег, но у каждого была с собой тарелка, которая и пригодились, чтобы купить себе пельменей.

Нас здесь накормили такими же пельменями. Это было самое дешевое блюдо. Мы выкупили тарелки, и пошли дальше вдоль железной дороги. Дошли до станции, расположились, заняв зал ожидания. На оставшиеся деньги заказали себе ужин. Через некоторое время нам принесли на коромысле две банки горячей воды и лепешки. Наесться, не наелись, но голод притупили.

Легли спать рано и в 5 часов утра уже встали и отправились обратно в лагерь. Шли быстро, голод подгонял и вернулись как раз к утренней молитве, ровно через неделю, после того как мы вышли из лагеря. Было воскресенье, а по воскресеньям на завтрак давали булочки…

МЕДВЕЖИЙ ПОХОД

Рассказывает Барсук
Калифорния, 1951 год
«Свисток» №21

Еще задолго до официального основания нашего звена «Медведь» мы с ребятами ходили в походы, которые с разведческой точки зрения были довольно бестолковыми, но все же интересными и с массой приключений.

Однажды летом «Тарзан», «Лось», Миша Орлов и я решили отправиться в поход на гору Тамалпас *(немного на север от Сан-Франциско. Ред).* Выехали мы рано утром автобусом, в котором кроме нас почти никого не было, т.к. это был рабочий день. Для поднятия настроения, я заиграл на губной гармонике, аккомпанируя трем козлетонам. Шоферу, по-видимому, не нравилось наше пение, и если бы нам не надо было выходить, он рано или поздно выкинул бы нас из автобуса.

Как только мы начали взбираться на гору, собрались тяжелые темно-серые тучи, предвещавшие грозу. Мы присели для совещания как быть, и вынесли решение, игнорировать дождь и продолжать поход. Не успели мы пройти пяти шагов, как Лось заявил, что у него что-то промокло в сумке. Оказывается, он на ней сидел во время совещания, и раздавил картон молока и виноград.

Перепаковав сумку, мы продолжали идти. Вскоре мы вышли на шоссе. Разложили карту, чтобы наметить маршрут. В это время забарабанил проливной дождь. Мы прибежали к ближайшему дому, и попросили хозяина разрешения переждать в гараже. Он согласился. От скуки мы запели «Ревела буря». Дождь перестал, и мы пошли дальше. Миша все время волновался, чтобы не прикоснуться случайно к листьям ядовитого дуба, от которого у некоторых людей, появляется жуткая опухоль и чесотка. Обходя каждую ветку, он поминутно спрашивал: «Не это ли он»? Ядовитый дуб бич американской природы. Он везде – в лесах, полях и даже парках. «Тарзану» это на-

доело, и он пошел напролом через кусты, чтобы рассеять Мишин страх. Снова полил дождь, но мы шли вперед.

Вскоре мы пришли к обрыву. Его можно было обойти, но мы решили идти прямо, не обращая внимания на препятствия. Я достал веревку, и мы по ней спустились в овраг, и очутились перед густым кустарником. Я первым пробовал пробраться сквозь чащу, но застрял, и вернулся. Тут «Тарзан» повернулся задом, и, согнувшись, с треском начал прокладывать себе дорогу через кусты. Мы последовали за ним тем же способом, и вскоре вышли в сосновый лес.

Пройдя немного по лесу, мы наткнулись на цепную собаку, которая начала лаять. Тут мы поняли, что вторглись на чью-то частную собственность, которая в Америке является врагом разведчества №2, после ядовитого дуба. Увидев дом хозяина этой земли, мы поспешили скрыться из виду, и пошли в гору по узенькой тропинке. На вершине холма мы сделали привал и перекусили. Промокли мы, как говорится, до костей.

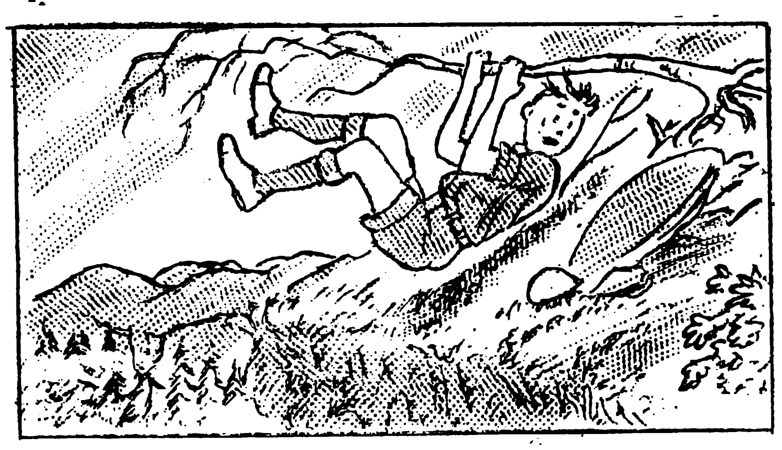
Напитавшись раскисшими бутербродами, мы решили отправиться на соседнюю горку, освещенную солнцем. Забравшись туда, мы сняли верхнюю одежду и выжали из нее «лишнюю» жидкость. Высушив одежду, мы отправились в обратный путь. Шли по крутому скалистому спуску, покрытому скользким мхом. Я предупредил звено, чтобы шли осторожнее. «Лось» шел впереди. Увидев перед собой небольшую скалу, под которой протекал ручей, он не подумал обойти ее, а полез прямо вниз. Вдруг он поскользнулся на мокром мхе, шлепнулся и поехал вниз. Из-под него, как из под моторной лодки, летели брызги. Все это было забавно, но склон кончался обрывом в три метра. Упасть с него - удовольствие ниже среднего. Застыв на месте, мы смотрели, что будет дальше. Помочь мы ему не могли. К счастью «Лось» зацепился за поваленное деревцо, лежавшее поперек ручья и благополучно спустился. Увидев, что все в порядке, мы захохотали как дикие, а он поднялся со стоном и улыбнулся. После этого случая, мы его прозвали «Лось на колесиках».

Мы решили срезать себе посохи. Облюбовав хорошую ветку, я согнулся, чтобы ее срезать, но почувствовал страшную боль в руке. Меня ужалила оса. Я закричал. «Тарзан», услыхав мой крик, испугался, и побежал мне на помощь. Но, не добежав до меня, он завопил и кувырком полетел в ручей.

Испугавшись за него, я забыл о своем укусе и побежал к нему, но через несколько секунд последовал стремглав за ним в ручей. Оказалось, что за этой осой, летел целый рой. Я уже сам не помню, что было дальше. Судя по рассказам других, мы с «Тарзаном» бросились в воду и отчаянно барахтались, потом выскочили и побежали в разные стороны. Миша растерянно наблюдал эту сцену. Когда мимо него пробежал обезумевший «Тарзан», а за ним рой ос, Миша согнулся, и осы пролетели над ним. Я на ходу обливал себя из фляжки, и бил ею, сидевших на мне ос. Бил здорово, не взирая на боль. Почему-то на ходу я изорвал карту.

Когда все кончилось, мы начали «считать раны». Оказалось у меня семь, а у «Тарзана» 15 укусов. Смазав раны йодом из нашей походной аптечки, мы отправились прямо к автобусной остановке.

На следующий день я узнал, что «Тарзан» заразился ядовитым дубом, а Миша, который его так боялся, остался цел и невредим.

Волчий Клык

БЫЛИНА О ПОХОДЕ СОКОЛА И РЫСИ

Поет скм. Павел Уртьев
Калифорния, 1951 г.
«Свисток» №23

Не ворона каркает про битвы давние,
Не кукушка кукует о свадьбах новых,
А то Сокол поет о были явныя,
О были явныя, про поход свой земной,
Про поход свой по пустынным местам,
Про поход по пустынной, по Калифорнии,
Про поход свой с Рысью, Рысью хитрою.

Было то уж много лет назад.
Собрались они в свой далекий путь,
В дальний путь, путь тяжелящий.
Долго шли тропой, шли без отдыха.
Надо бы им свернуть давно,
А они идут, не оглянутся.
И вдруг град стоит, град неведомый!
Не должно видать им града этого!
Не туда пошли, гой, детинушки!
Вот пришлось идти миль шесток назад,
Что и сделали, не задумавшись.
Шли они без еды, шли без отдыха.
Песни пели, да не о девицах,
Не достойны, мол, долговласые,
Чтобы петь о них в столь тяжелый час.

Вот дошли они до озерца яснаго.
Ясно озеро – вода мутная,
Пить нельзя, и пришлось уйти.
Пошли далее напрямик пошли,

Через земли шли, им запретные,
Посторонним вход воспрещается.
Шли они, не позавтракав,
А водицы здесь, ну ни капельки.
Лишь две фляги полные по бокам висят.
А вокруг леса, скалы мощные,
Да обрывы, глушь, леса черные,
От пожарища обгорелые.
А они идут, все без выхода…
Не видать конца этим чащищам,
Не видать конца лесу страшному
Не журчит вода, не шумит волна…
Вот уж ноженьки не хотят идти…
Вот уж воздуху не набрать никак…
Не видна вода, не сверкнет волна…
И вдруг счастье им улыбнулося:
И услышали, ручеек журчит.
Вот на радостях в бездну прыгнули,
В черну глубину, чрез кусты колкие.
Им уж все равно, не до кустов колючих.
Они воду искали как манны небесныя.
Нашли воду тут, и утешились…
Отдохнули, да покушали, как положено.
Наболтались, да намылися, да и выстирались…
Как исполнили все заданьица,
Как сложили барахлишко бренное,
И пустились вновь, но в обратный путь.
В путь обратный, по тропе другой.
На пути нашли мешок с рухлядью.
Мешок с рухлядью, не давно потерянный.
А потерян был неким Быковым,
Он в походе был за два дня до них.
Вот добралися до ложа ночного.
Наелись досыта, почевать легли.
Ночь темна была, никого не видывать,
Ночь темна была, никого не слыхивать,

Только начали комары жужжать.
Начали жужжать, да ужаливать,
Так что сладкий сон пропадя у них.
Но не все страхи в комарах заключилися,
Тут им в полночь было еще развлеченьице:
Заорет вдруг чудище, поросенком резанным,
И кричит-орет в одном шаге от них!
То шатавшийся койот от испуга так ревет.
Выгнал их со сна в стужу лютую.
Прогнали чудище, снова спать легли.
До рассвета все ж удалось поспать.
А там утречком, снова в путь пошли,
И пришли домой в час назначенный.
Так к подъему флага, к девяти часам.

Тут не сказка вам, про бычка белаго,
Тут вам быль дана про Рысь да Сокола,
Как бродилось им по Калифорнии,
По местам глухим и без питья-воды.

На сем песнь моя и кончается!
Благодарствую за внимание!

НА ВЕЛОСИПЕДЕ К ПОЛЯРНОМУ КРУГУ

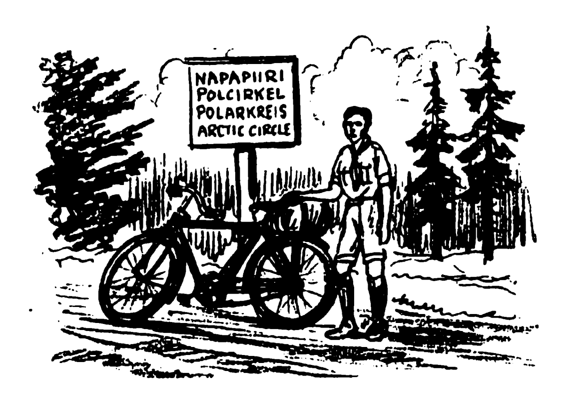

Рассказывает Олег Шубанов
Германия, 1952 г
«Свисток» №31

Северная окраина Финляндии меня всегда интересовала. Там, в Лапландии, доживает вымирающее племя православных лопарей, там православный Печенгский монастырь, основанный в 16-м веке преподобным Трифоном.

За зиму изучаю литературу о крае. Проверяю свой старый велосипед, исколесивший уже всю Финляндию вдоль и поперек, оставив за собой более 30.000 километров. Дорога предстоит немалая: от Гельсинфорса до Петсамо столько же, сколько от Гамбурга до Ниццы. Кроме того, финские песчаные дороги местами еле пригодны для велосипеда. Подыскиваю себе товарища. Наконец, один соглашается ехать со мной. 20 июня 1952 года мы трогаемся в путь. Плавно двигаются по дороге наши тяжелые велосипеды, слегка покачиваясь на рытвинах. Один за другим прощаются с нами гранитные километровые столбы. Сколько их еще будет?

Продвигаемся на север по полям, где не раз лилась русская кровь в войнах со шведами, и где еще до сих пор не перестают находить брошенное в битвах оружие. Приезжаем в город Рованиеми, куда, то и дело, приезжают жители пустынного севера. Это люди необыкновенные. С громадной сумкой за спиной, в высоких, выше колен желтых лапландских сапогах, с загнутыми кверху носками, с ножами у пояса – это люди, которым ничего не стоит пройти по вязким северным болотам десятки километров. Они запасаются здесь продуктами и водкой, которую в Лапландии легально нельзя купить.

В восьми километрах за Рованиеми, у дороги, стоит белый столб, с надписью на четырех языках: «Полярный круг». Тучи мошек облепляют нас, не давая возможности позировать для фотографии. Они ползают по рукам, шее, лицу, забираются в ноздри, глаза, и надоедливо жужжат в ушах.

Небо заволакивается темными тучами. Дует холодный ветер. Дальние холмы вскоре затягиваются серой завесой, быстро движущейся на нас. Начинает моросить унылый дождик, от которого никуда не укроешься. Озябшие и промокшие мы подъезжаем к постоялому двору. Найти его нелегко: надо иметь лапландское чутье, чтобы догадаться, что изредка поставленные между деревьями жерди указывают к нему дорогу. За широкой рекой синеют вдали очертания гор, а из просвета между тучами как-то совершенно необычно, светит ярко-желтое, полуночное солнце. Ночуем в амбаре, ночью холодновато +1°С.

Через 100 км подъезжаем к шлагбауму. Это Вуотсе – первая лапландская деревушка. Здесь пограничная станция. Проверка паспортов.

Лапландия – страна нетронутых лесов, где высохшие на корнях сосны десятилетиями протягивают свои корявые ветви к югу, пока налетевшая буря не свалит их в причудливые пирамиды. Лапландия – страна разбитых надежд золотоискателей, страна голых гор, серых скал, быстрых бурлящих ручьев. По крутому шоссе поднимаемся вверх, через низкий сосновый лес, которому, говорят, более 300 лет. Так медленно растут здесь деревья, сердцевина которых, однако крепка как кость.

Мимо шумящих водопадов, огибая чудесные «альпийские» озера, где пасутся на лето отпущенные олени, где дичь вылетает прямо из-под ног, крутым спуском подъезжаем к серым деревянным постройкам самого северного в мире монастыря.

ПЕЧЕНГСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Юношей ушел преп. Трифон в Лапландию. Двадцать лет проповедовал христианство лопарям – язычникам. В 1533 году преподобный сам построил и освятил первую церковь, а в 1556 году уже был создан монастырь, который был пожалован царем Иоанном Грозным «морскими губами, всякими рыбными ловлями и морским выметом, коли из моря выкинет кита, или иного какого зверя, и морским берегом, и его островами, и реками, и лесами, и звериными ловлями, и лопарями, которые лопари наши данные, ныне суть и впредь будут»... Не долго, просуществовал монастырь: в 1590 году шведы напали на него, сожгли, а братью 51 человек, зверски замучили.

Мы остановились в двухэтажной монастырской гостинице. Вышли посмотреть на окрестность. Рядом за небольшой бревенчатой церковью, где извивается река, высокий монах ловит рыбу.

- Не ловится что-то, - говорит он, - была бы лягушка, да вот не найти никак.

Его удочка состояла из куска веревки с самодельным крючком. Свободный конец веревки он замотал вокруг куста.

Лопари – все православные, говорят по-русски, хотя с особым акцентом. Впечатление оставляют жалкое: низкорослые, болезненные, уже с малых лет часто беззубые. Зачастую живут в курных избах. Посреди комнаты дымящийся очаг, да две скамейки, - вот и все. Живут бедно, но из-за лени мало заботятся об улучшении своего положения.

- Когда мы сюда приехали, - рассказывает отец келарь, - лопари понятия не имели об избе, печи или земледелии, а

между тем здесь созревает картофель. Обратите внимание, как они содержат своих овец – несчастные едва могут повернуться в своих маленьких земляных загонах.

Вблизи монастыря две лопарские деревни. Одна из них называется «Москва». Название это первоначально шуточное, теперь упоминается даже на шведских картах. Поехали осмотреть «Москву»... Авксентий Е., типичный лопарь со скуластым лицом и черными волосами, приглашает нас зайти выпить чаю. В сенях неимоверный дым от тлеющих листьев, лежащих посреди комнаты на жестянке с углями. «Иначе от комаров не избавишься», - говорит хозяин. Выпив чаю, выходим. Предлагаю сфотографироваться - видимо их это радует. Встают в шеренгу, на вытяжку. Я на правом фланге. Маленькая девочка плачет от страха - она никогда не видала фотоаппарата. Взрослые смеются, переговариваясь на своем языке.

На обратном пути догоняем двух лопарей с лопатами и заступом.

- Работать идете?

- Нет, могилу копать. Так случилось, так случилось...

По истоптанной тропинке поднялись на гору Спасительную. На вершине ее деревянный крест, где, по преданию, спасался от язычников преподобный Трифон. Рано утром идем к литургии. Она кончается в 9 утра. В притворе стоят мельничные жернова, которые, как говорят, преп. Трифон принес на своих плечах из Колы.

После обедни отправляемся в Петсамо. Там электрическая станция, построенная монахом-самоучкой о. Парменом. Симпатичный монах-управляющий нам показывает электростанцию, где особенно интересен большой токарный станок, отлитый в Архангельске по чертежам самоучки о. Пармена, сделанный им по картинкам случайно полученного прейскуранта. Обходим лесопилку и мельницу.

Последний раз ночуем в монастыре. Комаров особенно много. Законопачиваем щели тряпками, пропитанные дегтем, и ложимся спать. Завтра предстоит долгий путь. Едем домой.

ПОХОД с приключениями

Рассказывает скм
Всеволод Селивановский
Калифорния, 1952 г.
«Свисток» №29

Наш лагерь «Алтай» стоял на берегу небольшого горного озера, окруженного дремучим девственным лесом, на высоте в 2.5 тысяч метров. Воздух такой редкий, что пробежишь, бывало, сто метров – и уже отдышка.

Если из лагеря посмотреть на север, то перед нами открывалась величественная картина: лес круто спускался куда-то вниз в глубокое ущелье реки Туоломни, а другая, противоположная сторона каньона поднималась еще выше нашей, но это уже был сплошной гранит с довольно редкой растительностью. А за этим хребтом торчали частично еще покрытые снегом вершины более высоких гор. Судя по карте, среди этих гор должны были быть сотни горных озер больших и маленьких. Никаких дорог, кроме лесных тропинок, там нет, - такие густые леса и крутые горы, что просто по азимуту по ним не походишь.

И вот мы облюбовали одну вершину, которая была так красива при вечернем солнечном освещении, что нам захотелось на нее взобраться. По карте мы определили, что до этой горы по воздушной линии будет километров 15. Однако, принимая во внимание, что по дороге придется спуститься километра полтора на дно каньона, и затем снова подняться километра на два, два с половиной, и также учитывая, что дорожки очень извилисты, мы решили, что в поход надо идти с ночевкой. Около этой горы было озеро, на берегу которого мы и заночуем.

Чтобы совместить приятное с полезным, мы решили отправить в этот поход курсантов, проходящих второй разряд, с тем, чтобы они по дороге провели ряд практических занятий.

И вот, однажды утром, после поднятия флага и раннего завтрака, второразрядники отправились в путь. У каждого в рюкзаке была порция провианта, одеяло, теплая куртка и половина маленькой палатки типа «А». В поход вышло 11 человек.

Утро было свежее, горное; погода, как всегда в это время года, обещала быть хорошей. Мы начали спускаться в каньон. Сначала шли по «Китайскому саду», как это место называли наши разведчики. Это была часть леса, по которой протекало несколько ручьев, и от обилия влаги растительность там была прямо тропическая. Выйдя из этих влажных «тропиков» мы пошли по тропинке, ведущей через старый смешанный лес. По дороге то и дело попадались бурные горные ручьи, со страшным грохотом скатывающиеся в каньон. Дорожка спускалась местами очень круто, местами полого. В одном месте лес стал реже, и мы вылезли на огромную скалу, нависшую над каньоном как старинный замок, откуда открылся замечательный вид на каньон. Внизу как змейка вилась голубая, и местами белая речка. Белыми местами были многочисленные пороги.

Вошли в район выгоревшего леса, - жуткая картина. Черные, огромные обуглившиеся стволы. Тихо, как на кладбище, только в траве шевелились насекомые. Ни зверя, ни птицы. Но вот дорожка спустилась почти к самой реке и пошла вдоль скалистого крутого берега. С дорожки сойти нельзя, т.к. справа спускается отвесная гранитная стена, а слева – обрыв, прямо к реке. Идем мы по этой тропинке и видим, что она круто сворачивает вправо, куда-то за скалу. Я шел впереди колонны, и вдруг вижу, навстречу шагает огромный бурый медведь. Опустив низко голову, он о чем-то бормотал сам с собой и нас не замечал. Я дал знать колонне остановиться. Из-за шума реки медведь нас, очевидно, не слышал и приблизился на несколько метров. Но вдруг кто-то из последних ребят крикнул:

- Смотрите, братцы, медведь!

Медведь встрепенулся, уставился на нас в обалдении и не знал, что предпринимать. Деваться ему было некуда. Он хотел повернуться на 180° и бежать. Но тропинка оказалась слишком узкой для такого маневра и он, бедняга, поднялся как-то задом вверх по крутому склону обрыва и повернулся на передних лапах, которые оставались на дорожке. Повернувшись, он так пустился бежать, что его черные пятки буквально «засверкали». Мы посмеялись и пошли дальше.

По дороге справа и слева то и дело шелестели какие-то пресмыкающиеся. И вдруг двое разведчиков с криком «Бей ее!» кинулись с посохом в кусты. Результатом была убитая гремучая змея. Наши трапперы сразу отрезали себе на память ее погремушки. Не хорошо было то, что он перессорились из-за того, кто ее первый увидел и кому достанется трофей.

По дороге нам попался замечательный и огромный как лошадь олень. Двое ребят быстро сбросили рюкзаки, схватили фотоаппараты, и бросились за ним. Гонялись они за ним по чаще минут 15. Он их то подпускал совсем близко, то снова, в несколько прыжков, отбегал на недосягаемое для фотоаппарата расстояние. Через несколько минут разведчики его загнали на скалу, где он принял такую величественную позу, что хоть картину с него пиши. Но толь-

ко разведчики начали к нему подкрадываться, как он снова исчез в кустах. Ребята бросили преследование, и пошли дальше.

Мы спустились и шли по дорожке над самым берегом реки. Справа оказалось небольшое озеро, которого не было на карте. Мы решили пройти к его берегу, который был покрыт мягкими как волосы водорослями. По мере того как мы продвигались, из этих водорослей выползали и плюхались в воду разные змеи: большие, маленькие, пестрые, черные, зеленые, коричневые; каких там только не было!

Мы выловили посохами несколько змей, рассмотрели их, сфотографировали, и пошли дальше. Озеро мы назвали «Змеиным».

Наконец мы вышли к берегу реки. Нашли хорошее местечко, где остановились пообедать и выкупаться. С нашей стороны был крутой берег, а на другой стороне – чистенький, желтенький песчаный пляж. Мы решили переплыть туда. Река была не очень широкая, но страшно быстрая. Вода была изумрудно-зеленая и холодная как лед, т.к. текла с глетчеров. Ребята долго стояли на берегу в купальных трусах, и никто не решался прыгать в нее. Бросили в воду ветку, и она поплыла со скоростью 25-30 км в час. Наконец, кто-то набрался храбрости, и прыгнул, но его сразу же перевернуло, захлестнуло и понесло вниз по течению, но он выровнялся и через несколько секунд уже махал нам с противоположного берега. Его примеру последовали все. Обсохнув немного и понежившись на горячем песке, ребята поплыли обратно. Переправа прошла благополучно.

На месте лесной стоянки мы нашли продовольственный склад, очевидно брошенный каким-то путешественником. Все продукты были в растерзаны и разбросаны на большой площади. Очевидно, ими лакомились другие млекопитающие. Среди уцелевших продуктов нашлись картошка, лук, повидло и еще кое-что. Эти продукты нам пригодились, т.к. мы с собой взяли не очень много, чтобы не перегружаться. Я нашел несколько консервных банок, которые не были открытыми, но по бокам казались простреленными. Я мысленно обругал их бывшего

хозяина за непочтительное отношение к еде, но, присмотревшись, обнаружил, что они прокушены чьими-то зубами, очевидно медвежьими, и их содержимое высосано. Вот так медведи! Цивилизованные!

Пообедав отварной картошкой, и отдохнув, мы опять тронулись в путь. Предстоял трудный подъем. Казалось, что вершина не очень далеко, но когда начали подниматься, то лезли, лезли, а вершина пропала из вида. Казалось, что небо уже стало ближе, а конца подъему нет. Начали делать двухминутные привалы каждые пять минут.

Солнце уже клонилось к западу, и вскоре совсем скрылось за горами. Сразу настала темнота. Добрались до вершины уже ночью, и, при свете фонарей начали ставить палатки. Колышки для палаток срезать было некогда, да и почва была каменистая, и мы укрепили палатки камнями. Все до того устали, что повалились спать, как попало. У костра все-таки оставили дежурного, так как местность была совершенно дикая и неизвестная. Где-то внизу грохотала горная река.

Утром я проснулся раньше других. Было уже светло, но солнце еще не вышло из-за гор. Я разбудил витязя Ч. Мы решили не будить ребят, и пройти вниз к озеру, которое было конечной целью похода. Дежурный преспокойно спал у костра. Около него, спинами к костру храпело еще несколько тел: очевидно, ночью замерзли в палатках, ведь у всех было только по одному одеялу.

Озеро оказалось в глубокой расщелине, и из него вытекала

речка, которая на протяжении 2½ километров под углом в 45 градусов скатывалась в долину, откуда мы пришли, и впадала в Туоломни.

Налюбовавшись вдоволь горным восходом солнца, освещавшим гранитные громады, зелень и снег, мы пошли будить ребят. Обратно предстоял тяжелый путь. О занятиях, конечно, не могло быть и речи. Лишь бы добраться до лагеря к вечеру.

Помолившись и позавтракав, мы тронулись в лагерь. Была суббота, и ожидались некоторые родители и гости.

Измученные до полусмерти, мы сделали последний привал перед самым лагерем, - подтянулись, привели себя в порядок, надели галстуки и торжественно, с песней, вошли в лагерь.

ПОХОД С ТРИАНГУЛЯЦИЕЙ

Рассказывает скм
Дмитрий Аренсбургер
Калифорния, 1953 год

К этому походу мы с Соколом готовились долго, упорно и тщательно. В мельчайших подробностях был продуман маршрут, точно рассчитано меню каждого дня, учтен каждый грамм веса (злые языка даже утверждали, что мы с консервных банок срывали этикетки; неправда – мы банок с этикетками просто не покупали). Единственно, на что мы не рассчитывали – это на возможность заблудиться. Кто угодно, только не мы – двое опытных походников. Ведь не зря каждый из нас носил лилию на красном фоне. Да мы и не заблудились. Просто в один прекрасный момент не знали, куда идти.

А произошло это следующим образом. По окончании летнего лагеря, пожелав всем остальным разведчикам приятного пути обратно в город, мы двое, взвалив на спину рюкзаки, двинулись походом через наиболее безлюдные и дикие места национального парка Лассен, в Северной Калифорнии. Миновав в первый же день последний форпост цивилизации – дом лесничего, мы не рассчитывали встретить другого двуногого до выхода на большую дорогу неделю спустя.

Само собой разумеется, что идти надо было по карте. В этом отношении мы были богато оснащены: у нас даже была не одна карта, а целых три. Топографическая, составленная, правда, лет 50 назад, но мы исходили из того, что по геологическому исчислению времени это не такой уж долгий срок; надо думать, что горы и озера более или менее оставались на прежних местах. Карта, выпущенная лесным ведомством, была значительно новей; она была не более чем 20-летней давности, хотя и издана каким-то кустарным способом, в результате чего, все обозначения были какие-то расплывчатые, и не всегда удавалось гору отличить от озера. И, наконец, у нас был прекрасно отпечатанный проспект Лассенского заповедника, с

красивыми фотографиями с предостережением не кормить медведей, советом не падать в горячие источники, с пространным описанием лесных пожаров, и прочей полезной информацией. На приведенной тут же карте, все было четко разборчиво, поскольку она не была загромождена лишними деталями. Правда, данные, на этих трех картах, не обязательно совпадали. Если на одной указывалась тропинка между двумя озерами, то на другой – такой тропинки помечено не было, а на третьей – были опущены и сами озера. Но все это нас особенно не смущало.

Итак, вооруженные этими наглядными пособиями, на пятый день пути идем мы по тропинке и вдруг… тропинки нет. Только что было, а больше нету. Как в воду канула. Тут-то нас и осенило, что, быть может, не случайно эта тропинка, указанная на нашей полувековой карте, не помечена на двух других. Однако, как известно, разведчик никогда не падает духом. Зачем, спрашивается, у нас компас? Сориентировались, прицелились и пошли. А чуть позднее уже дошли… до оврага. Судя по карте, (точнее, судя по одной из трех карт) наша испарившаяся тропинка должна этот овраг пересекать. Только, глядя на его отвесные скалы, наша вера в карту немного пошатнулась. Тут опытный горный козел не пройдет, не то, что человек, даже если он разведчик второго разряда.

Обсудив создавшуюся ситуацию и проанализировав карту, мы пришли к совершенно неопровержимому выводу, что имеется две альтернативы: надо либо идти вдоль оврага налево, либо вдоль оврага направо, авось раньше или позже будет возможность спуститься. Пошли налево, поскольку Сокол настаивал, что он своим соколиным глазом, отчетливо определил расширение контуров на карте именно в этом направлении. Правда, даже с помощью соколиного глаза спуск мы нашли лишь через несколько километров. А дальше? Ясно, что дальше. Дальше надо по таким же отвесным скалам выбираться из оврага с другой стороны. Только где? Это, что называется медведь знает. Медведь нам не помог. Помог олень, который сиганул, как нам казалось по совершенно непроходимо-

му склону. Следовало полагать, что олень хоть и без карты, но дорогу, должно быть, знает. А где пройдет олень, пройдем и мы. И действительно, олень не подвел. Поднялись, устроили привал и, отдышавшись, объявили открытым очередное заседание нашего комитета по ориентации. Олень то, хоть дорогу и показал, но удрал, не потрудившись сообщить, куда он нас завел. А у нас на этот счет представление было смутное.

И вот тут-то мы вспомнили магическое слово «триангуляция». Правда, не взирая на наш второй разряд, опыта с этой самой триангуляцией у нас не было. Что-то о ней какие-то инструктора говорили, но ведь они много придумывали всякого, чтобы затруднить условия получения разряда. Но все-таки оказалось, что кое-что мы запомнили. Выбрали вдали две горы, нашли их на нашей допотопной топографической карте, нацелили компас на одну, на другую, соединили на карте две черты, и торжественно объявили, что знаем, где находимся. Дальше, значит, по азимуту. Конечно, как всегда в таких случаях бывает, и здесь не обошлось без закона мирового свинства. Не успели мы опомниться, как угораздило нас в манзаниту. Только калифорнийцы могут полностью оценить значение этого. Манзанита – это нечто что-то выше куста и ниже дерева, с ветками твердыми как сталь, которые со всех сторон колют как вилами. Единственный способ пробираться через манзаниту это ползти по-пластунски, то есть, на брюхе. Манзанитовая роща была всего несколько сот метров в ширину, а потратили мы на нее не менее двух часов. Позднее, в армии, мне не раз приходилось ползти под колючей проволокой. Нет, манзанита хуже.

Однако всем мучениям приходит конец, даже манзаните, и она исчезла также внезапно, как и появилась. А за ней – озеро – то самое, которое лежало на нашем пути, и которое мы стремились найти. Вот и получился поход с триангуляцией.

ПОХОД ПО ГОРАМ СЬЕРРА-НЕВАДА

Рассказывает скм Павел Уртьев
Калифорния, лето 1953 г.

Перед походом: Анатолий Жуковский, Павел Уртьев, Александр Таурке, Татьяна Синкевич, Ирина Кудрявцева и Евгения Уртьева.

Летний лагерь закончился хорошо, но для некоторых из нас неделя после лагеря прошла еще лучше. Толя Жуковский, по лесному имени Старый Сип (Белый Орел), организовал недельный поход по горам Сьерры-Невады, в том же Йосемити парке, где мы только что провели лагерь. В поход он взял мою сестру Женю (Пчелку), Иру Кудрявцеву (Кряку), Таню Синкевич (Белку), Сашу Таурке (Муравья) и меня (Белого Сокола).

Заранее накупили продуктов на неделю. Разложили все по маленьким порциям и сложили в мешки.

Сразу же после отъезда лагерников нас на машине отвезли к водохранилищу Хеч-Хечи, где мы наняли мула, которого Сип тут же прозвал Манон Леско. На него мы водрузили мешки с продуктами и пошли по крутой тропинке в гору.

Это был самый трудный отрезок пути, потому что надо было подняться на 3000 футов до первого привала. Было тяжело. Ведь нам пришлось нести на спине наши личные вещи и по половине палатки. С течением времени, по мере того как продукты поглощались, мы перегружали на мула кое-что из снаряжения.

Когда мы очутились на вершине, то забыли о тяжелых ношах, потому что красота была неимоверная. Отдохнув и закусив, мы двинулись дальше.

Мы шли по тропе по вершинам гор без крутых подъемов и спусков. На ночь ставили маленькие палатки, мула привязывали к дереву, и спали спокойно без ночного дежурства. Как-то ночью произошло событие, которое могло бы плохо закончиться. Мул был слабо привязан, и, отвязавшись, пошел гулять. Когда мы за ним побежали, он испугался и тоже пустился бежать, только в другом направлении. Нам удалось его поймать и все закончилось благополучно.

Девушки на коленях: Ира, Таня и Женя. За ними: Павлик и Саша

В середине недели мы остановились у озера Бенсон, и решили пол дня отдохнуть. Кто отдыхал, а кто пошел гулять. Я отправился на вершину горы, около которой мы остановились. Гора была 10.500 футов. На самой вершине раскрылся исключительно красивый вид во все стороны. С одной стороны был крутой обрыв, и стало даже немного страшно, т.к. ветер был довольно сильный. Но страшнее было спускаться, и я раз и навсегда дал себе слово, что никогда в одиночку не буду пус-

каться на такие авантюры. Вернулся на место отдыха без ушибов, и с большой радостью присоединился к отдыхающим.

Так мы проходили всю неделю. Последнюю ночь провели недалеко от каньона Маттерхорн. Ночью было холодно, а утром проснулись в белой палатке под покровом снега. Этого мы не ожидали – и количество впечатлений увеличилось.

Мы скоро добрались до места встречи с Левой Гижицким, который нас встретил горячим чаем. Мы этому искренне обрадовались, и подтвердили его восклицание «Чай - это вещь!» Рассказам не было конца, но надо было ехать домой, предварительно сдав хозяину нашего верного слугу Манон Леско.

Не совсем дружеская встреча Белки (Тани Синкевич) с мишкой.

Д.К.

«СУВОРОВСКИЙ ПОХОД» ЧЕРЕЗ ДИКИЕ МЕСТА СЬЕРРА-НЕВАДЫ

Рассказывает скм Павел Уртьев,
Калифорния, 1954

Слева направо: разведчики: П. Сахаров, Н. Утехин, Н. Кнатц, В. Сажин, А.Брагин, Д. Аренсбургер, и витязь М. Данилевский.

Под хорошим впечатлением удачно проведенной недели в походе прошлым летом, мы решили устроить нечто подобное и в этом году. Летний лагерь должен был находиться около Ice Lakes – «Ледяных озер», немного на север от знаменитого озера Тахо, на границе штатов Калифорнии и Невады.

Разведчицы с белочками и волчатами сразу поедут в лагерь на две недели, а разведчики в течение первой недели пойдут

до лагеря походом и вторую неделю проведут в лагере со всеми вместе.

Ребята подобрались славные. С ними приятно было работать. Обязанности распределили, и каждый выполнил их добросовестно.

Начальство лагеря как походного, так и стоячего было возложено на меня, и я со своими помощниками, Мишей Данилевским и Сашей Таурке, разработал план нашего «Суворовского» похода. К несчастью мой летний военный лагерь выпал как раз на две недели до начала похода и мне пришлось возложить всю тяжесть последних приготовлений и хлопот на моих помощников. Когда я прибыл на место встречи, на южной стороне озера Тахо, то все уже было готово к походу с нанятой лошадью для несения груза.

На лошадь мы навьючили все продукты и инвентарь, а сами несли личные вещи. История с лошадью была такая же, как и в прошлом году с мулом, и хотя лошадь может нести больше мула, нас было на два человека больше. Наши ноши становились легче, а у лошади оставалась такая же. Продукты поглощались, а вместо них на спину лошади взваливали вещи младших. Еда была вкусной и разнообразной. Воды было достаточно в ручьях и озерах, так что можно было делать суп, кашу и чай.

7-го августа, рано утром, зарядившись походным завтраком, мы отправились в неведомые места. Наш путь вел по пустынной, дикой и очень красивой местности, т. наз. Desolation Wilderness - «Запущенная пустыня». Это место - федеральный заповедник, который тянется вдоль хребта Сьерра-Невада. Почва вулканическая, главным образом, гранит. Беспорядочно разбросанные глыбы, причудливой формы камни и большие пространства гранита, только кое-где покрытого мхом и лишайником. По угловатым глыбам бешено неслись водопады с кристальной водой. Растительность редкая – невысокие сосны, но больше всего колючие кусты и сухая трава. Однако наша лошадь находила себе корм и каждый раз, когда мы останавливались, она что-то с аппетитом жевала. Не похудела, и не

особенно устала. Мы проходили миль 8-10 в день, 5-6 по прямой.

Под вечер мы находили какое-нибудь красивое место для ночлега, обычно у озера. Там много чистых, неглубоких озер, покоящихся в гранитных чашах, выеденных глетчерами во время Ледникового периода. Несмотря на то, что весь день проводили в походе, (и шли хорошо, не жалуясь), настроение всегда было бодрое. Вечером, обязательно устраивали костер, и все принимали участие, не показывая усталости, и были очень довольны.

Сообщения с внешним миром у нас не было. У одного из наших были проблемы со ступней, а другой натер себе мозоли. В середине недели мы дошли до проездной дороги, и оттуда ребята с Сашей Таурке добрались на машине до стоячего лагеря. Саша торопился в лагерь помочь вести работу с волчатами.

Мы же продолжали путь, и пришли в лагерь как раз к началу второй недели. И еще долгое время участники рассказывали об этом походе, вспоминая его с большим удовольствием.

Последняя миля. «Суворовцы» подходят к лагерю.

ПОХОД НА МАУНТ УИТНИ

Рассказывает скм В. Селивановский

Калифорния, 1954
«Скаут- Разведчик» №7

«Маунт Уитни» - самая высокая гора Соединенных Штатов, только немного ниже короля Альп – Мон Блана.

Быть в горах Сьерра и не забраться на Маунт-Уитни – вещь недопустимая для уважающего себя альпиниста.

У подножья горы я спросил одного американца, только что вернувшегося с вершины, как ему понравилась «прогулка». Он ответил, что он удовлетворен, но второй раз, не пошел бы ни за какие деньги.

Было два часа дня, и мы находились у начала подъема. Я взглянул на объект нашего путешествия: над границей растительной зоны она возвышалась как стена с многочисленными башнями. Одна из этих башен (было трудно определить, которая именно) и есть самый высокий пункт США.

Нам известно, что отсюда до самой вершины есть тропа, по которой может пройти даже осел, но снизу это, кажется немыслимым.

Нагруженные тяжелыми рюкзаками, мы тронулись в путь. Тропа вела зигзагом через хвойный лес вверх по узкой расщелине. По обе стороны высились гранитные стены в километр высотой. По расщелине шумно текла горная речка, которую несколько раз пришлось переходить, прыгая с камня на камень. Чем выше, тем уже становится расщелина, тем круче подъем. Каждые 15 минут делаем пятиминутные привалы, чтобы отдышаться и полюбоваться на долину под нами. За долиной синеют горы Инио – огромные совершенно голые, производящие удручающее впечатление своей мертвой кра-

сотой. За ними находится «Долина смерти» - самое низкое место в США, ниже уровня моря.

Часов около пяти мы прошли мимо горного озера, прозрачного как слеза и холодного как лед. Солнце уже скрылось за хребтом. Мы решили дойти до следующего озера – Манзанита (3.500 метров) и там заночевать. Наконец, часам к восьми, дошли. Озеро, как миска воды, нежится к глубокой гранитной воронке. Кругом из щелей сплошного гранита растут невысокие, но крепкие как кость сосны. Немного выше уже виден конец лесной зоны. Дальше уже идет так наз. арктическая зона – низкий кустарник.

Заварив на костре чай и поужинав, мы залезли в спальные мешки и заснули.

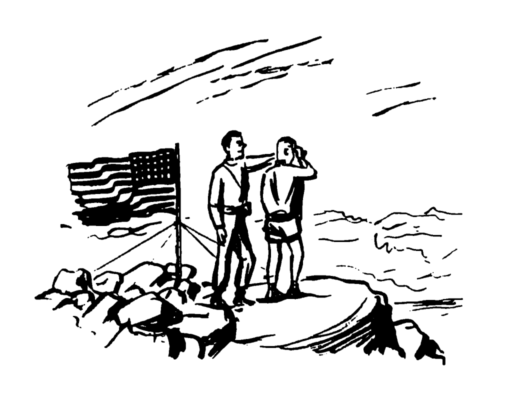
Утром, окружающие нас гранитные стены горели золотом восходящего солнца и отражались в гладком как стекло озере. Вскипятив воду и приготовив чай, мы плотно позавтракали. Оставили весь тяжелый груз на месте, вооружились только фотоаппаратами и биноклями и отправились в путь.

Тропа вела среди разбросанных в беспорядке гранитных громад, похожих на развалины какого-нибудь древнегреческого города. Растительность давно уже исчезла. Только журчали ручьи, вытекавшие из-под отдельных пластов серого снега.

Но вот дошли до места, где вода кончается. Наполнили единственную флягу. Тропинка ведет короткими зигзагами почти по отвесному подъему. Глаза слепит белизна голого камня. Хребет уже, кажется близко на фоне темно-синего неба, но мы знаем, как близость вершины обманчива в горах и не очень рассчитываем на скорый конец путешествия.

Во рту горечь. Сердце просто вырывается из груди от не-

достатка кислорода. Приходится идти минут пять и столько же отдыхать. Идем медленно, еле переваливаясь с ноги на ногу. Но вот достигли самого низкого места хребта. Оказывается, что в другую сторону такой же крутой обрыв. Самая высокая гора имеет форму зазубренного топора острием вверх. Мы находимся в самой глубокой зазубрине. На хребте так мало места, что нет места, троим улечься, чтобы отдохнуть.

По другую сторону хребта открывается величественный вид на национальный парк Секвойя. Кажется, что земля так выглядела сразу после сотворения мира. Горная цепь Сьерра одна из самых молодых на свете и время еще не успело ее сгладить. Из земли на километры торчат гранитные зубы, обломанные, перекошенные, сдавленные, раздробленные, а между ними зеленые как малахит озера. Мы смотрим на все это как с самолета. Осталось еще до вершины каких-нибудь 250 самых тяжелых метров. Цель близка и как-то легче стало идти, несмотря на разрежённый воздух.

Наконец мы на вершине. Ветер треплет американский флаг. Кругом сплошное море изломанных какими-то катаклизмами вершин, как застывшая буря.

Сидим и молчим, полные благоговения перед этой величественной картиной. Весь человеческий мир, с его мелкими заботами, как бы перестал существовать. Другими глазами смотришь на мир, который теперь представляется не в виде городов и стран, а в виде планеты, этой огромной массы металлов и металлоидов. Кто не поднимался на большие высоты, тот не может понять этого чувства.

Обратно идется легко, несмотря на то, что ноги гудят от усталости. Возвращаемся на стоянку уже при лунном свете. А там ужин, чай, и.... спальные мешки.

ШЕСТЬ ЛЕТ СПУСТЯ... неожиданная встреча

Рассказывает Ст. разв. Бизон
Германия, 5 августа 1955 г.

С раннего утра мы отправились в поход – Бурундук и я. Местность горная. На голубом фоне неба резко вырисовываются могучие, блестящие массы альпийских вершин.

Дороги, там, где они еще видны, извиваются лентами по склонам гор.

Чтобы сократить путь, мы полезли напрямик по крутым заросшим ежевикой скользким склонам.

Перед глазами развертывается живописная картина: позади скалистые горы, впереди довольно большое озеро со светло-зеленой водой. Идем и напеваем скаутские песни. Перед нами горы покрытые темными лесами, в которых мы должны сегодня переночевать.

Но небо затянулось. Покрапывает дождь. Идем, не выпуская из рук карты: надо быть осторожными. На карте наша тропинка обозначена только редкими черточками, значит – «смотри в оба! Это не шоссе».

Тем временем дождь усилился. Почва под ногами каменистая, воду не впитывает, поэтому со всех сторон образуются ручейки и лужи.

Приходим к распутью. Перед нами три тропы. По которой идти? На карте отмечена только одна тропинка. Тут уж приходится положиться на наш небольшой разведческий опыт – на смекалку. Смотрим, какая тропа более протоптана, та, вероятно, и есть главная.

Местность скоро дичает. Тропа, по которой мы теперь идем, становится уже и уже. Отовсюду течет вода. Почва скользкая, неудобная для ходьбы. Да и обувь у нас не из луч-

ших. У одного из нас так протерта подошва, что с утра на ступне ходит.

Дождь уже льет как из ведра. Наступает ночь. Пора думать о ночлеге. Неужели придется спать под открытым небом?

Высокие сосны плотно жмутся друг к другу, придают лесу весьма мрачный вид. Холодно. Воздух становится все реже. А куда ни глянь – везде вода. Струйки воды скоро превращаются в горные потоки. Иногда встречаются мостики – ветхие, полусгнившие. Вот-вот провалятся.

Вскоре от тропы вообще ничего не осталось. Лес и всё. Трава нигде не протоптана. Перепрыгивая через лужи, продвигаемся дальше.

Тропа опять появилась. Теперь она тянется вдоль обрыва. С одной стороны обрыв, с шумящим горным потоком, а с другой – крутая гора. Огромные сосновые бревна подкрепляют тропу. Они как карниз идут над бездной. Оборвется – пиши: пропало!

Вдруг Бурундук, шедший впереди, замечает, что тропы больше нет. Бревна снесены лавиной булыжников, скатившихся сверху. Для переправы через прорыв пришлось использовать маленький карниз в скале, сантиметров 20 шириной. Для того чтобы пройти эти несколько метров, нам понадобилось полчаса. Прижимаясь к скале, и не смотря вниз, чтобы не закружилась голова, напрягая волю и мускулы, мы перебрались. Сразу стало легче на душе, и мы пошли дальше.

Пересекаем овраг, опять темный лес. Вдруг перед нами открылась небольшая полянка и там – о, неожиданная радость – избушка! В избушке, открытой с одной стороны – пусто. Построена она для сена, но сейчас в ней ничего нет. Внутри сухо. Переглянулись – ночлег найден. Набрали папоротника на подстилку. Подыскали сравнительно сухих дров и развели костер. Скоро теплое и светлое пламя нас обогрело. Сняли ботинки и устроили их на патентах у огня – пусть хоть немного просохнут. Принялись за ужин.

Вокруг нас тишина. Луны нет. Где-то далеко слышится горный инструмент – наверное, пастух. Сидим молча, слушаем.

В таком благоговейном молчании мы не заметили, как пролетело время и… как сгорели повешенные для просушки у костра чулки Бурундука. Но пора и спать.

Утром вставать сразу не хотелось. Начали разбирать всевозможные надписи, вырезанные на бревнах. Все по-немецки. Вдруг, смотрим, на самом верху – лилия, наша русская лилия. Мы подскочили. Под лилией надпись по-русски:

Поход на 1-ый разряд
Разведчицы Ирина и Валя, под проливным дождем.
9 IX 1949

Вот это да! Это называется здорово! И надо же было, чтобы шесть лет спустя, наша двойка ночевала в том же убежище, где уже были наши!

После завтрака отправились дальше. Дорога была еще интересней. В лагерь мы пришли в таком настроении, что можно было подумать, что мы клад какой нашли. И в самом деле, не клад ли это? Интересно, где находятся сейчас эти сестры? Чем занимаются?

А в будке рядом с их надписью, на том же уровне красуется другая:

Курсовой поход
Бурундук и Бизон
Тоже под проливным дождем.

5 VIII 1955

ПОХОД

Рассказывает Лисичка
Аргентина, 1955 год

Проснулись мы рано. Сегодня у нас поход. Встали, сделали зарядку, прибрали, подняли флаги, собрали вещи и пришли на кухню, где нам должны были выдать продукты, но не оказалось хлеба. Наши витязи должны были принести его через «пять минут», и поэтому мы отправились в поход через час.

Нас было 14 русских девочек и 7 француженок, которые были у нас вроде гостей, и показавшие себя очень хорошими разведчицами. Мы не хотели перед ними ударить в грязь лицом, и поэтому делали все возможное, чтобы быть лучше их.

Поход заключался в следующем: нужно было обойти озеро, добраться до города, и через озеро, на лодке, вернуться в лагерь. Всего около 16 километров ходьбы.

Вышли мы с флажками, песнями и в замечательном настроении. У каждого звена по рюкзаку.

По дороге нашли шампиньоны (вещь очень редкая в Аргентине). Нужно было, конечно, собрать и грибов. Все девочки разбрелись по полю и всюду раздавались крики: «Сюда!», «Ах, сколько их здесь!», «Кира, дай котелок!» и т.п.

Наконец, Кира - начальница лагеря, как-то умудрилась собрать нас в кучу и как коров (которых в этом месте было довольно много), погнать вперед.

День был жаркий, и всем очень хотелось купаться, но мы решили этого не делать, пока не доберемся до леса, который виднелся вдали. Но выкупаться нам пришлось раньше, чем мы этого ожидали: между лесом и нами стояла полоса камыша, а

под камышом - болото. Если обходить камыш, то пришлось бы идти чуть ли не до горизонта – огромный крюк.

И тут одна героиня – Ира – взяла посох и решила перейти через болото. Она быстро надела купальный костюм и пошла. Сначала болото доходило ей до щиколотки, потом по колено, а потом все выше и выше, и наконец, до подбородка. А она была высокая.

Но вот Ира дошла до берега, значит – можно перейти. Мы быстро начали переодеваться. Француженки на нас нерешительно посмотрели, и решили, что в болото они не полезут, а предпочитают идти хоть целый день, лишь бы не переходить эту гадость. Они ушли, а у нас начался героический переход через болото.

Маленькие девочки уселись на плечи большим, и под общий смех началась переправа. Потом старшие разведчицы переправили на головах рюкзаки. Ура! Мы сократили пол пути! Вылезли ужасно грязные. Таня нас утешила: «Ничего, хоть освежились!» Ее шутка была принята взрывом хохота.

Мы пошли дальше. Вскоре дошли до леса. Остановились. Обе Тани начали делать бутерброды и делить апельсины. Развели огромный костер и на нем начали жарить грибы и печь картошку. Скоро обед был готов. Тут появились и француженки. Усталые, голодные и немного грязные. Мы решили, что они не обошли болота, а вернулись, и перешли его вброд. Мы им дали поесть, а сами пошли купаться.

Отдохнув немного, пошли дальше. Вид у нас был бодрый и веселый, а за нами плелись с унылыми лицами француженки. Шли довольно долго. Перед каждым домом останавливались, чтобы спросить, сколько еще нам идти. Маленькие девочки еле шли, но не жа-

ловались, а наоборот, старались от нас не отставать. Уже перед городом нас догнал грузовик, и шофер предложил подвезти. Мы охотно согласились. На грузовике везли сыр, запах которого возбуждал аппетит.

Наконец, добрались до порта и там сели на лодку. Таня, кухонная фея, сделала бутерброды из остатков хлеба и масла.

На лодке было очень приятно ехать: ветерок дул прямо в лицо и брызги летели на нас, заставляя нас вскрикивать и смеяться. Тут наши певицы запели своими замечательными голосами:

«По морям, по волнам, нынче здесь – завтра там»...

Это значило, что на следующий день должен быть дождь! Мы избегали этой песни, т.к. по нашим наблюдениям, она накликает дождь! И действительно, на горизонте кто-то заметил тучи, которые вскоре заволокли все небо.

В лагерь вошли строем и с песнями, спустили флаг и с криком «Ура!» побежали прятать вещи, т.к. начал накрапывать дождь.

И долго в этот вечер во всех палатках слышался тихий говор и смех. Только маленькие тотчас же заснули.

КРАТЕРЫ ИНИО

Рассказывает ски Петр Ермилов
Калифорния 1966 год

Косые солнечные столбы пробивали круглые дырки в листве. Ветерок пробегал по спине, оставляя за собой мурашки. Было раннее обыкновенного, когда ребята пришли завтракать. Ведь сегодня всем лагерем собирались в поход!

Все еще не окончательно проснулись, и разговоры были приглушенные и вялые, и только старшие суетились, собирая провизию в поход.

Солнце уже стояло над макушками сосен, когда ребята двинулись в путь. В то время как девочки поехали на грузовике к определенной цели, мальчики решили идти «Туда»... и я показал рукой в сторону леса. Выстроившись, мы зашагали по хрустящим камням.

Вдали поднимался каменистый кряж как спина гигантского стегозавра, с плоскими плитами на хребте. Черные глыбы вулканического стекла сверкали на солнце. Серые белки и полосатые бурундучки играли в пятнашки. Приятно было идти по лесу без определенной цели – так просто, похода ради.

Но вот, наконец, и кряж. Вблизи он еще больше был похож на гигантское пресмыкающееся, лежащее, вытянувшись во всю длину, протянув вперед узкую голову, а назад длинный хвост.

- Залезем на него, ребята!

- Залезем! – послышался дружный ответ, и разведчики врассыпную бросились на камни. Пришлось карабкаться по угловатым глыбам, хвататься за выступы, и осторожно становиться на острые края камней. Ноги скользили, подворачивались, а иногда застревали в расщелинах. Но на это никто не обращал внимания, так как все были поглощены азартом покорения каменистого кряжа.

И только на самой вершине разведчики перевели дух. Отсюда хорошо была видна окрестность. Горы, напоминавшие

острые крыши домов были изрезаны вертикальными полосами снега. Справа тянулась красноватая стена плоской горы. Кругом мирно шумели столетние сосны на толстых оранжевых стволах. Да, вид был красивый, но, наверное, не такой как вон с той сопки, поднимающейся впереди. Она напоминала собой серую кучу песку. Когда на пляже наберешь полное ведерко влажного, плотного песка, прихлопнешь его сверху, а потом перевернешь ведерко, и осторожно снимешь, то вот и получается такая куча песку, как та сопка.

- Вон, туда бы нам забраться! – сказали ребята, и, не долго думая, спустились с кряжа и направились к дальней сопке.

Стало жарко. Когда мы выходили из густой тени сосен на пропитанную солнцем поляну, нас обдавало жаром и ослепительным светом, от которого надо было так сильно жмурить глаза, что оставались одни только щелочки, и приходилось на все смотреть сквозь решетку ресниц.

Чем ближе мы подходили к сопке, тем меньше она походила на кучу песку: яснее стали обрисовываться камни, да редкие деревья и колючий кустарник на ее поверхности. А вот и сама гора. Крутая оказалась! Не то, что казалось издали. Сначала по ней поднимались зигзагами, а потом, когда это показалось слишком долгим, стали лезть напрямик. Большинство не страдало, а вот мне как начальнику лагеря, пришлось трудновато. На спине у меня висел рюкзак с провизией, а спереди шел грузный разведчик, которого я все время подсаживал рукой.

- Устал? – спросил я его, останавливаясь, отдуваясь, и вытирая лоб рукой.

- Нет! – ответил он радостно, и на лице расплылась довольная улыбка.

«Вот упорство где!» – подумал я про себя. Я измучился. Он пыхтит, но глаза так и горят от удовольствия!

Я поправил рюкзак, снова подпер разведчика сзади и, как муравей с тяжелой ношей, пополз вверх. Рюкзак и разведчик поминутно тяжелели. Цепкие ветки хватали за одежду, покрывая руки и ноги мелкой сеткой белых царапин.

- Как тут красиво! – слышалось по сторонам.

- Ну и дерево! Ого!

- Смотри, смотри. Орел! Орел!

- Да какой это орел?! Это ведь хок!

- Не хок, а ястреб!

- Ну, ястреб.

Но я ничего этого не видел. Мое поле зрения ограничивалось спиной разведчика и мелькающей землей под ногами.

Вдруг разведчик отделился, ушел вниз, и я очутился на одном уровне с ним. Мы стояли на самом высоком выступе сопки, на краю одного из кратеров Инио.

Да, вот отсюда был вид, так вид: стоило залезть! Синие горы придвинулись. Красная стена стала ярче. Иглы сосен искрились. Поляны пемзы напоминали пятна весеннего снега, свалявшегося и посеревшего от времени. Были видны и другие два кратера, в которых блестела вода.

В дальнем кратере вода была мутно-бирюзового цвета и сильно пахла серой. Края воронки были совершенно безжизненны, и только кое-где торчали пучки сухой травы, зацепившейся корнями за камни. Зато средний кратер был удивительно живописен. Воронка его поросла редким лесом. В изумрудной воде отражалось синее небо и рыжие стволы сосен. Стрелы тростника пронизывали зеленоватое отражение кудрявого облачка. Вода одним своим существованием манила к себе.

На краю кратера было невыносимо жарко. Даже тень не давала той свежести, которую дала бы вода. Хотелось выкупаться. Солнце жгло плечи и голову. Губы пересохли. Форменные рубашки приклеились к спине… А вода совсем рядом… Купальных трусов нет… Можно и без трусов… Кругом все равно никого нет… А вдруг кто придет? Ребята предупредят. Спуск то, крутой какой! Вниз еще ничего, а вот как назад выбираться?.. А вода, какая гладкая, будто спит…

Зов воды охватил прохладной волной все доводы и рассуждения, и мы втроем соскользнули вниз по сыпучей пемзе.

Быстро сбросив с себя все, мы кинулись в воду, поднимая стаи брызг и мошек. Ноги цеплялись за камни, которых в мут-

новатой воде совсем не было видно. Пахло какими-то химикалиями. Дно вскоре исчезло, и мы с наслаждением барахтались в тепловатой, но все же освежающей воде, которая ласково переливалась через спины.

Оставшиеся на берегу, с завистью смотрели на пруд, но спуститься вниз не решались. Но, вот мы накупались, и решили вылезти…

- Идут! Идут! – раздались вдруг сверху истошные голоса.

- Кто?

- Да люди!

- Какие?

- Да такие, простые люди. Что ты не знаешь, какие люди? Американские!

Ребята от волнения запрыгали как спелые желуди, которые летний ветер стряхивает с дуба на землю. Мы заметались в пруду, прыгая с камня на камень, отыскивая место, на котором можно было бы стоять по горло в воде. На фоне неба вскоре появились черные точки. Точки выросли, появились плечи, и на край кратера ступило трое незнакомцев.

Туристы прошлись вокруг кратера, посмотрели несколько раз на наши головы, торчавшие из зеленой воды, на прыгающих и корчащихся от смеха мальчиков, и пошли дальше.

Еще не успели мы вылезти из пруда, как сверху опять донесся уши раздирающий шум и мальчики снова запрыгали как мячики:

- Идут-иду-ут!!!

- Ой, люди!!

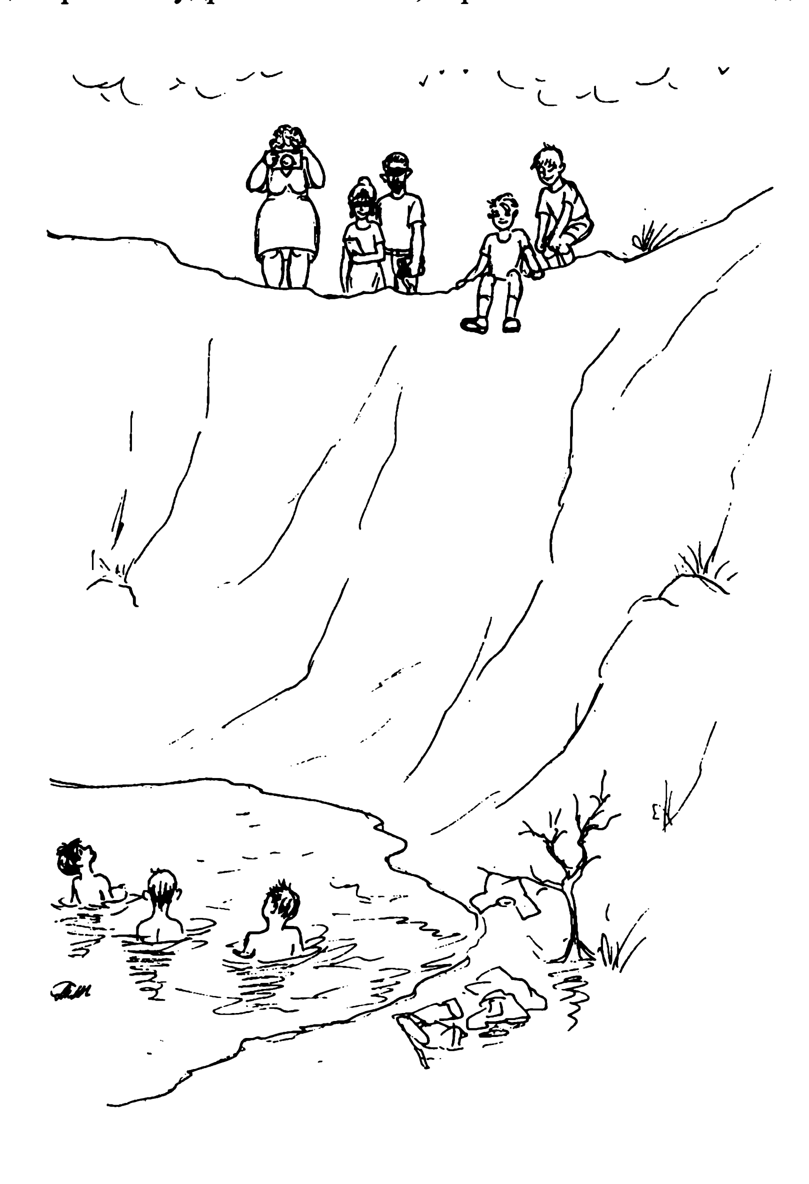
- Ой-ой! – доносилось сверху.

- Чоррт! – вырвалось у одного из нас, и, размахивая руками, мы заторопились на старые места, погрузившись по шею в воду.

Появилась парочка, да еще с биноклем. Это были настоящие любители природы, которые внимательно осматривали все: горы, деревья, парящего орла, глыбы, сопки и наши мокрые головы. Долго ходила парочка вокруг да около. У нас уже кожа набухла и сморщилась от воды. Но, наконец, и парочка

ушла, а мы вылетели из воды как сверкающие торпеды, и молниеносно натянули на мокрые тела сухую одежду.

Поворчав и посмеявшись, ребята построились и зашагали назад, в лагерь, а в зеленом кратере Инио снова скользили водомерки по кудрявым облакам, отраженным в темной воде.

ПРОДОЛЖАЕМ ПОХОД

Посвящается русским скаутам-разведчикам

Анатолий Флоров
Вашингтон, 1979
Аранжировка Ю. Герич

Сердцу разведчика ныне, как прежде
Дорог девиз «Будь готов!»
Семьдесят лет – шестьдесят в зарубежье –
Светится пламя костров.
Скаутских русских костров

Припев: Пусть нам сияет, пусть озаряет
Вера в отчизну, в народ.

С этим заветом под флагом трехцветным
Мы продолжаем поход.

Наше наследство по свету с собою
В сумках походных несем.
Верит разведчик, что слово родное
За рубежом сбережем.
Русскую речь сбережем.
Припев:

Образ святого Георгия учит
Смело бороться со злом.
Ложь распадется, развеются тучи, -
Славу свободно споем.
Славу России споем.
Припев:

ИСТОРИЯ НА ПРАКТИКЕ

Рассказывает скм
Николай Жестков
Париж, 1980

Подготовка к слету 1979 года, состоявшегося в США, выжала из нас все соки. Вернувшись в Париж, руководители и старшие ребята решили, что в следующем году нужно подыскать такое же зажигающее, и на этом строить годовую работу.

Чтобы отойти от традиционных статичных и продолжительных лагерей, требующих от ребят полной физической отдачи в условиях разведческой жизни, мы выбрали принцип лагеря-похода.

Решено было провести поход в горах. Стало очевидным, что неподалеку от нас есть фантастическая возможность совместить лагерь-поход с программой национального воспитания: пройти по маршруту Суворова по Швейцарии. Такой поход уже проводился для старших разведчиков скм Лукиным лет пятнадцать тому назад.

Подготовка потребовала много работы от руководителей и друзей организации. Нужно было: определить маршрут и собрать исторические данные (битвы, происшествия, биваки, анекдоты, полководцы и стратегические тонкости), о которых потом, во время похода можно было бы рассказать ребятам.

В подготовку вошла поездка руководителей и вожаков по местам похода. Мы связались с местными властями, и изучили возможности ночлегов. Поездка оказалась гораздо труднее, чем ожидали, т.к. за два с половиной месяца до похода, вся

местность была еще под снегом, перевалы закрыты, и на машине можно было проехать только к главным селениям, не выше 1000 метров. Но живописная местность и преодоление Суворовым трудностей при такой же непогоде, вызвали еще больший энтузиазм у вожаков. Они, в свою очередь, возбудили в своих звеньях желание серьезно подготовиться к походу.

По возвращении нами было написано на немецком языке около сорока писем в муниципалитеты, управления молодежных убежищ и местные туристические учреждения с просьбой оказать нам помощь в поисках ночлегов. В большинстве случаев в ответ были получены… проспекты гостиниц, хотя мы в письмах ясно говорили, кто мы такие, почему мы собираемся в такой поход, а также, что у нас будут палатки. Получив неудовлетворительные «ответы» мы решили, чтобы с нами была машина, которая будет выискивать ночлеги, в тех местах, где у нас ничего не было заказано.

Наши лагерные палатки не подходили к условиям горного похода, и мы приобрели маленькие двухместные, весом в 3.5 кг, которые мы испытали во время пасхального лагеря.

По инструкциям специалистов горных походов, мы должны были идти маленькими группами. С этим возникла проблема связи между группами. Ее решили так: обязательное ношение свистка всеми участниками и покупка «уоки-токи», действующих на расстоянии до 16 км. Кроме того, у головной группы – разведки - были хорошие бинокли, что в дальнейшем оказалось необходимым.

Местность, по которой мы должны были идти, простиралась на высотах от 400 до 2400 метров, а выше 1800 метров, мы были вынуждены идти по снегу, или по голым каменистым вершинам, где нет дерева для костров, и очень холодно. Поэтому необходимо было приобрести газовые горелки, чтобы готовить еду. Котелки у нас уже были.

Много времени ушло на то, чтобы разбить маршрут на этапы. Маршрут был выбран так, чтобы это была часть Суворовского перехода, где было больше всего событий, и где наш путь лежал вне больших автомобильных трасс. Поэтому ис-

ходным пунктом мы выбрали местечко Айроло (южное подножье Сэн-Готард), куда Суворов пришел по большой дороге – Белизона-Айроло. Закончили мы поход в городе Иланц, где Суворов соединился с австрийцами и пошел вместе с ними в Австрию уже по хорошей дороге.

При разбивке похода на этапы нужно было учитывать крутизну подъемов и спусков, и связанную с этим усталость. Три дня мы выделили на отдых: после трех дней марша, однодневный привал. Поэтому переходы в среднем были по 25 км в день. Всего мы прошли около 300 км за 15 дней.

Очень важно было не перегружаться, но иметь все необходимое для похода. В аптечке, кроме обычных вещей, имелись: шприц с противоядием от укуса змеи, мази и лекарства от переутомления мускулов и судороги, все необходимое в случае вывихов, капли для глаз (при ослеплении солнцем на снегу) и таблетки для стерилизации воды.

Разумеется, что такой поход требует физической подготовки, при которой можно было определить, кто из ребят способен пройти, а кто не выдержит. Поэтому мы провели пасхальный лагерь с ежедневными походами по плоской местности, и трехдневный поход в горах, с переходами по 30 км в день. Во время этой подготовки было решено, что число участников не будет превышать 20 человек.

(*После этого были составлены инструкции для родителей и ребят, куда входили точные данные о походе, список необходимых вещей с подробными комментариями, данные о возможностях телефонной связи родителей с участниками, и пр. Были приложены и исторические документы о Суворове и швейцарском походе. Ред.*)

ЛАГЕРЬ ПИЛИГРИМ

После целой ночи в поезде, приехали в Айроло и, выйдя за город, провели церемонию открытия лагеря «Пилигрим». Количество участников – 15 человек. Возраст от 12 до 38 (начальник). Средний возраст – 19 лет.

<u>1 день</u> Айроло 1175 м.
Сэн-Готард 2091 м.

Сначала солнце, затем моросящий дождь. Выше в горах снег и мороз. Несмотря на усталость после поездки в поезде и целого дня подъема на гору, настроение было хорошее, без упадков.

<u>2 день</u> Сэн-Готард 2091 м.
Гошпенталь 1493 м.
Андермат 1447 м.
Чертов мост 1405 м.
Гёшенен 1102 м

Хорошая, прохладная погода. У Чертова моста – церемония перед памятником и осмотр музея. После двух дней ходьбы по краю пропасти, теряется ощущение опасности, и в нескольких случаях самим рукам пришлось за собой следить, чтобы не подавать ребятам плохого примера, подвергая себя опасности.

<u>3 день</u> Гёшенен 1102 м
Вассен 928 м
Амштег 511 м.
Силенен 510 м.

Дождь.
Ноги еле-еле донесли до конца этапа (этап был сокращен), и решено было дать один день отдыха, не доходя до намеченного места. Костер для старших.

<u>4 день</u> Силенен 510 м.

Отдых. Дождь. Приготовление канатов для связывания по группам во время подъема на Росшток.

<u>5 день</u> Силенен 510 м.
Эрстфельд 472 м.
Шатдорф 464 м
Бюрглен 638 м
Шпринген 830 м.

Влажная жара.
Самая скучная часть похода по шоссейной дороге, проложенной по старой трассе в Тальвеге. К вечеру

разделились на две группы – способных и неспособных подняться на Росшток. Неспособные (ноги в плохом состоянии), поехали окружным путем поездом и автобусом – в Мустаталь. Костер.

----

6 день	**Шпринген**	**830 м.**	Жара до высоты в 1500 м.
	Кинзиг Хульм -		затем пасмурно. Снег.
	(Росшток)	**2073 м.**	Спуск по снегу и болотам.
	Муотаталь	**626 м.**	Первая плита о Суворове
	(Муттен)	**626 м.**	на перевале.

Из дневника: Росшток. Побудка в 4 часа утра. Много времени потеряли на складывание и уборку бивака. В 7:30 выходит в гору авангард, за ним, с интервалом в 10 минут, следующие. На спинах: палатки, еда, газовые горелки, запасная одежда, аптечки и пр. В гору трудно лезть, нужно искать правильную тропинку. После двух часов подъема, почти не сдвинулись с места, и начинаем сомневаться, в том, что удастся перевалить. Сбор. Нет девочек, они ошиблись тропинкой, и ушли гораздо дальше, и с ними нельзя навести связи по радио. Один идет их искать, тем временем авангард продолжает подъем, каждые 15 минут сообщая нам по радио о своем местонахождении. Через час он сообщил, что девочки нашлись, и поднимаются. Склон все круче и круче. Судя по карте, мы с места не сдвигаемся. Дорожка ведет через траву. Ярко-красной пряжей отмечаем путь. Столкновение с сердитым швейцарцем: мы уселись на горных цветочках… Пересели немного выше – на другие горные цветочки. Погода начинает портиться. Становится холоднее, зато приятнее идти в гору. Приближаясь к перевалу, видим снег. На всякий случай, завязались цепочкой по три человека. Наверху висит плита генералу Суворову. На перевале большой крест. От начала подъема до креста 5 километров. Мы поднимались 10 часов, уже 5 часов вечера.

Светло будет еще часа четыре. За это время мы должны спуститься к машине, которая нас ждет. С нею мы никак не

можем наладить радиосвязь. Начинается спуск по снегу, одна группа на виду у другой. Потеряли под снегом тропу, приходится идти наугад. Через три четверти часа нашли тропинку. Уже 7 часов вечера, а нам еще минимум 12 километров до машины! Тропа начинает спускаться полого, ускоряем темп. Почва становится, постепенно болотистой. Совершенно сумасшедшим темпом, не глядя под ноги, пересекая ручьи по воде (ноги все равно уже промокли), добрались до машины. Машина берет самых усталых. До Муотаталя еще 7 километров, и шесть человек решили их пройти. Уже почти совсем темно, идем, не замедляя темпа, чтобы мышцы не остыли. За час дошли до Муотаталя.

9 часов вечера. От перевала мы прошли19 километров за 3 часа, без единой остановки.

----

7 день Муотаталь 626 м. Отдых. Осмотр монастыря.

Жаркая погода. Монастырь, в котором были размещены русские и французские раненые, нам показывала монахиня, знавшая досконально историю. Надпись на монастыре «Генералиссимус Суворов 28-30 августа 1799 г». Свечка с руководителями швейцарских скаутов.

----

8 день Муотаталь 626 м
Прагел Пасс 1550 м.
Рихисау 1132 м.

Жара до высоты в 1200 м, затем дождь. К вечеру сильнейшая гроза (срывала ветки). На горах выпал снег. Вторая плита о Суворове на перевале. Место ночлега, после тяжелого дня, вызвало упадок настроения, которое пришлось поднимать пением и шутками.

----

9 день Рихисау 1132 м.
Ридерн 529 м.
Гларус 472 м.

Весь день под дождем. В Эненде нам предоставили дом швейцарских разведчиков, где

Эненда 481 м. мы просушили вещи и восстановили хорошее настроение, устроив костер.

<u>**10 день**</u> **Эненда 481 м.**
Шванден 527 м
Матт 831 м

Жара. По дороге, в канаве, нашли деревянную доску с надписью: «Суворовский путь на Шванден». Пришлось взять с собой «для ее сохранности». Вечером костер.

<u>**11 день**</u> **Матт 831 м**
Эльм 977 м.
Валенбрюг 1297 м.

Жара. Надпись на доме в Эльме, где был Суворов. Вечером костер: Торжественное Обещание двух новичков закончивших 3-ий разряд во время похода. Один разведчик, закончивший «теорию» во время похода, получил 2-ой разряд.

<u>**12 день**</u> **Валенбрюг 1297 м.**
Паниксер-Пасс 2407 м.
Пигниу-Паникс 1301 м.

Побудка в 3 :30 утра. Голова в жаре, ноги в снегу. Третья плита о Суворове на перевале.

<u>**13 день**</u>

Пигниу-Паникс 1301 м. Отдых. В кафе, в рамке под стеклом история деревни: 90% о Суворове. Деревня: 10 домов. Плита на доме, где жил Суворов.

<u>**14 день**</u>

Пигниу-Паникс 1301 м. Жара, к вечеру гроза. Устав-

Рюен	**788 м**	шие, замученные походом ребята, придя в Шлейс, экспромптом устроили *олимпиаду!* Вечером костер, желающие спали у костра.
Страда	**711 м.**	
Иланц	**698 м.**	
Шлейс	**679 м.**	

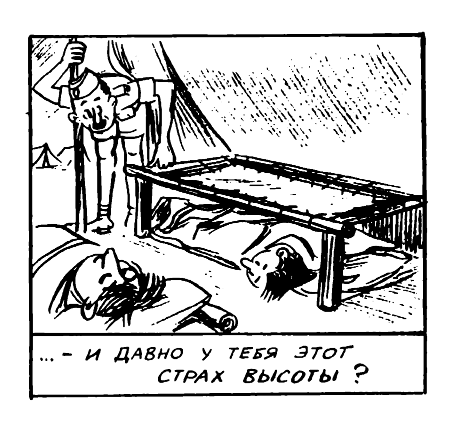
----

15 день Шлейс	**679 м.**	Жара. Церемония заключения лагеря «Пилигрим». Отъезд в Париж.
Иланц	**698 м.**	

ОБЩИЕ КОММЕНТАРИИ:

Двухнедельный трудный поход, потребовавший совместного преодоления препятствий сплотил группу, создав особую атмосферу, в которой участники не падали духом и бузотеры не нарушали дисциплины. В поход шли отдельными звеньями, и это подняло звеновой дух. Сплоченность была настолько сильна, что, прибыв и Иланц, никому не хотелось расставаться, и в течение последующей недели все участники похода «жили» на квартирах начальника дружины и начальника отряда. К счастью, обе квартиры находились в том же здании.

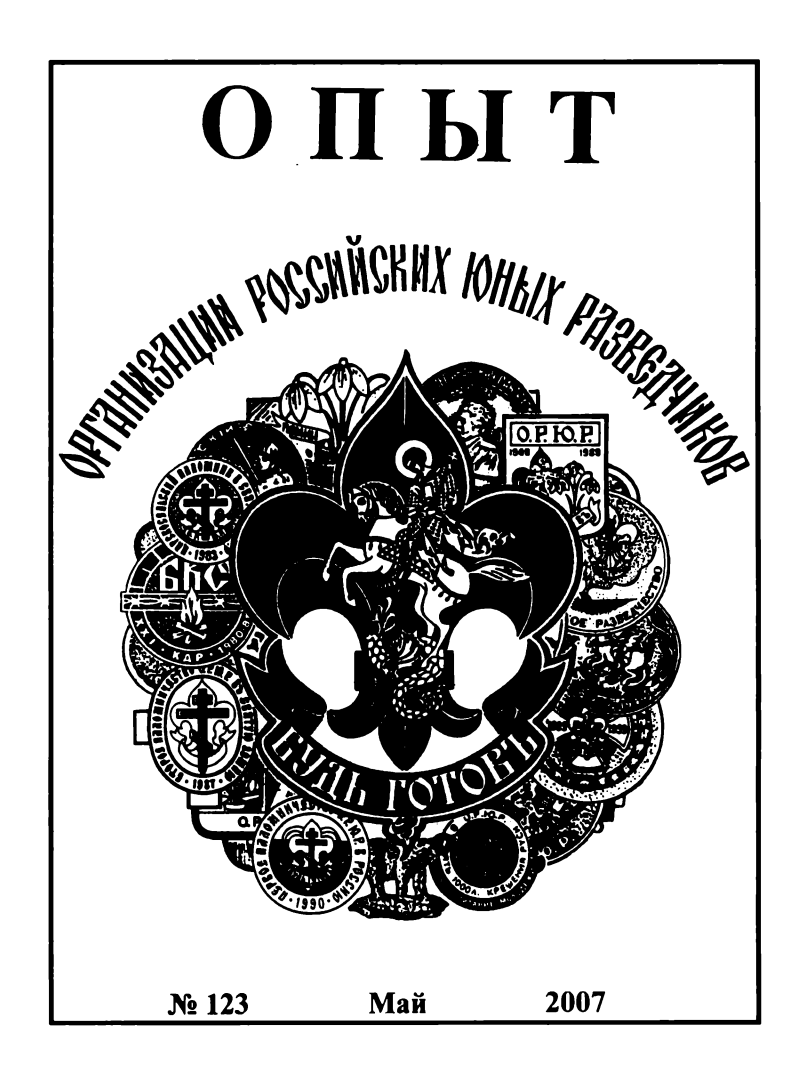
Первые родителей: «что же вы придумаете на следующий год, чтобы было также хорошо?»

ЧАСТЬ V

БУДЬ ГОТОВ!

Ко всему... будь всегда готов!

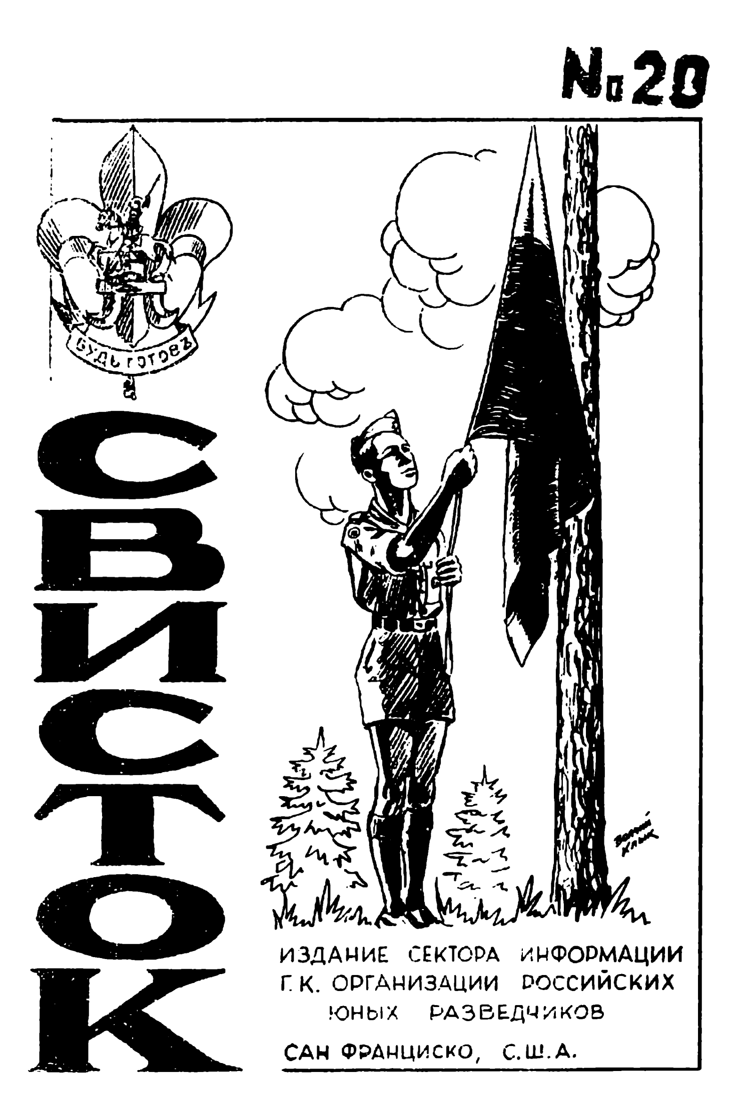

*   *
*

Скм В. Темномеров

Карапузом смешным,
Забиякой большим,
Ты случайно на сбор к нам явился.
Хоть послушным не стал
И законов не знал,
Но в рубаху тотчас нарядился.
Ничего, не робей,
Не пройдет много дней –
Медвежонка нацепишь на шапку.
Будешь знать, как стоять
Дружно петь и играть
И протянешь нам левую лапку.
И пойдут, потекут
Из секунд из минут
Дни, недели, года и волчонком
Станешь ты невзначай.
Все вокруг примечай,
Будь послушным и добрым мальчонком.
Вновь промчатся года…
Наготове всегда,
Теперь скаут уже ты настоящий.
Быть полезным учись,
Не зевай, не ленись,
Сердцем чист, будь как пламень горящий.
Так по жизни пойдешь
И с собой принесешь
Знанье, бодрость и крепкую веру.
Мы тебе помогли,
Чем могли, как могли,
И по нашему ты, по примеру –

Сам других обучай,
Сам другим помогай,
Будь готов за Россию, за Веру!

НЕУДАЧНОЕ СОСТЯЗАНИЕ

Рассказывает скм А. Аристова
Регенсбург, 1948 год

Став настоящей разведчицей в 1947 году, весной 48 года мне привелось пойти в первый поход-состязание. Было мне тогда 11 лет, и расторопностью я не отличалась.

Состязание было международным, длинным, сложным, подробностей я не знала. Звено было сборным, и я была младшей, неопытной и самой маленькой. Я делала все, что мне говорили старшие, но и они то выдались не очень прыткими. Самые опытные и смышленые, почему-то на состязание не пришли.

На отправительный пункт мы пришли во время. Отметились, получили наставление, и пошли себе по дорожным знакам.

Шли довольно долго и все шло гладко, но вдруг остановились у знака похожего на «письмо». Остались от него только квадрат и какая-то непонятная цифра, по-видимому, кто-то нечаянно или нарочно сбил цифру ногой. Прятавшаяся в лесу руководительница не заметила этого, знака не исправила, и продолжала прятаться в чаще, а мы бродили по лесу, вороша прошлогодние листья и поднимая все камушки и веточки.

Задерживаться на каждом пункте не рекомендовалось, мы нервничали, сердились, ворчали, а тут еще прохаживалась какая-то молодая дамочка в синей шляпке с вуалью. Одета она была, как будто в церковь собралась. День был будний, так что странно было, что она приоделась и гуляет по проселочным дорогам. И ходила она взад вперед, как будто поджидая кого-то.

Она поздоровалась по-немецки. Мы ответили. Она оказалась разговорчивой особой, и стала рассказывать, что у нее сломался каблук, и даже показала свою туфлю. Сказала также, что какой-то мальчик побежал в ближайшую деревню за молотком и гвоздиками.

- Это нас не касается, - резко ответила Светлана, стоя на коленях перед непонятым знаком.

Женщина возмутилась:

- Как вам не стыдно!- сказал она, - русские разведчицы! Вы должны быть вежливы, а так разговариваете с взрослыми! И не хотите помочь!

- Светлана! Как тебе не стыдно!?- Зашипели мы. – Нужно предложить ей помощь!

Светлана скривилась и презрительно передернула плечами.

- Вам помочь?- обратились мы как можно вежливее.

- Нет, спасибо! Мальчик уже побежал за помощью в деревню, - холодно ответила незнакомка.

- Видите ли, мы очень заняты. У нас состязание, а кто-то сбил знак и мы не можем в нем разобраться.

- Да, здесь до вас были другие девочки. Они ходили в лес и что-то нашли. Знак был в порядке. А кто его сбил – не знаю! – таким же холодным тоном продолжала она.

Мы распрощались и пошли дальше, наобум. А письмо было важное, в нем находились указания, куда идти и что делать. Кстати, сидящая в засаде руководительница должна была удостовериться в том, нашли ли мы письмо или нет, и в случае, если не найдем, то «навести нас на путь истинный», для этого она там и сидела, но она, увидев, что мы пошли дальше, решила, что все в порядке.

Мы, ничего не зная и не подозревая, продолжали идти по дороге, причитывая и ругая Светлану за дерзость. Кто-то даже сказал, что узнал эту женщину, что она из латышского лагеря и выдала себя, когда сказала: «Вы – русские разведчицы!»

Решили, что больше подобного промаха не будет. Шли, шли и догнали какого-то благообразного пожилого немца. Он был в широком баварском пальто темного сукна и в шляпе с кисточкой. Шел он, прогуливаясь, закидывая вперед тросточку.

В Германии, в то время, да еще в деревне, вступать в разговор с посторонними считалось вполне приличным.

- Гутен морген, - сказали мы, как можно приветливее, как только поравнялись с седовласым путником.

Он был приятно удивлен, и также приветливо ответил.

Минут 10 мы шли с ним в ногу, мило беседуя о том, о сём. Рассказали ему, кто мы и что мы здесь делаем, и, между прочим,

спросили не видал ли он похожих на нас. Он сказал, что шёл другой дорогой и видел кого-то издали, но не обратил внимания. Незнакомец был, видимо, из интеллигенции, язык у него был безукоризненный, без баварского диалекта. Но вот мы пришли к развилке. Наш спутник пошёл влево, а мы вправо, очень вежливо распрощавшись. И тут мы догадались, что он был посторонним человеком, решившим воспользоваться хорошей погодой и пойти погулять. Наша учтивость оказалась напрасной.

Прошел еще час, мы шли в сторону Дуная. И вдруг встретили двух латышек - руководительниц, возвращавшихся в лагерь. Оказывается, они больше часу сидели в лесу, поджидая нас, наконец, сдались, решили, что мы либо заблудились, либо вообще не вышли в поход, и пошли домой. Тут и выяснилось, что даже без письма мы шли куда надо, но понятия не имели, что нам надо было делать и на что обращать внимание.

Оказывается, в письме было написано, что какие-то туземцы похитили разведчицу, и её надо было найти по следам. По дороге она оставляла «следы», разбрасывая бумажки, а когда те кончились, то надламывала веточки, а затем ее надо было найти по капелькам крови… Этих подробностей в письме не было. Там было только сказано о похищении, а «следы» мы должны были определить сами.

Я мысленно обрадовалась, что мы не нашли письма. О следопытстве я понятия не имела. И кто бы из нас придал значение каким-то бумажкам, или обратил внимание на надломленные веточки? А капельки крови? По опыту знали, что они быстро впитываются в землю, а если бы увидели красные пятна то решили бы, что кто-то нес краску и разлил. И я подумала, что мы бы не справились с задачей. Но промолчала.

Состязание для нас кончилось крахом. Правда, только две первые группы дошли до цели и сделали всё как полагается. Третья нашла письмо, да сбилась с пути, а мы... получили 10 из 120 очков, за то, что во время явились на начальный пункт и нашли первые пять дорожных знаков.

Эпизод из жизни лагеря «Алтай»
Рассказывает Лагерник

Калифорния, 1951 г
«Свисток» №26

Костер в центре лагеря ярко пылает. Дежурный жмется поближе к нему – боится медведей. Недалеко от лагеря, отдельно стоят три палатки – это лагерь руководителей. Там еще не спят. В наглухо застегнутой палатке, при свете керосиновой лампы три фигуры о чем-то перешептываются. У всех троих ехидные улыбки заговорщиков – явно что-то заваривается. Вдруг снаружи раздается топот – дежурный несется к руководительскому лагерю. Руководители быстро тушат лампу, закрываются одеялами и делают вид, что спят.

- Сева! – раздается взволнованный голос, - Сева!

- В чем дело? – отвечает «заспанный голос» из палатки.

- Медведь, огромный, стоит между костром и палатками и не дает мне отойти от костра.

- А ты швырни в него чем-нибудь. Он и убежит.

- Да пробовал, но он не уходит.

- Ну, хорошо, я сейчас – говорит руководитель и выходит из палатки, натянув пижаму на форму, чтобы дежурный не заметил, что он еще не раздевался. Было уже далеко за полночь.

Медведь был отогнан, но дежурный продолжает жаться к костру. В это время в палатке происходил следующий разговор:

- Так значит, братцы, решено: я иду на кухню и начинаю греметь посудой, - говорил скаутмастер, - дежурный должен, теоретически, пойти на кухню и посмотреть в чем дело…

- Это «теоретически», - заметил помначлаг Пуська.

- Предположим, что он разведчик, а не шляпа, - сказал начлаг и продолжал: - В это время Алеша подкрадывается к палаткам, берет по одному ботинку из каждой пары, уносит их в лес, оставляет там, а сам возвращается в лагерь. Одновременно Пуська забирается на горку с сигнальным фонарем, а я даю тревогу… Так, что ли?

- Хорошо, когда же начнем? – спросил Пуська.

- Я думаю, часа в три, - сказал Алеша.

План был окончательно разработан и «вожди» прикорнули. Цель тревоги была проверка готовности и расторопности ребят в неожиданной ситуации. В 3 часа Пуська проснулся и растормошил других. Все, как тени, расползлись по местам. Через десять минут на кухне звякнула упавшая посудина. Дежурный насторожился, встал и пошел в сторону кухни, энергично светя фонарем направо и налево. У него хватило храбрости дойти только до ворот. Посветив в сторону кухни, он рысцой побежал обратно.

Через минут пять снова загремела посуда, но дежурный только от страха ворочал глазами и не двигался с места. Увидев, что грохот не дает нужного эффекта, начлаг начал грохотать посудой во всю мочь. На кухне стоял ад, а дежурный сидел у костра (правда, это был новичок). Признав свой расчет ошибочным, начлаг пошел к лагерю через лес. Подойдя ближе он начал подкрадываться. Подойдя совсем близко, он увидел, что дежурных уже двое: новичок позвал кого-то на подмогу. Они с волнением о чем-то перешептывались, и то и дело обшаривали фонарями палатки, мачту и окрестности лагеря.

Скаутмастер решил, что следует отвлечь их внимание от палаток, пока Алеша будет собирать ботинки, и начал перебегать от дерева к дереву, нарочно хрустя ветками. При первом шуме лучи фонарей вонзились в ночную тьму, но ничего не обнаружили. Хруст продолжался то тут, то там.

- Давай возьмем горящие головни, – сказал хриплым голосом один из дежурных, - медведи, ведь, боятся огня.

- Я его видел в кустах, здорово большой, - сказал другой.

Они стояли с горящими головнями и пялили глаза в темноту. Про палатки забыли. Хруст продолжался. Начлаг шнырял за большими торчащими из земли камнями, фыркая по-медвежьи. Вдруг, на него посыпался град здоровенных камней. Стрельба была довольно меткой.

- Ээ, да так и убить могут, - подумал он, - надо отойти на более почтительное расстояние.

В это время за его спиной послышался свист «ночной птицы» - это был Алеша.

- Ну, как?

- Все в порядке. Ботинки в лесу.

- Отлично, теперь даем тревогу; ты же наблюдай, как они себя будут вести.

Обойдя лагерь и остановившись у лагерных ворот, начлаг дал оглушительный сигнал тревоги свистком, и затем с криком «Держи его!» кинулся прочь от лагеря.

Разведчики реагировали довольно быстро (не все, конечно). Дежурные вскочили и в свою очередь, дали сигнал тревоги. Через минуту скаутмастер услышал за собой погоню, было слышно, что ребята бегут босиком. Впереди всех Муравей. Начлагу удалось скрыться в темноте леса. Из палаток доносились крики:

- Где мой ботинок? Кто взял?!!!

- Куда девался ботинок? Что такое?!!!

Вожаки тормошили и выволакивали из палаток сонь. Никто не мог понять, в чем дело. Со слов дежурных решили, что медведи что-нибудь украли, кто-то заметил и дал сигнал тревоги. Группа разведчиков отправилась в лес проверить окрестности. Другая осталась в лагере на всякий случай. Вдруг, с горки замелькал фонарь.

Эй, ребята! Кто-то сигналит с горки! Принимай! – крикнул один из вожаков, и шепотом добавил, - а ты иди в обход, чтобы зайти в тыл сигнальщику и выяснить кто это.

Все замерли, принимая сигнализацию. Фонарь промигал: «Ваши ботинки находятся точно в северо-восточном направлении от лагеря. Ищите!» Не успел Пуська кончить сигнализацию, как его сзади схватили.

В это время в лагере в одной из палаток вожак сдирал одеяло с одного не желавшего вставать бандерлога.

- Ты почему не встаешь?

- Ботинка нет.

- Да ты такой-сякой, если бы дом горел, тоже бы продолжал спать? А ну, выкатывайся!

Сонная фигура выползла, зашла за палатку и, кряхтя начала натягивать брюки. Натягивала она их минут с десять, наконец, надела и опять притаилась, чтобы не принимать участия в общей сутолоки. Вдруг кто-то осветил фигуру фонарем:

- Ты что тут делаешь?

- Медведя караулю, - ответила фигура серьезным тоном.

- Ха! Ха! Ха! А что бы ты делал, если бы медведь, в самом деле, пришел?

- Я бы его топором по голове, промеж глаз, трах!

Несколько человек, слышавших это, громко захохотали.

В это время из лесу донеслись победные крики:

- Ботинки найдены!

Тревога кончилась, но ребята еще долго толпились у костра и обменивались впечатлениями. Руководители кое-кого похвалили, кое-кого «распекли», и через несколько минут была дана команда: «По палаткам!»

Волчий Клык

Рассказывает скм В. Селивановский
Калифорния, 1953 год
«Скаут-Разведчик» №1

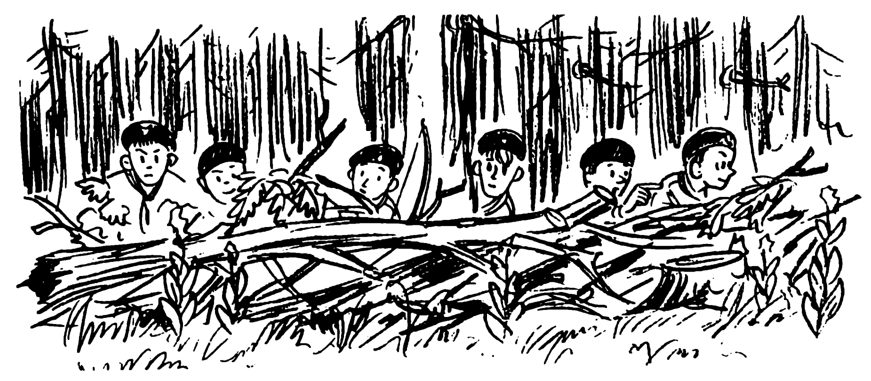
На самом берегу небольшого озера в сосновом лесу стоит восемь палаток. Высоко в небе вьются русский и американский флаги. У ручья, спадающего в озеро, дымится кухня. В лагере все чисто, убрано, но пусто. Весь лагерь волчат ушел в поход, в настоящий военный поход, защищать свою колонию Форт Росс от враждебного племени индейцев, которые, по сведениям разведки, хотят ее захватить.

Только двое волчат - дежурных по кухне с тоской смотрят вдаль и прислушиваются к «шуму отдаленного боя», досадуя, что им нельзя принять участие в военных действиях. Ну что ж, не все же могут воевать. Кому-то надо готовить пищу бойцам.

****

Вдоль берега озера, по лесу, осторожно пробираются змейкой волчата. Ведет их витязь 1-го разряда - Муравей. Идут молча и тихо, т.к. уже находятся на неприятельской территории, и с минуты на минуту можно ждать нападения врага.

Вдруг один волчонок заметил высоко на горе индейца, наблюдающего за движением колонны. У индейца на голове перо, за спиной колчан со стрелами и в руке лук. Увидев, что он замечен, индеец поднялся во весь рост и начал что-то громко и угрожающе кричать, показывая «русским» жестами в сторону, откуда они пришли. Муравей дал приказ ловить индейца, но тот быстро скрылся в лесу. Теперь ясно, что индейцы знают о приближении отряда волчат и надо скорее добраться до форта и устроить укрепления.

Вот пришли благополучно в Форт Росс. Это небольшой полуостров, заросший лесом, или, вернее, почти остров, соединенный с сушей узким болотистым перешейком.

Опасность нападения индейцев с «моря» минимальная, и Муравей дает распоряжение строить баррикады поперек перешейка.

Вот баррикады готовы, волчата размещены по местам, и все напряженно ждут появления врага. Заготовлено достаточное количество боеприпасов – сосновых шишек.

Вдруг в сочных кустах болотных растений замелькали головы с перьями. Напряжение достигает предела. Муравей дает последние инструкции. Внезапно из кустов вырастают фигуры и с дикими криками несутся к баррикадам. Их только четверо (один руководитель и три разведчика), но кажется, что их десятки. Вот индейцы уже совсем у баррикад и засыпают волчат копьями (стебли болотных растений). В ответ волчата засыпают их градом шишек, и индейцы отступают. Из крепости доносится: «Ура!» Атака отбита, но волчата знают, что индейцы только пробуют их силы и нащупывают слабые места, и что это далеко не последняя атака.

Индейцы отходят и начинают совещаться на полянке недалеко от крепости. Через некоторое время один из них подходит к позициям русских, кладет лук на землю, и поднимает правую руку вверх. Муравей дает приказ: «не стрелять!», т.к. очевидно, что это парламентер. Он сам выходит вперед с протянутой рукой в знак дружелюбия. Индеец говорит, что земля

эта издревле принадлежит им, и предлагает русским мирно уходить к себе домой через «большую воду». Муравей говорит, что русские не собираются никому делать зла, и что они хотели бы только меняться с индейцами товарами. Муравей тут же кладет на землю некоторые образцы волчатских товаров. Но индеец упорствует и говорит, что если русские не уйдут, то они будут уничтожены. На это Муравей отвечает, что русские никогда ни от кого не бежали, и что ответственность за кровопролитие будет на индейцах. Индейский парламентер уходит.

Опять индейцы совещаются на полянке. Русские напряженно ждут. Вдруг индейцы поднимаются. Снова атака, еще более сильная. На этот раз они бросают не копья, а комки мягкой как тесто земли, которые иногда попадают в волчат. Есть раненые, но волчата храбро сражаются. Но вот раздается команда Муравья: «На вылазку, братцы!» С криком «Ура!» волчата бросаются на атакующих индейцев. Происходит рукопашный бой. Одного индейца загнали по пояс в болото, заросшее камышами, и чуть не взяли в плен; побоялись только его лука. Ряды индейцев опять «дрогнули». Опять атака отбита.

В Форте Росс русские перевязывают раненых, а на поляне индейцы развели костер и танцуют вокруг него свой боевой танец:

«Айа гыйа ум-па-па! Айа гыйа ум-па-па!» - глухо доносится оттуда. Очевидно, следующая атака будет не на жизнь, а на смерть. Но вот один индеец подходит на расстояние ста шагов от лагеря. Что-то пишет на листике бумажки, привязывает его к стреле и натягивает тетиву лука. Описав со свистом большую дугу в воздухе, стрела падает за лагерем. Русские читают записку: «Сдавайтесь! не то ваш форт будет сожжен!» Русские отвечают тоже стрелой: «Не запугаете!»

Индейцы исчезают в лесу и возвращаются с сосновой смолой. Недалеко от крепости они разводят костер. На кончик стрелы прикрепляется кусок смолы. Опять стрела летит в лагерь русских, но уже не с запиской, а с пламенным наконечником. Оттуда слышен голос командира: «Тушить пожар!» Вол-

чата с фляжками бросаются тушить «пожар». На стрелу вылито фляжек десять.

Наконец индейцы убеждаются, что русского лагеря им не взять и прекращают атаку. Желудки подсказывают волчатам, что пора отправляться обратно в Россию, т.е. в лагерь, где их ждет вкусный обед.

В условленное время к берегу причаливает русский «корабль» (лодка), на которую грузится весь волчатский экспедиционный корпус. Последний волчонок отталкивает лодку от берега и прыгает в нее. Перегруженная лодка медленно уходит «в море». Боевое задание выполнено.

(Эпизод из жизни лагеря «Азов»)

Рассказывает скм
Всеволод Селивановский «Волчий Клык»
Калифорния 1953 год

В этом лагере на дежурных лежала большая ответственность. Во-первых, все время приходилось отгонять медведей от продовольственного склада, а во-вторых, ожидалось нападение на лагерь группы старших разведчиков – бывших «тубабаовцев», которые еще в городе подозрительно справлялись о местонахождении лагеря. Причина нападать у них было довольно веская: в свое время, еще во время похода в день Св. Георгия, у них пропал флажок, и они решили, что флажок похитили наши разведчики. С тех пор они уже не раз поговаривали о «реванше».

В эту ночь я решил проверить обороноспособность лагерников, провести своего рода генеральную репетицию защиты лагеря от столь серьезного противника.

После отбоя я остался один у костра, сказав первому дежурному, чтобы он шел спать, и что я его разбужу, перед тем как сам пойду спать.

Спать совсем не хотелось. Костер так приятно потрескивал, освещая толстые колонны сосен – великанов. Я решил посидеть часа два и обдумать план пробной тревоги.

Кругом была полная тишина. Но вот в направлении лагеря разведчиц среди деревьев замелькали фонари, и через несколько минут мимо меня прошествовала вереница девочек. В руках они несли какие-то страшные маски, простыни, веревки, какие-то чучела и подобные «страсти».

- Куда это вы? – спрашиваю их.

- У нас будет испытание храбрости, - отвечают они.

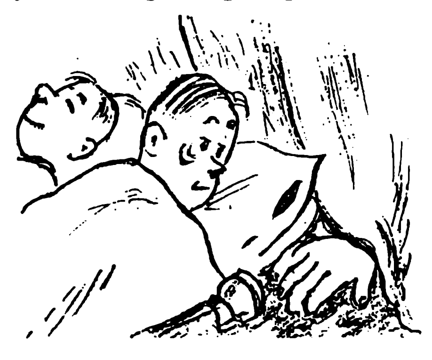
- Счастливо!- говорю я, и разведчицы удаляются. Опять тишина. Через некоторое время из леса доносятся какие-то потусторонние вопли, вой и иногда испуганные взвизгивания. Потом опять все стало тихо. Подкладываю несколько поленьев в костер. Через некоторое время слышу шум приближающейся машины.

- Кого это несет в такое время? – думаю про себя, и выхожу с фонарем на дорожку. Вижу – подъезжает грузовик с двумя лесничими.

- Что это у вас за духи там бродят? - спрашивают они, - напугали же они нас. Едем спокойно, зная, что кругом ни души, и вдруг видим – на дереве качается «повешенный», а из-за деревьев какие-то образины выглядывают.

Объясняю в чем дело, и машина с ревом продолжает свой путь по узкой, извилистой лесной дороге.

Смотрю на часы – 2 часа. Пора, думаю, начинать. Теперь уже все спят мертвым сном. Тихонько начинаю залезать во все палатки и вынимаю все фонари – керосиновые и электрические. Набирается целая охапка. Складываю их в телефонный ящик, висящий на дереве, в надежде, что разведчики не сразу сообразят туда заглянуть. Снимаю звеновые флажки и забрасываю их на верхушку сигнальной вышки в волчатском лагере. Развязываю флаги на главной мачте, - как будто их кто-то пытался снять, но не успел. Затем вспоминаю, что еще не успел забрать фонари в палатке, где спят дежурные – первая смена. Палатка такая маленькая, что их тела занимают всю «жилплощадь». Фонарь в самом изголовье и до него никак не дотянуться.

Приходится вытащить из земли колышек, и пытаться достать фонарь снаружи.

Начинаю шарить. В это

время одно из спящих тел зашевелилось. Моя рука застывает. Выжидаю несколько минут и снова начинаю шарить. Вдруг в палатке послышалось резкое движение и голос:

- Витька, дай фонарь, кто-то ходит.

В это время фонарь уже у меня.

- Не могу найти, вынь свой из рюкзака, - слышится ответ.

Я вижу, что дело плохо и начинаю пятиться. Одна фигура выскакивает из палатки и начинает двигаться в темноту, но меня не видит. Через минуту из палатки вылезает вторая фигура и начинает светить тусклым фонарем. Несмотря на выдохшуюся батарею, они обыскивают весь лагерь, и в конечном итоге меня находят. Чтобы не портить игры, мне приходится взять их в компаньоны и объяснить цель всего предприятия. После этого я отправляюсь в свою палатку.

Через некоторое время ночную тишину пронизывает резий свисток тревоги. Я, протирая глаза, выскакиваю из палатки. Ребята стали выскакивать довольно быстро.

- Где мой фонарь?!?

- Кто украл фонарь?!?

- Братцы, давай свет! Не могу найти фонаря!

- У меня тоже нет! Кто-то украл все фонари!!!

- Спички сюда! Скорее!

- Зажигай факелы!

В темноте замелькало два или три фонарика, которые мы как-то не досмотрели. Но паника продолжается недолго. Двое сразу становятся под мачту с посохами. Кто-то подбрасывает сухих сучьев в догорающий костер, и он освещает весь лес оранжевым светом.

- Братцы, флажок свистнули!

- Флаг с мачты тоже пытались снять, но не успели!

- Значит, они близко.

- Кто это мог быть???

- Кто как не тубабаовцы! Пошли в лес ловить!

Группа ребят рассыпается по лесу в погоне за нападающими. Вскоре оттуда слышатся крики: «Держи его!» «Вот они! Сюда!», «Их двое!»…

Очевидно, они вспугнули какое-то зверье и приняли их за людей.

К моему удивлению один разведчик находит фонари. Это сразу облегчает ситуацию. Убежавшие в лес возвращаются ни с чем, но все кого-то видели. В лесу столько всяких шумов, что при возбужденных нервах это не удивительно. Не хватает одного маленького разведчика. Он так увлекся погоней, что забежал очень далеко. Узнаю, что он побежал без ботинок. Затем слышу высоко на горе хруст сухих веток и его пение! Поет парнишка! С ума спятил, что ли? Через некоторое время он возвращается. Спрашиваю:

- Почему поешь?

- А так, чтобы не страшно было,- отвечает он.

Ко мне приходит один разведчик с предложением:

- Знаешь что, если это действительно тубабаовцы, то их машина должна быть где-нибудь недалеко, вверх по дороге. Давай поедем и посмотрим.

Предложение толковое. Приходится повиноваться. Вскакиваем в машину, стоявшую всегда перед лагерем на всякий пожарный случай, берем еще одного разведчика, и гоним по лесной дороге. По дороге чуть не раздавили здорового медведя, который еле успел увернуться, не ожидая такого «движения» в 3 часа ночи. Проехав километров шесть, и не найдя никого, возвращаемся.

В лагере все еще царит оживление. К тому времени найден и флажок. Все рассуждают, что это сделано своими для проверки. Но большинство все-таки думает, что это были «тубабаовцы» или наши витязи из Сан-Франциско. Ищут следы, но ничего подозрительного не находят.

Наконец, один разведчик сообразил:

- Слушайте, братцы, а ведь разве не странно, что дежурные у разведчиц никак не реагировали на нашу тревогу? Ведь они не могли не слышать? Следовательно, их руководительницы знали, что у нас будет тревога, и предупредили их. Значит – тревога пробная, устроенная нашими. Но этот голос рассудка

подавлен показаниями «очевидцев», которые видели «кого-то» в лесу.

Нашумевши вдоволь, и оставив двойной комплект дежурных, лагерники пошли спать, но я думаю, что многие из них «на всякий случай» не раздевались.

Эта пробная тревога не была напрасной, т.к. ровно через неделю «тубабаовцы» действительно напали на лагерь. Их нападение было тщательно продуманно и разработано. Они потратили целый день на «разведку» местности. К нашему сожалению, в момент нападения в лагере были только младшие, т.к. все старшие ушли в поход с ночевкой. Напали они рано ночью, но флаг похитить им удалось только под утро. Бедные «Барсы» пострадали, похищен был именно их флажок. Но, несмотря на успех нападавших, наше поражение нельзя рассматривать как позорное, т.к. ребята защищали лагерь хорошо.

****

Нападение на лагерь «Азов» по сообщению участника

Рассказывает Олег Реутт

После того как мы всю ночь проползали по лесам Йосемити, нам удалось похитить из лагеря «Азов» флажок звена «Барс». Вот все подробности похода:

В 4:30 утра мы выехали на двух машинах из Сан-Франциско. Нас было 10 человек. Прибыли в Йосемити около 11 часов утра и остановились приблизительно в четырех милях от лагеря. Мы поели и выслали в разведку четырех скаутов. В 6 часов вечера они вернулись с примерной картиной лагеря. Мы составили план атаки. В 10 часов вечера мы покинули наше убежище и запарковали машины в одной мили от лагеря.

Тут мы немного поспали в машинах и в 2 часа ночи, заперев машины, тронулись в путь. За 1000 шагов от лагеря мы остановились. Младших оставили ждать в засаде, а старшие двинулись дальше. Последние 500 шагов ползли на животе,

чтобы не делать шуму, т.к. в лесу ночью все очень хорошо слышно.

В 3:45 мы находились в 60 шагах от дежурных и палаток. Вдруг раздался девичий крик, и через минуту весь лагерь был на ногах. Оказалось, что медведь прошел по лагерю. Минут через 15 все успокоились, но многие лагерники не пошли обратно спать. Подкрасться к палаткам было почти невозможно. Я послал тогда двух разведчиков за младшими.

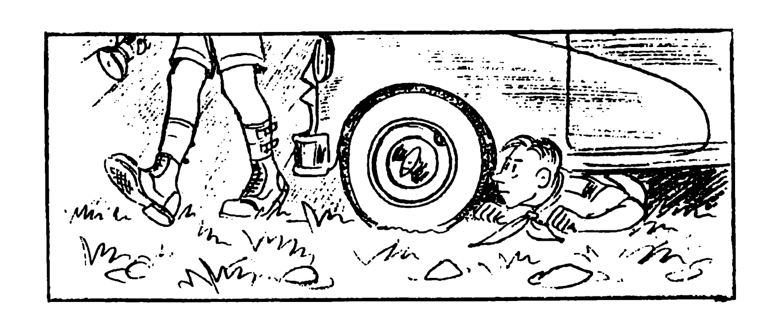
Ребята разделились на две группы, и должны были обойти лагерь с двух сторон, чтобы привлечь к себе внимание. Я же, еще с одним разведчиком, остался на месте. Пролежали мы на этом месте около часу, чтобы дать возможность другим ребятам занять позиции. В 5 часов утра мы переползли через дорогу, и залезли под запаркованный автомобиль в 10 шагах от палаток. Посох с флажком был около третьей палатки. Мимо нас прошел дежурный, посветил фонарем, и ушел. Потом он сказал, что принял нас за спавших хозяев машины.

Уже стало светло, и возникла опасность, что нас могут заметить. В это время с другого конца лагеря раздался крик:

- Сюда, братва, «тубабаовцы» напали!

Все сидевшие у костра убежали. Наши ребята сделали свое дело. Та часть лагеря, около которой были мы – опустела. Иванов схватил флажок, и мы скрылись.

В начале седьмого прибыли официально в лагерь. Поздоровались и пошли на озеро купаться.

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА
ИЛИ
ПОЧЕМУ НАМ ПРИШЛОСЬ ПЕРЕМЕНИТЬ ТРАССУ

Рассказывает скм Аста Аристова
Штатный парк Аллегани,
Нью-Йорк, 1955

Звено «Черная пантера» - одиночное звено города Буффало (штат Нью-Йорк) существовало с 1952 года по 1957. Создано оно было неопытными разведчиками и разведчицами. Не было у нас ни руководителя, ни взрослого наставника, и поэтому мы делали всё как знали. Своего расцвета звено достигло в 1955 году. За лето было два бивуака. Вот описание первого.

*Л*ето 1955 года было какое-то неудачное. Всё время шли дожди, даже по выходным. А когда дожди переставали, делалось невыносимо душно, и хотелось попасть туда «где дышится вольно широко, и нету где скопищ людских». В летний лагерь нью-йоркской дружины никто попасть не мог: кто работал, кто учился. И вот пантеры решили сами устроить свой лагерь. Мы думали, что можно поехать в любой лес, разбить палатку и жить себе спокойно лагерной жизнью. Итак, составили список, что нам нужно для лагеря: палатка, продукты, транспорт и место, куда поехать.

Собрали членские взносы за год вперёд и купили одну палатку. Выбрали место – штатный парк Аллегани на юге штата Нью-Йорк, в двух часах езды от города. Созвонились, договорились, купили кое-какие продукты и, распрощавшись

с родителями, покатили, на ночь глядя. Выехали в субботу вечером после работы.

Друг организации - Яша Панской – старший брат Тамары и Толи - проявил настоящую дружбу, взяв на себя роль шофера. Нас было шестеро: Яша, Тамара и Толя Панские, Борис Ермаков, Светлана Якимова и я. Светлана была самой опытной разведчицей, я кое-что знала, а остальные были новички.

Ехать было весело. Всё время пели песни, ни разу не повторившись. Пели только Светлана да я, остальные иногда подпевали.

Было уже совсем темно, когда мы подъехали к парку. А куда ехать – мы понятия не имели. Попали на какую-то темную, пыльную дорогу, потом свернули, выехали на шоссе, увидели вдали огоньки и палатки, и решили, что мы на правильном месте. Не долго думая, свернули на первую попавшуюся дорожку, и когда трава стала настолько густой, что машина не могла дальше ехать, мы решили остановиться и на этом месте разбить наш «лагерь».

Распределили роли: Светлана с Тамарой будут готовить ужин, а я с мальчиками - ставить палатку. Договорились: мальчики будут спать в палатке, а девочки в машине.

Внизу, в лесной чаще журчал ручей, но Тамара наотрез отказалась пить воду из ручья. Яша сел в машину, довольно ловко развернулся, и поехал куда-то в поисках воды. Вернулся он скоро. Он добрался до лагеря, мимо которого мы проехали, а там были все удобства и кран с питьевой водой.

Разведчик должен поставить палатку за 10 минут, но сюда, наверное, не входит распаковка совершенно новой палатки безлунной ночью при свете тусклого карманного фонарика, который периодически потухал, и который надо было сильно тряхнуть несколько раз, чтобы он ненадолго загорелся. В темноте у нас постоянно терялись то гвозди, то веревки, то колышки. Как мы не вертели палатку, она все время одним углом становилась то в яму, то на камень, то на корягу. Ни топорика, ни молотка у нас не было. Когда составляли список, что

нужно для бивуака, то ни о молотке, ни о топорике даже не вспомнили, и теперь забивали колышки каблуками и камнями.

Так и в нашей звеновой поэме написано:

«А Толя, Боря и Коза
Палаткой заняты.
И что же – вместо молотка
Им служат каблуки».

Наконец, палатка стояла довольно прямо и даже выглядела уютно. Правда, после всех наших стараний, она в двух местах лопнула по шву так, что в нее можно было свободно влезть сбоку, не пользуясь, так называемой, «дверью».

Чтобы было мягче спать, я посоветовала мальчикам наломать еловых веток. Столько раз читывала в разных рассказах, как спали в лесу на хвое. Ели росли на самой опушке леса, так что наломать свежих веток не стоило большого труда, ими и выстелили пол палатки.

К этому времени подоспел кофе. Мы уселись на бревнышке, и стали пить кофе и закусывать бутербродами. В чаще громко прокричала сова. Не то от возбуждения, не то от страха – мороз пробежал по спине. Мелькнула мысль: «А можно ли здесь разводить огонь и ставить палатку?»

После ужина устроили короткий костёр. Мы со Светланой спели «Будь готов!». Светлана провела очень хорошую беседу. Костёр ярко пылал в непроницаемой мгле. В лесу и траве слышались шорохи и шипение, но кроме мотыльков, которые порхали в свете костра, как маленькие хлопья пепла, ничего не было видно. Песни совсем не пелись – некому было их петь, да и все настолько устали, что хотелось только спать. Глаза слипались, и все думали только о ночлеге: кто о палатке, а кто об автомобиле.

Да не тут-то было! В палатке было очень холодно, а «мягкие» ветки впивались в тело, и мальчики время от времени вытаскивали их и выбрасывали из палатки. В машине было еще холоднее и невероятно тесно. Хуже всего пришлось Светлане.

Она была самого низкого роста и уступила переднее сидение Тамаре, мне – заднее, а сама улеглась на полу сзади, головою на ось, которая бугром торчала в самой середине. Хотя Светлана и была маленькой, но не настолько, чтобы уместиться между осью и дверью...

Описывать эту ночь не буду. Мы почти не спали и замерзли. В шесть часов утра разбудил нас Яша криком: «Пожар!»

Оказалось, что в темноте мы разложили костер не на голой земле, как нам показалось, а на гнилом дереве, и не окончательно потушили его. Всю ночь тлела древесная труха, и теперь посреди полянки, поднимался довольно высокий столб дыма. Мы быстро повскакивали с мест, нашли ручей, который вчера в потемках так и не могли отыскать, и давай тушить огонь. Носили воду в чашках, да в найденных вблизи двух бутылках из-под кока-колы. Наконец Тамара вылила на «пожар» весь наш вчерашний кофе, и тогда дым с шипением исчез. Всё место мы завалили камнями, воткнули сверху палку и прицепили старую тряпку, которую нашли тут же в лесу.

Успокоившись, пошли снова раскладывать костёр, на этот раз, среди камней. Яша опять съездил за водой, а мы решили обойтись без утренней зарядки, т. к. уже достаточно набегались за утро.

Около палатки подняли русский флаг. Американского у нас не было. По закону США флаг другой нации без американского, поднимать не полагается. Мальчики забросили веревку на дерево, которого с дороги не было видно, флаг был поднят и утренняя церемония проведена, как в настоящем лагере.

После завтрака Толя и Борис принялись повторять 3-ий разряд, который они должны были сдать сегодня, а мы девушки пошли прокладывать трассу и ставить дорожные знаки.

Было еще довольно рано, и золотые лучи солнца игриво мелькали сквозь листву. Ручей весело прыгал с камня на камень. Птицы возились в деревьях, и где-то на ели стрекотала белка. Мы долго искали, где бы пересечь ручей, наконец, нашли подходящее место, и с некоторым трудом, размахивая ру-

ками, и осторожно переступая с камня на камень, перебрались на ту сторону. Я очутилась впереди, и не долго думая, взбежала на холмик. И вдруг, шагах в двадцати, я увидела медведя! Да, да самого настоящего черного медведя с белым треугольником на груди.

Я знала, что в Калифорнии, в лесу можно встретить медведя, но никогда не думала, что в штате Нью-Йорк, так близко от больших городов, в таком, казалось бы, цивилизованном парке, могут быть медведи??? Неожиданность этой встречи буквально парализовала меня, и я только смогла выговорить:

- И-и-и медведь!

Медведь не испугался. Ему, наверное, не впервой было видеть двуного зверя. Он доверчиво прошел еще несколько шагов вперёд, улёгся на траву и протянул ко мне свою морду.

- Медведь! – повторила я еще раз.

- Большой или маленький? – спросила Светлана.

- Маленький.

- Если маленький, то значит медведица недалеко.

Я в последний раз посмотрела на ласкового, на вид зверя, и опрометью бросилась за своими подругами. Одним махом мы перенеслись через широкий ручей и, как вихрь, пролетели через лес выбежав, запыхавшись, на нашу уютную полянку.

В нашей звеновой «поэме» есть такие строки:

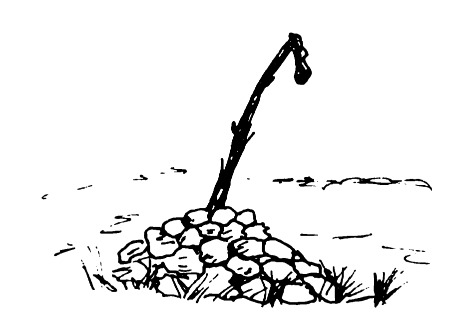
«На холмик забралась Коза,
Давай кругом глядеть,
И вдруг расширились глаза,
И крикнула: «Медведь!»
С испугом Серна посмотрев,
Спросила тут: «Какой?»
Коза, на мишку поглядев,
Сказала: «Небольшой!»
«Так если мишка небольшой,
Медведица близка!»
И все пустились прочь стрелой,
Последняя Коза...»

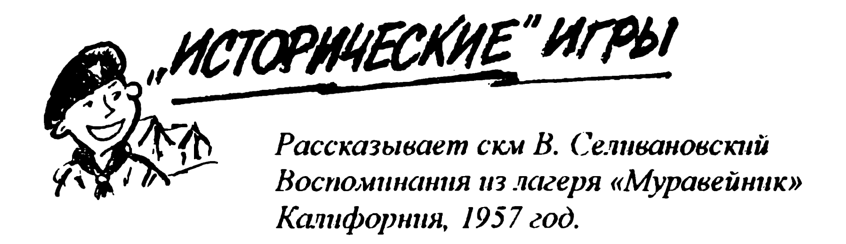
В виденном мы признались только Яше, т.к. не хотелось пугать мальчиков. Они уже готовы были к сдаче третьего разряда. Дорожные знаки мы расставили в другой части леса, подальше от медведей и поближе к шоссе.

Мальчики сдали разряд на славу! Отвечали бойко и точно, и даже русская история прошла без запинки.

Остальное время дня мы отдыхали и понемножку спали, наверстывая потерянное. Доели остатки провианта, выкупались в чудном горном озере, и под вечер поехали домой.

Сонное сопение, переходящее в храп, сливались с шумом мотора. Солнце село. На небе зажглись звёзды – те самые, которые так ласково смотрели на нас сквозь искры костра.

Рассказывает скм В. Селивановский
Воспоминания из лагеря «Муравейник»
Калифорния, 1957 год.

На берегу извилистой горной речки стоит в ряд дюжина палаток. Это волчатский лагерь Сан-францисской дружины «Киев».

Хоть и называется он «Муравейник», но никакой муравьиной возни не видно. Все волчата сидят под огромным развесистым кленом и слушают рассказ о татарском нашествии. Они, бедняги, и не подозревают, что через несколько минут они сами попадут под «татарское иго».

Беседа кончилась. Дан приказ: одеваться для лесных игр.

Не успел дежурный дать сигнал строиться, как в лагерь с гиканьем и свистом ворвались татары – старшие разведчики. Шок был усилен тем, что татары въехали в самый лагерь на разведческом грузовике.

Самый главный из них, хан, потребовал, чтобы все русские собрались на площади, и сказал, что им будет прочитан указ самого Чингиз-Хана. В это время другие татары установили под мачтой своего бога – идола, сделанного из метлы и абажура, на котором была нарисована страшная рожа. Хан потребовал, чтобы все русские поклонились татарскому богу, и заплатили дань. Среди волчат началось возмущение. Некоторые из них попытались бежать, но были остановлены своим же «князем» - одним из волчат, который сказал, что бежать всегда успеется, и что сейчас надо бороться.

Когда угрозы не сломили упорства русских, татары приступили к насилию: все волчата были схвачены и связаны собственными галстуками. После этого татары прошлись по палаткам, нахватали всякого добра, погрузились в грузовик, и умчались к себе в «орду», предварительно пообещав волчатам, что они снова вернутся за новой данью.

Пока волчата распутывались, татар и след простыл. Нужно было отправляться в погоню и искать «Золотую орду». После бурного обсуждения планов, волчата отправились в поход. Сначала решили прочесать низкий берег реки, поросший кустарником.

Им было сообщено, что нападать на орду можно по правилам игры в «Отнятие флага».

Вскоре был обнаружен татарский наблюдатель на дереве, а затем и сама «орда».

Тут началось генеральное сражение. Многие волчата были взяты в плен, но, в конце концов, татарский лагерь был взят и вся добыча отбита.

****

После беседы о Князе Владимире Святом на лагерь неожиданно напали язычники (тоже старшие разведчики) и пытались уговорами и силой обратить волчат (христиан) в свою веру.

Чтобы прекратить налеты язычников на лагерь, волчата решили напасть на городище язычников и разгромить его.

И вот русские дружинники подошли к берегу речки, на другом берегу которой, было городище язычников. Высоко над рекой, на скале, стоял Перун. Какие-то голые фигуры плясали вокруг него и пели какие-то дикие песни.

По правилам игры волчата, вооруженные арканами, должны были переправиться через реку, набросить на идола петлю и стащить его в речку, оставаясь при этом незапятнанными. Язычники отбивались мячами. Подступы к идолу были завалены сухими ветками. «Раненные» мячами волчата выходили из игры и должны были сбегать в лагерь для «перевязки».

Долгое время волчата не могли ничего сделать. Наконец, один волчонок, очевидно, с практическим умом, задал старшему язычнику вопрос:

- К чему вся эта возня с арканами? Почему нельзя свалить Перуна просто руками?

- Потому что Перун воняет! – последовал невозмутимый ответ. Волчонок, по-видимому, удовлетворился ответом.

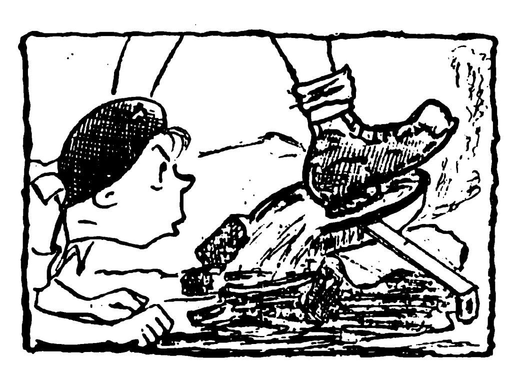
Волчата переменили тактику, - пошли в обход, и вскоре клочья растерзанного Перуна плыли по речке в сторону Тихого Океана.

****

РОБИНЗОНЫ

Часов около пяти вечера из волчатского лагеря выступила процессия из пяти волчат. Некоторые рюкзаки превосходили по объему своих хозяев. Волчата отправились вверх по ручейку. Цель пути – небольшой остров. Цель похода – испытание на специальность «робинзона». У каждого волчонка половина палатки, спальный мешок, пижама, топорик, фонарь, спички, суп в порошке, консервная банка ветчины и хлеб.

Переправившись вброд через речку, они начали ставить палатки. Немного поспорили, поругались, но вот на берегу выросли три покосившиеся палатки.

Затем приступили к постройке печек. Варка ужина прошла менее благополучно. Один никак не мог донести от речки больше половины котелка воды. Другой сварил суп, и наступил в него. Третий уронил ветчину в песок. Но, в общем, кое-как поели, помолились и легли спать. Наутро все пятеро явились к гимнастике.

ЧАСТЬ VI

НОЧЬ...

Ночь луною освещает
Немудреный наш шатер.
Тени темные бросает
На палатки наш костер.

МОЯ ПЕРВАЯ НОЧНАЯ ИГРА

Рассказывает скм Аста Аристова
Германия, 1946 г.

Была у нас одна беспокойная ночь. Что-то такое невероятное снилось, и вдруг мы почувствовали, что нас начали трясти, и кто-то свистел над самым ухом. Оказалось, что это тревога. Заспанные мы вылезли из палатки, и я напялила пальто на ночную рубашку.

У меня была фланелевая ночная рубашка, длинная до самого пола. Мне ее сшила мама. Это была теплая зимняя рубашка, идеально подходившая к лагерным холодным ночам. Пижам в те годы ни у кого не было. У всех девочек были ночные рубашки, но вот только у меня была такая длинная. Однако пока нас белочек будили, старшие уже успели переодеться.

Мы выстроились, и начальница лагеря Рита Сагайдановская объяснила нам, что мальчики напали на лагерь. Кажется, их было трое. Они ушли и с ними пошли двое старших. Они сидят в лесу и хотят еще раз напасть. Надо, во что бы то ни стало, это предотвратить.

Выработали план защиты. Нам белочкам надо было караулить лагерь в пяти шагах от границы. Меня поставили у куста черники, около группки деревьев. Ночь была беззвездная, но достаточно светлая, что вскоре можно было отличить некоторые предметы. Я села на землю и подтянула под темно-синее пальто свою длинную рубашку, так что ее не было видно, и притаилась. Было холодно, и хотелось спать.

Как только я замерла, в кустах послышался шорох. Кто-то подкрадывался. Кто это, не видно, но ясно слышно, как с каждым движением шелестят листья. Через некоторое время пришла проверить посты Оля. Она присела около меня и шепотом спросила:

- Как ты?

- Ничего. Слышишь, там кто-то крадется?

- Ага, - сказала Оля. – Сиди тут и сторожи. Тебя совсем не

видно. Ты хорошо спрятана.

Оля ушла. Я сидела, прислушиваясь к упорно приближавшемуся шелесту. Стало скучно. Сидеть надоело.

Минут через 15 раздался шум, крики, свист. Кто-то за кем-то гнался. Кто-то прорвался в лагерь. Из лагеря доносились возбужденные голоса, а мне сидеть на месте? Ну, как тут не встать и проверить в чем дело? И я, оставив свой пост, пошла в лагерь.

В центре лагеря стояло несколько человек. Лариса живо рассказывала, как она бежала за Кириллом, но не догнала его. Значит, он еще может напасть.

- Я знаю, где он сидит, - сказала она. – Я пойду и подкараулю его. – И ушла. Я обратила внимание на то, что Лариса засунула свои длинные светлые волосы под темную шапочку, так что голова ее стала черной.

Вдруг из того самого места, где сидела я, раздался страшный треск. Кто-то, сидевший в засаде, выскочил и теперь бежал в сторону лагеря. Я побежала обратно. Из чащи вырвалась Вика и крупными тяжелыми шагами топ-топ-топ бежала в лагерь.

«Ах, это только Вика», подумала я, не понимая, зачем она бежит, и пропустила ее мимо себя.

- Я в лагере! – сказала Вика размеренными шагами, вбегая в лагерь.

- Молодец! – похвалил Борис Мартино.

Я ничего не понимала.

- Ведь это же Вика! – сказала я.

- Я же говорила, что приехали мальчики, чтобы напасть на лагерь, а с ними пошли и две старшие девочки, - сказала Рита.

Я то слышала, что «с ними пошли двое старших», но не поняла, зачем им это надо было. Посмотрев на часы, Рита взяла свисток и свистнула:

- Ночная игра окончена! – крикнула она.

Вскоре вошли в лагерь мальчики и Светлана. Было много возбужденных разговоров.

- В общем, игру выиграли нападающие, - сказал Мартино. И, насколько я поняла – из-за меня…

НОЧНОЕ ДЕЖУРСТВО

Рассказывает скм А. Аристова
Лагерь Легау, 1947

***Н**а ночное дежурство нас назначили втроем: Надю, Зину и меня. Они хоть и были на несколько лет старше меня, но храбростью не отличались

Дежурить надо было с трех до пяти, когда больше всего хочется спать. Разбудили нас без четверти три, но нам понадобилось около получаса на сборы, несмотря на то, что всё было приготовлено еще с вечера. В темноте всё время что-то терялось, то носок, то ботинок, и никак не застегивались пуговицы.

Наконец мы вышли на лагерную полянку. Тихо, холодно, и… страшно. Ходить по лагерю, как полагалось, меня отговорили.

- Все равно никто не придет! – уверено сказали мои содежурные. – Давай лучше посидим и порассказываем, - предложила Надя.

Мы уселись на кучу хвороста, приготовленную для костра. Острые ветки то и дело впивались в тело, но вставать не хотелось. Прижались как можно тесней, чтобы было теплее и не так страшно, и давай рассказывать смешные сказки про Иванушку дурачка. Мои соратницы сказок не знали, а мой запас скоро иссяк, и в голову полезли всякие ведьмы, лешие, утопленники и гоголевские страшилища.

В лесу прокричала сова.

- «Ууу-ууу!» кричит она, - сказала Зина тихо.

- Не передразнивай ее, а то она разозлиться и налетит на нас, - сказала Надя шепотом. Мы ведь верили в то, что совы налетают на людей, впиваются когтями в голову, клюют и царапают лицо. Благо на эту тему было много сказок и легенд в немецкой литературе.

Сова прокричала снова.

- Вон, видишь, ее глаз горит, - сказала Надя, показывая на светящуюся точку на макушке ели, откуда донесся крик совы.

- А может быть это звездочка? – спросила я.

- Да, какая там звездочка! – возмутилась Надя. – Это сова! У них глаза светятся ночью, а вон видишь, и второй глаз!

Но как я не старалась, а второго глаза так и не смогла увидеть. Была вторая светящаяся точка, но на соседней ели. А эта, на которую мы смотрели, уж очень похожа была на звезду, особенно в тот момент, когда ветер колыхнул ветки и «глазок» повис один в небе. Но хотелось верить, что это сова, потому что это сгущало краски нашего приключения.

Мы продолжали говорить о пустяках, не сводя глаз с огненного ока, непреклонно смотревшего на нас.

Прошел час. Мы начали томиться. Поминутно поглядывали на часы, приговаривая:

- Еще сорок пять минут… Нет, мы их разбудим раньше, так что еще сорок.

Хотелось спать, и мы подрёмывали на колючем хворосте.

- Уже без двадцати пять. Пойдем! – сказала Надя вставая.

- Ну, да, пока они оденутся, как раз будет пять,- поддакнули мы с Зиной, и отправились в палатку будить Светлану и Вику. Но те были расторопнее нас, и через две-три минуты уже ходили по лагерю.

На следующее утро – упрек.

- Почему вы разбудили нас на двадцать пять минут раньше?

- Нас так разбудили, - оправдывались мы. – Почему вы разбудили нас без четверти? - В свою очередь спросили мы разбудивших нас.

- Нас так разбудили, - последовал ответ.

Оказалось, что самая первая пара дежурных стала на пост на десять минут раньше назначенного времени, и их «точность» не позволяла им отстоять лишние минуты, и послужила поводом, чтобы разбудить следующую пару раньше положенного. Так мы все оправдывались, а начальница лагеря Рита слушала и улыбалась.

БОЛЬШАЯ НОЧНАЯ ИГРА

Две точки зрения

Лагерь Легау, Германия 1947

Первая точка зрения
Рассказывает скм Аста Аристова

С нетерпением мы ждали большой ночной игры, которая должна была длиться всю ночь, и когда наш лагерь – «Родное гнездышко», «пойдет войною» на «Теремок» - лагерь старших разведчиц. Перед началом игры нам объявили правила: надо было украсть звеновые флажки, стоявшие около мачты. Лагерная зона, где можно было пятнать, шла на 50 шагов вокруг мачты. Охранять флажки разрешалось не ближе пяти шагов от них. В случае поимки, драться не разрешалось, но можно было вырываться, а тогда можно были и связывать. Если же дать «честное слово», что не убежишь, то можно было сидеть под мачтой и ждать обмена пленными, или дать «честное слово», что больше участвовать в игре не будешь, тогда отпускали «домой».

С погодой повезло. Это был один из редких дней без дождя. В 11 часов ночи, пронеслось три продолжительных свистка: ночная игра началась.

Мы собрались в штаб-палатке. При слабом свете свечи, шепотом, вырабатывали планы нападения и защиты. Хоть в нашем лагере народу было в два раза больше, но вражеский стан состоял из более опытных и сильных разведчиц. Их не страшили ни черные кусты, ни светящиеся гнилушки, глядящие из мрака холодными зелеными глазами. По крайней мере, так думали мы.

В штаб-палатку приходили с разведки и докладывали:

- Они сидят вдоль дорожке к лагерю «елочкой» - одна тут, другая там – наискосок, друг от друга…

- Кто-то подкрадывается со стороны кухни…

- Их лагерь окружен так, что к нему невозможно подойти на сто метров!

Пятеро из наших самых больших девочек пошли окружным

путем в нападение. Они решили пойти далеко в лес, и подкрасться к лагерю с противоположной стороны.

Моя роль в игре была весьма незначительна. Мы младшие должны были охранять лагерь, что было неинтересно и скучно. Рита, поняв, что нам тоже хотелось нападать, предложила нам сделать диверсию: всей ватагой броситься на вражеский лагерь и побежать прямо к флажкам. Нас было много, и переловить нас всех было невозможно, а мы наделаем столько шуму, что дадим нашим нападающим возможность подкрасться незамеченными, и украсть флажки.

Нам эта идея понравилась. Идти всем вместе по темной дороге через лес было не так страшно. Не рассчитали мы на то, что несмотря на все предостережения пробираться как можно тише, нас все-таки заметили и, когда мы подошли к лагерю, то увидели, что ворваться в него было невозможно. Мы выстроились шеренгой за чертой безопасности и чего-то ждали. Бежать мы не решались.

Во «вражеском стане» была Тина Губарь. Она привезла с собой крохотную собачонку Альфу, неизвестной породы. (За эту Альфу Тина получила лесное имя – Лесная Омега).

Пока мы стояли и думали, из лагеря с громким лаем вылетела Альфа, а Тина, державшая ее на поводке, еле поспевала за ней. Альфа заливалась визгливым лаем, при каждом взрыве лая подпрыгивала как мячик, и казалось, что она вот-вот лопнет.

- Куси! Куси, Альфа! – кричала Тина, бросаясь прямо на нас. Глаза Тины гневно горели, волосы растрепались. Она была по-

хожа на мстящую фурию, и мы перепугались. Альфа действительно готова была броситься. И хотя собачонка была маленькой, но она могла больно укусить. Мы побежали обратно и пожаловались начальству.

Один из руководителей, находившийся в это время в штаб-палатке, пошел к старшим и сказал, что собаку надо убрать. Тина обиделась, но послушно увела Альфу в палатку, где собака проспала до утра.

Так что с диверсией ничего не вышло, а до конца игры было еще много времени. Мы ходили по лагерю, «сторожили» его. Наши старшие девочки кого-то запятнали, кто-то из наших нападающих был пойман и, дав «честное слово», что не будет больше участвовать в игре, улеглась спать, и крепко уснула, проспав до утра...

Начальник лагерей – Юра Лукин со своим помощником Сережей Тарасовым ходили из лагеря в лагерь, проверять все ли в порядке, и между прочим, сказали:

- Да, вы их не бойтесь! Там две идут в нападение, песни распевают. На весь лес слышно!- С этим и ушли, откуда пришли.

В это время мы с Аней, то и дело выходили на разведку. Теперь, когда опасность казалось близкой, охранять лагерь стало интересней, особенно после того, как было сделано несколько попыток украсть флажки. Кто-то даже сидел связанным у мачты, и уже два раза было сделан обмен пленными.

- Там кто-то лежит в канавке, - шепотом сказала Аня, вернувшись из обхода лагеря.

- В канавке? Ты уверена?

- Может быть это бумажка. Пойдем, посмотрим.

Мы позвали Зину и Надю, ведь они были «большие», и поэтому должны были быть храбрее.

- Вот видите! – сказала Аня, гордо показав на светлое пятно.

Мы присмотрелись. Мне показалось, что это человек. Но человек не шевелился. «Мертвец!» промелькнуло в голове.

- Да, это бумажка! – сказала Надя уверенно. Видно у нее в голове промелькнула такая же мысль.

- Ты думаешь? – спросила я.

- Ну, конечно бумажка! – подтвердила Зина.

- Ну, так возьми ее! – сказала я, сама не решаясь на такой храбрый поступок, при мысли, что это может быть труп.

- Ах, зачем? – равнодушно протянула Надя, - пускай валяется!

Мы струсили и быстро зашагали обратно к палаткам, но страшные мысли не покидали моего воображения.

Вдруг из нашего лагеря украли флажок пассауского звена, вожаком которого была Ира Мочарская. В Ире вскипело негодование, и нужно было, во что бы то ни стало, отомстить.

Это значило идти в нападение. Альфа сидела в палатке, и можно было идти спокойно. Летние ночи короткие, и пока мы решали, что делать, стало светать, и идти по лесу было не так уж страшно. И вот, мы восемь самых младших девочек подошли к опушке леса, но выйти на полянку не решались. Во вражеском стане никого не было. У самой дальней палатки понуро стоял украденный флажок.

Казалось, что нет ничего проще, как перебежать через полянку, ворваться в лагерь, схватить флажок, и… бегом обратно.

Мы осторожно вышли из лесу, и уже направились к цели, как вдруг из палаток вышли трое и деловито заходили по лагерю, сердито глядя на нас. Мы стояли недалеко от границы и тихо переговаривались.

- Вот сосчитаем «раз-два-три» и все вместе побежим. Всех не переловят!

Стало уже совсем светло. Во вражеском стане откуда-то появились еще две разведчицы и, стали заниматься своими делами: стелили постели, убирали лагерь, одна вынесла одеяло для проветривания, повесив его на веревки палатки, другая стала причесываться, как будто нас и не было.

И тут Ира скомандовала:

«Раз-два-три» и при слове «три» она бросилась вперед и мы за ней. Нас кинулись ловить. Мы – наутек, и добежав до зоны безопасности, обернулись. Зину и маленькую Аню поймали и они, перепугавшись, сразу же дали «честное слово», что убегать

не будут и их поставили у одной из палаток. Ира же продолжала зигзагом бежать к флажку. Тут подскочила к ней начальница лагеря Таня Богданович, подбежали и еще две девушки, Иру схватили и крепко держали.

- Даешь честное слово, что не убежишь? – спрашивали они.

Ира замотала головой: – Нет!- сказала она сердито.

Тогда ее привязали к мачте, причем понадобились усилия четырех, чтобы справиться с одной Ирой.

Наконец, в лагере наступила тишина. Ира стояла под мачтой спиной к нам, Зина и Аня стояли у палатки и вытирали слезы. Мы стояли в безопасности, переминаясь с ноги на ногу, и переживали. Подбежать к Ире и попытаться освободить ее, или кинуться к флажку мы не решались. Уходить и оставлять подруг, тоже не хотели.

Минут через 10 Таня подошла к Зине и Ане и с жалостью в голосе спросила, дают ли они честное слово, что не убегут. Они закивали головами, и им разрешено было сесть.

Они сели на солнышке, ласковыми золотистыми лучами осушившее росу на травинках и слезинки на щеках. Лица Ани и Зины выражали полное достоинство: мол, мы дали «честное слово», и его не нарушим.

Таня снова подошла к Ире. Лица Иры мы не видели, но видели, как она отрицательно замотала головой, и из глаз во все стороны посыпались искры.

Зина и Аня тихо переговаривались, рисуя веточками на земле. Ира поводила плечами и дергала руками. И вдруг мы ахнули.

- Шшш-шшш – зашипели мы друг на друга. Мы увидели, что Иру привязали скользящей петлей! Это почувствовала и Ира и, дернув плечами еще раз, сбросила с себя петлю. Старшие ничего не заметили. Кто-то подошел к Ире, проверил спереди веревки, но не обратил внимания на руки и спину. Мы затаили дыхание. Ира рванулась, высвободилась и – бегом с пригорка!

- Ой-ой-ой! – закричали одни.

-Ира-Ира-Ира! – кричали другие.

-Беги-беги-беги! – вопили третьи.

Старшие пустились в погоню, но на этот раз Ира бежала на-

прямик, вихрем пронеслась через поляну прямо к нам в объятья.

Мы прыгали от радости, обнимали Иру, хлопали ее по плечу, и, бросив прощальный и надменный взгляд на «врагов», отправились восвояси.

До конца игры оставалось еще около часу. Солнце слепило глаза. О подкрадывании и нападении не могло быть и речи. К тому же мы вдруг почувствовали усталость, и всем захотелось спать. По дороге нас догнали Зина с Аней. Их отпустила Таня, взяв с них «честное слово», что они больше не будут участвовать в игре. Да у них, итак пропала охота.

Не дойдя до своей палатки, я пошла в сторону к канавке, где либо лежал труп, либо валялась бумажка. Ни бумажки, ни трупа не было. Я вздохнула облегченно. Значит, все же был живой, а не мертвец, а то лежал бы до сих пор. И я, успокоившись, пошла спать.

Вторая точка зрения

Рассказывает ски Валентина Рышко (Губарь)

В лагере я была в первый раз, и всё мне казалось странным, а многое и неприятным. В особенности: побудка, зарядка и ночные дежурства. С раннего детства я очень боялась темноты и, включая свет в темной комнате, я всегда боязливо заглядывала в темные углы или под кровать - не спрятался ли там какой-нибудь разбойник. А тут приходилось дежурить одной. Правда, посреди лагеря горел маленький костер, но от этого еще темнее казалось в лесу за палатками. При каждом шорохе в траве или в палатке, сердце начинало усиленно биться. А моя собака Альфа, вместо того, что помочь мне дежурить, поежившись от ночного холода, убегала обратно в палатку и, пользуясь моим отсутст-

вием, растягивалась на моей кровати и мирно сопела.

И вдруг – ночная игра! Все радовались, а я пришла в ужас. Мне было совершенно непонятно, что может быть интересного в подкрадывании на четвереньках через довольно широкую полосу хвойного леса и в нападении на второй лагерь девочек. Вначале было не так страшно. Меня оставили в лагере сторожить флажки, в обществе нескольких разведчиц. С помощью Альфы мы отбили нападение младших разведчиц из вражеского лагеря. Но Альфа задала такой лай, что девочки пожаловались. Альфу наказали и отправили в палатку, где она преспокойно уснула, а я должна была идти в нападение.

И вот я и Ирочка - такая же «храбрая» как и я, решили идти вместе. Я предложила нападать с той стороной, с которой нас меньше всего ожидают, но для этого нужно было сделать большой круг.

Чем дальше мы отходили от лагеря по тропинке, тем страшнее нам становилось. Лес таинственно шумел при каждом порыве ветерка, под ногами шуршали листья, где-то потрескивали ветки, и нам стало так страшно, что захотелось убежать обратно в лагерь. Но мы, конечно, не хотели показывать свою трусость, и я предложила для храбрости, что-нибудь спеть. Ирочке мое предложение понравилось, и мы громко запели:

- Взвейтесь, соколы, орлами…-

Настроение сразу поправилось, и мы храбро зашагали вперед. Вскоре мы подошли к перекрестку трех тропинок. Как вдруг кто-то нас обеих схватил за ноги. Это было так неожиданно, что мы даже не успели закричать: и страшно обрадовались, когда по голосу узнали начальника всех лагерей Юру Лукина и его помощника Сережу Тарасова. Они над нами посмеялись и сказали, что в нападение не идут с песнями и с барабанным боем. Мы обещали больше не петь, и отправились дальше.

Теперь тропинка шла над обрывом реки, своим шумом заглушавшая все другие звуки. Деревья стали реже, и стало светлее.

На краю поляны, на которой стояли палатки «неприятеля» мы остановились, и не знали что предпринять. Вдалеке за нашими спинами, послышались голоса, и мы еще больше расте-

рялись. Наконец, решили лечь на землю как Юра и Сережа. Я легла у края дороги, а Ирочка не послушала меня, и легла на самой середине.

Два человека быстро приближались по дороге и, ничего не подозревая, наступили на Ирочку.

Она запищала, фигуры остановились, и оказались опять Юрой и Сережей. Опять посмеявшись над нами, они отправились дальше, а мы сели у дерева и начали шепотом говорить о том, что делать.

До палаток было довольно далеко, и бежать по открытой поляне - рискованно. С другой стороны был крутой спуск к реке, откуда ночью можно было легко скатиться в воду, а со стороны нашего лагеря слышался страшный треск и изредка топот убегающих ног. Казалось, что стадо слонят играли в «кошки-мышки» - это наши девочки «подкрадывались».

Ирочке надоело ждать, и она пошла одна через полянку. Вскоре я услышала крики:

- Держи ее! Держи! – Затем все стихло.

Пора было и мне что-нибудь предпринимать, и я решила в заключении, что безопаснее всего будет двигаться по канавке, которая тянулась под деревьями вдоль полянки к самим палаткам. При каждом подозрительном звуке, я ложилась в канавку и не дышала. Кто-то выглянул из-за палатки, и как мне показалось, посмотрел в мою сторону.

С противоположной стороны полянки стало двигаться что-

то странное: какие-то большие темные шары двигались прямо на меня. Когда они подошли ближе, я разглядела, что это девочки, завернутые в одеяла, подкрадываются к палаткам. В лагере опять начался страшный шум, беготня и крики, из которых я поняла, что они унесли флажки. Теперь мне уже незачем было подкрадываться, и все мои труды пропали даром.

Я опечалилась, но решила сделать хотя бы переполох в лагере.

Тут мне опять не повезло: из лагеря вышли несколько девочек, которые возмущались тем, что им не удалось отнять флажок у похитительниц, и они отправились на кухню пить воду. На обратном пути, одна увидела меня, и сказала со страхом другим:

- Там, кажется, кто-то лежит! –

Все нагнулись надо мной и стали слушать. Я перестала дышать, но сердце билось так сильно, что я была уверена, что они услышат. Но девочки ничего не услышали, начали уверять, что это бумага валяется в канаве, и разошлись. Тем более что было почти 5 часов и конец игры.

Когда они ушли, я подкралась и, схватив за верхушку ближайший патент для посуды, затрясла его со всей силы. Посуда загремела, и из палатки выбежали две сонные разведчицы. Я пустилась бежать. Они за мной. Но догнать меня не смогли.

В нашем лагере было оживленно и весело: одни вязали брыкавшихся пленниц, другие, собравшись в кучу, обменивались впечатлениями. Кто-то ободрал при падении ногу, и теперь охал, когда ногу мазали йодом. Не обращая на это внимания, я отправились в свою палатку и, сняв с кровати Альфу, легла и заснула, не чувствуя, что Альфа улеглась на мне и сует свою мохнатую морду мне прямо в нос.

Рассказывает Лагерник
Калифорния, 1952 г
«Свисток» №30

Согласно приказу Старшего Скаутмастера о строгом разделении лагерей разведчиков и разведчиц, наш мужской лагерь «Алтай» находился на почтительном расстоянии от женского лагеря «Урал». Жили мы совершенно самостоятельно, и кроме редких общих костров, богослужений и спортивных состязаний, у нас не было ничего общего с разведчицами. Виделись мы только во время купания, и то на большом расстоянии, ибо девочки купались на одном берегу озера, а мы на другом.

Все шло тихо и мирно пока не произошло одно событие, о котором я и хочу рассказать. По какому-то недоразумению разведчицы решили, что мы их пригласили на костер, и они явились к нам в лагерь в довольно многочисленном составе. Разведчики не ожидали такого посещения, однако, костер устроили.

Гостьи уселись вокруг костра и как будто ожидали, что их будут развлекать. Разведчики же предоставили инициативу гостям, т.к. сами не подготовили программы костра. Спели несколько песен, но костер шел как-то вяло и наши гости явно были разочарованы. Для поднятия настроения двое разведчиков спели шутливую песню. Разведчицы тут окончательно обиделись, т.к. ожидали серьезного и содержательного костра, а не шуточки с прибауточками. Нужно заметить, что в этом лагере наши костры отличались серьезностью. Главное внимание обращалось на беседы. Девочки недовольно перешептывались, и несколько из них встали и куда-то ушли.

Через некоторое время дежурный их привел, чуть ни со связанными руками, и заявил, что они подкрадывались к опустевшему лагерю руководителей, очевидно с намерением похитить флаг.

Сделав им предварительное внушение, что красть флаги, пользуясь положением гостя, неэтично, разведчики их отпустили. К этому времени костер кончился и гостьи ушли.

После их ухода разведчики еще долго не отходили от костра: все подозревали, что разведчицы в эту ночь определенно собираются сыграть какую-то шутку над нами, и все согласились, что надо быть на чеку.

Надо также отметить, что новое поколение разведчиц стало особенно боевым и самостоятельным, и с этим «слабым полом» не шути. Тем временем стало поздно, и все разошлись по палаткам спать.

Ночь в лагере – секунда. Чик! – и уже утро. Я проснулся от солнечного света, проникавшего в палатку. Я машинально потянулся за ботинками, - и не нашел их. Жуткая мысль пришла мне в голову: быстро выскочил из палатки и первым делом взглянул на мачту. Как и следовало ожидать – на ней флага не было. Какой позор! Девочки объегорили наших дежурных! Как и когда это могло случиться?!

- Кто сегодня дежурил?! Подать сюда дежурных! – завопил я. Моментально, без сигнала, весь лагерь был на ногах. Начался перекрестный допрос дежурных, из которого выяснилось, что виноват определенно «Спрут», который, по собственному признанию «на минуточку зашел в палатку погреться». Тут все на него накинулись с упреками, так что у бедного «Спрута» даже появились слезы на глазах. Но делать было нечего. При дальнейшей проверке инвентаря выяснилось, что даже не хватает нескольких звеновых флажков, которые находились под главной мачтой.

Все ходили в ужасно мрачном настроении. Некоторые даже высказывали мнение, что надо «разнести» женский лагерь. Высказывались даже предположения, что девочки приходили

к нам в гости совсем не ради костра, а чтобы пошпионить, говорили, что это неэтично, не по-разведчески и т.д.

Немедленно в женский лагерь отправилась делегация с требованием вернуть похищенные вещи или ожидать возмездия в таком же духе. Девочки ответили гордым отказом.

Весь день в воздухе чувствовалась гроза. Но вот наступила ночь и в лагерь «разведчиц» была отправлена карательная экспедиция» с целью выкрасть наши вещи, и заодно захватить трофеи. На это дело была послана группа из шести витязей, чтобы не было беспорядка. До женского лагеря было меньше километра, но идти надо было через густой лес.

Пройдя часть пути вдоль берега озера, мы увидели впереди освещенную лунным светом фигуру, шагающую нам навстречу по тропинке. Мы сошли с тропинки и притаились. Когда фигура приблизилась, мы в ней узнали Жоржа, который ездил на машине за продуктами и не знал о происшедшем.

- Почему у девочек весь лагерь освещен как кацет?- (*концлагерь – Ред*). – спросил Жорж. Он также сказал, что, проходя мимо женского лагеря, он видел нескольких дежурных вооруженных фонарями и… дубинками! Мы быстро объяснили Жоржу, в чем дело, и он присоединился к нам. Было ясно, что девочки ожидают посетителей, и врасплох их не возьмешь.

Однако мы решили довести начатое дело до конца. Перед самым лагерем мы разбились на пары и решили нападать с разных сторон. Сборным пунктом была назначена волейбольная площадка разведчиц.

Мы с витязем П. подкрались к самым воротам лагеря; по нашим головам несколько раз проскользнул луч фонаря, но

мы притаились за камнями, решив, что бдительность девочек, рано или поздно, ослабеет, а пока надо ждать.

В лагере было двое дежурных с фонарями и дубинками, как и говорил Жорж. Они все время обходили палатки и освещали окрестности лагеря. Через некоторое время одна из дежурных куда-то исчезла, а другая села у костра и начала читать книгу, при свете яркого пламени, в который она постоянно подбрасывала сучья.

Вокруг мачты стояли наши флажки. Дежурная сидела к нам спиной. В это время за одной из палаток мелькнула чья-то фигура. Это был витязь З. Он начал тихо ползти к мачте, которая была между ним и дежурной. Подкравшись к мачте, он начал снимать флажки с посохов, свои и не свои. Засунув флажки в карман, он пополз обратно. И тут, как назло, один из посохов, с грохотом упал не землю.

Дежурная резко оглянулась, и увидела спину витязя З., исчезавшего уже за палаткой. Раздался резкий свист – тревога! Витязь З. с треском помчался через кусты. Мы все тоже бросились бежать к условленному сборному пункту. Через несколько минут мы все собрались на волейбольной площадке, откуда был виден лагерь.

Там началась тревога. Замелькали фонари, зашныряли разведчицы по кустам вокруг лагеря. Мы сидели спокойно и наблюдали, т.к., знали, что разведчицы не рискнуть ночью заходить глубоко в лес. Но не тут-то было: мы увидели, что к нам приближается фонарь. Какая-то смелая девица шла прямо на нас. Я говорю смелая, потому что в районе лагеря по ночам бродили медведи, и на них можно было легко наткнуться.

- Ах ты, щучья кровь! Смотри! Не боится! Драпай, братцы! – сказал один из нас. Мы тихо побежали к своему лагерю, но вокруг озера, чтобы не бежать через кухню разведчиц, где они

уже бегали с дубинками. Мы не хотели, чтобы разведчицы знали, кто участвовал в налете. И только подойдя к своей кухне на другом берегу озера, мы присели, чтобы перевести дух.

Мы отомстили. Теперь оставался обмен трофеями. Оживленно разговаривая, мы не заметили, что со стороны женского лагеря кто-то пробирается по тропинке с фонарем. Мы бросились в кусты, думая, что это какая-нибудь разведчица забрела сюда в азарте погони. Мы думали, что она пройдет и не заметит нас, но, к несчастью, витязь К. «забыл» ногу на тропинке, вернее, бросившись в кусты, не успел ее подтянуть, и она лежала поперек дороги. Фигура была настолько близко, что шум передвинутой ноги по сухим листьям привлек бы внимание идущего.

Витязь К. решив, что скрываться бесполезно, осветил фонарем фигуру. К нашему великому удивлению, это была не разведчица, а самый маленький разведчик Л.. Он здорово перепугался, но взял себя в руки.

- Ты что тут делаешь? Почему не спишь? – заорал я на него.

- А я не мог пережить позора, и пошел у них флаг брать,- ответил разведчик Л.

- Ну, брат, хоть ты и показал свою храбрость, что пошел один по здешней тайге ночью, но тебе не миновать стояния под мачтой за непослушание. Пошел спать!.

На другой день произошел торжественный обмен трофеями, а разведчик Л. отстоял свое время под мачтой.

Эпизод, конечно, не совсем похвальный, но забавный.

ОДНО НОЧНОЕ НАПАДЕНИЕ

Рассказывает витязь Михаил Тизенгаузен
Впечатления лагеря «Кавказ-Сибирь»
1953 г. штат Нью-Йорк

В полночном лесу, под блестящей луной
Там кто-то тихонько крадется тропой.
Черные кудри тропу подметают,
Ясные очи как искры сверкают.
Ой, часовой, на посту не засни!
Это девчонки крадутся в тени.
Сегодня ватага к любому готова
Не даром ведет их Лариска Грязнова.
И вот уж они за палаткой сидят,
Вокруг все спокойно лишь птицы свистят.
Лариска к ватаге своей обратясь,
Сказала им грозную речь, подбочась:
«Друзья, наш черед отомстить им настал.
Муж-лагерь сегодня, наверно, пропал!
Мы срежем их мачту, возьмем их флажки
Мы спустим палатки, сопрем их носки.
И снимем и свяжем мы их часового
Не даром ведет вас Лариса Грязнова!»
Как только луна за туманы зашла
Лариска ватагу на бой повела.
Двенадцать пар рук часового схватили
И быстро на землю его повалили.
Сей бой описать невозможно пером
Там ногти сверкали в пыли серебром.
Так только боролись с богами титаны,
Иль с Цезарем бились у Рейна германы.
Но вот уж луна вылезает вдали
И что же мы видим в осевшей пыли?

Под мачтой два ряда девчонок лежат
И вместе с дежурными хором храпят
Их руки завязаны тонкой бечевкой,
А ноги закручены толстой веревкой.
Отдельно у мачты Лариска сидит
И с гордой улыбкой, как кошечка спит.
Несчастная жертва ее - часовой
От жутких царапин отправлен домой.

РАЗВЕДЧЕСТВО БУДУЩЕГО

С развитием техники всю тяжелую работу в лагере, включая утреннюю гимнастику будут проделывать роботы.

Специальность «повар» будет отменена, т.к. все иструкции будут даваться по радио.

Волчий Клык
1955 год

Ночное СРАЖЕНИЕ

Рассказывает ст скм Михаил Данилевский
Случай из лагеря «Смелость города берет».
Калифорния, 1955 г

Солнце зашло. Наступает час размышлений и отдыха. Но не отдыхает и не успокаивается лагерь. В воздухе чувствуется что-то зловещее. Все старшие исчезли из лагеря, кроме помначлага Кабана. Сидит он под мачтой с таинственным видом.

- Сегодня костра не будет, – мрачно объявляет он.

Возбуждение среди лагерников возрастает, когда Кабан приказывает сдать ему все ножи.

Но вот уже совсем стемнело. Чувствуется ночной холодок.

Вдруг Кабан созывает всех и объявляет, что на лагерь движется вражеская банда с целью уничтожить лагерь и взять пленных. Участие в игре принимают все кроме Кабана, который является судьей и блюстителем порядка. Комендантом лагеря назначается вожак звена «Орел» - Настойчивый Бизон.

Не успели все понять значение происходящего, как по дороге над лагерем с диким воем промчалась вражеская «кавалерия». Все толпой бросились ловить её, и только окрики и пинки Бизона водворили порядок в лагере. Лагерники разделились на три группы. Одна группа, с Бизоном во главе, взяла на себя внутреннее охранение лагеря. Другая, с Тушканчиком во главе, пошла патрулировать окрестность. А третья, с Бобриком, села в засаду.

Увы! Охрана довольно громко трещала сучьями и щедро разбрасывалась светом своих фонариков.

Вдруг раздался сухой удар в землю, еще один и еще несколько. Бизон выбежал на середину лагеря и наткнулся на несколько стрел, вонзившихся в песок. На одной из них какая-то записка. Развернув ее, Бизон прочел следующее:

«Берегитесь! Уходите из лагеря!
Иначе вам будет плохо!
Отчаянный отряд!»

Бизон не растерялся и быстро созвал начальников всех групп. Он сообщил об угрозе и приказал привести хотя бы одного пленного для получения информации.

Во время совещания на середину лагеря вдруг посыпался град шишек, летящих неизвестно откуда.

Тем временем, летучий отряд неприятеля, с Рысью во главе, подкрался к штаб-палатке, схватил звеновой флажок и с зажженными фонариками и страшным криком промчался по лагерю.

Переполох полный! Начальники групп срываются с мест, охрана лагеря за ними. Другие группы кидаются то в лагерь, то в погоню. В это время откуда-то с горы всех посыпает град шишек. Наконец, порядок восстанавливается, не обошлось, однако, без помощи нескольких затрещин от волнующихся начальников групп. Никого не поймали, и вскоре опять все на постах.

В воротах Бизон натыкается на нож с запиской такого же мрачного содержания.

Вражеский отряд усиливает нападения и учащает налеты

на лагерь. Все чаще и чаще слышится: «Держи его! Вот он! Беги за ним! Стой! Может быть засада! Де, нет же! Лови его!»

Через лагерь в темноте проносится еще несколько врагов.

К Бизону приходят связисты с докладом.

- В лагере Сева ходил. Пришел с той стороны речки, а сейчас убежал.

- Что же вы его не поймали?

- Да темно здорово было!

- Эй! Они, кажется, обстреливают нас с деревьев!

- А ты посвети!

- Туши фонарь! Голова!

Наконец Бизон не выдерживает и сам уходить брать пленника, передав руководство Коле.

Через некоторое время слышится дикий победный клич, и в лагерь вводят отбивающегося пленника – Собакевича. Его валят на землю, вяжут и довольно грубо издеваются над ним.

Бизон разгоняет всех кроме стражи. Но торжество продолжается недолго – часовой приносит печальную новость, что враги выкрали Тушканчика на глазах у изумленной засады. Весь гнев лагерников снова обрушивается на Собакевича, и он в суматохе теряет в песке бритву, которой он уже почти разрезал путы.

Расправа над Собакевичем предотвращена объявлением конца игры и торжественным шествием «вражеской силы» в лагерь. Производится обмен пленными и начинается оживленный обмен впечатлений, в то время как руководители оценивают результаты игры и поведение отдельных разведчиков.

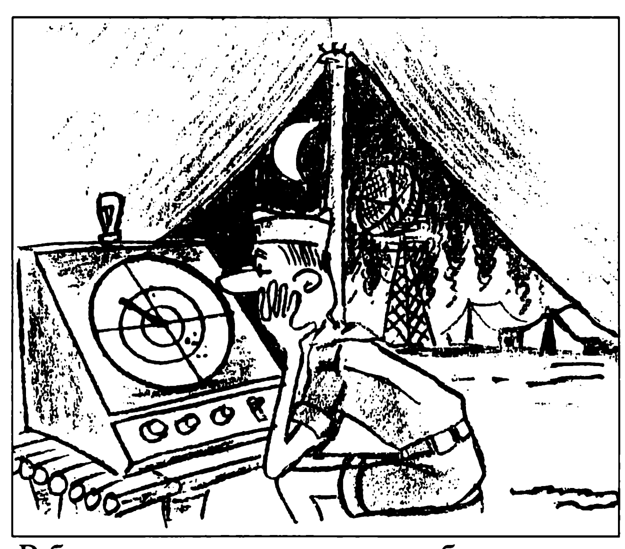
Через несколько минут объявляются результаты и дается отбой.

Лагерники расходятся по палаткам.

Дежурный рук выстраивает ночных дежурных, дает инструкции и пароль. Первой паре дежурных выдаются ружья, заряженные слезоточивым газом. Это было сделано, вероятно из-за того, что на лагерь за все время его существования не было ни одного ночного нападения со стороны разведчиц.

Наступает ночная тишина... Лагерь спит...

****

В будущем ночные дежурства будут значительно облегчены при помощи радара.

Волчий Клык

НА СТРАЖЕ…

Рассказывает ски Петр Ермилов
Калифорния, 1960

Ожидалась большая ночная игра. На мою долю выпало охранять лагерь. Я обошёл лагерь. Всё было тихо, как будто никто не нападает. Решил пойти на кухню, оттуда как раз можно было бы хорошо подкрасться к нашему лагерю.

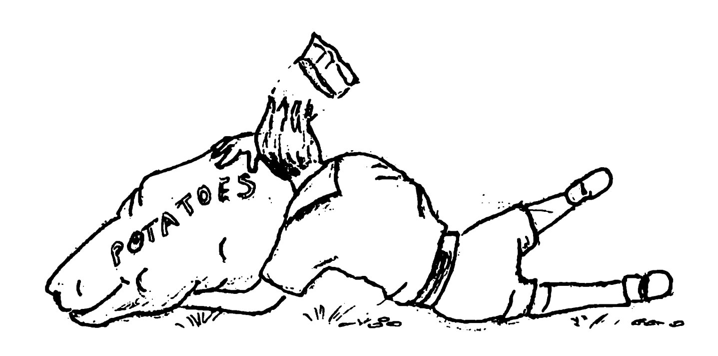
Угли в очаге тускло тлели, слабо освещая котлы, кучу хвороста, и… притаившегося разведчика. - Ого!- думаю! - Я тебе напасть не дам!

Разведчик сидел на корточках, пригнувшись к земле. Был он в форме, как и полагается, и не шевелился. Я замер, и стал наблюдать, что он будет делать. Он сидел совершенно тихо, вероятно заметил меня, и ждал, когда я уйду. Я всматривался в него, но было слишком темно, чтобы распознать, кто это.

- Наверное, кто-то из города, из гостей, - подумал я.

Я боялся пошевелиться, чтобы не спугнуть его, а то ринется прочь, и я его не поймаю. Так я стоял и ждал. И он сидел и ждал. Наконец, мне надоело. Я решил броситься на него стремительно, как нас учили в игре в американский футбол, так, чтобы сбить противника с ног…

Приготовился… просчитал мысленно – раз-два-три и… бросился на добычу… и повалил мешок с картошкой.

ЗНАКОМСТВО НА НОЧНОМ ДЕЖУРСТВЕ

Рассказывает ст скм Павел Уртьев
Германия, 1956 год

*С*лужил я тогда сержантом в американской армии, и забросила меня судьба в Крайсгейм, Германию. Местечко это на пол пути между Штуттгартом и Нюрнбергом. Время было летнее, лагерное. Где находится лагерь, я точно не знал, но знал, как называется ближайшее от лагеря местечко, куда можно было доехать на поезде. И вот я поехал в лагерь «на ура» с расчетом провести там несколько дней, и с надеждой, что местные жители смогут мне помочь его найти.

Ехать пришлось долго, несколько окружным путем, да еще с пересадками, так что добрался я до места почти в полночь. Штатской одежды у меня тогда еще не было, и я был в военной форме, по-немецки говорил свободно, и это вызывало ко мне некоторое доверие у местного населения.

На станции был только один дежурный начальник, не знавший, где находится русский скаутский лагерь, и как до него добраться. Он вызвал местного таксиста, который в этом местечке был, вероятно, единственным, и, наверное, был уже в кровати. Тот приехал и согласился подвезти меня до опушки леса, т.к., знал одно лишь направление, где мог бы находиться такой лагерь, а дальше я уже должен был добираться сам.

Деваться мне было некуда, ибо ночевать было негде, а оставаться на станции мне не хотелось, и я согласился. Из сочувствия ко мне, и, может быть, из уважения к моей форме, он с меня ничего не взял.

От этой опушки я и стал пробираться через лес сперва по тропинке, а когда она кончилась, (или стала невидимой), то прямо через густой, и, как всюду в Германии, чистый, лес в надежде, что что-нибудь увижу или услышу. Но не тут-то было - ночь была темная и не тихая. Моросил дождь и шуршал

по листьям. Я часто останавливался и старался прислушиваться к каким-либо не природным звукам, но их не было, и я шёл напролом дальше.

Но вот увидел тусклый свет костерка и начал к нему приближаться с опаской, чтобы не напугать дежурных… Иду и думаю о том, как они меня примут. Ведь я же там почти никого не знаю, а если и знаю, то только по фамилии. А тут я в форме, да еще американской, и в такое неурочное время. Но вот приблизился, и иду бодрым шагом без подкрадывания. Приближаясь к костру, слышу бодрый женский голос…

…Продолжение

Рассказывает
Ски Мария Жесткова

Это было в 1956 году. Во Франции тогда у нас не было больших летних лагерей, и кто мог, приезжал в летний лагерь в Германию. Я считалась «опытным» вожаком, сдавшим КДВ, поэтому мне давали сборное звено девочек из разных городов Германии. Звено наше называлось «Черепахи» и девиз наш был: «Тише едешь – дальше будешь». Некоторые ребята над нами смеялись и добавляли: «От того места, куда едешь». Но нас это не смущало. В моем звене, кроме меня, было шесть девочек – все новички.

Лагерь был большим, и кухня была не общая, как часто бывало, а одна в женском лагере и одна в мужском. В обязанности дежурного звена было приготовление пищи и ночное дежурство. Были и другие обязанности, но мой рассказ касается этих двух. Так как у меня были сплошные новички, у которых было мало авторитета и которым ночью было страшно, я распределяла дежурство следующим образом: первое и последнее брала на себя. Дежурила одна. Остальные дежурства было по двое. В эти «дежурные» ночи я спала одетой, т.к., быстро поняла, что мои новички будут меня будить, если не

каждые десять минут, то, во всяком случае, несколько раз за дежурство.

Почему я брала первое дежурство? Потому что надо было иметь достаточный авторитет, чтобы успокоить болтовню по палаткам, и проверить – все ли на месте, т.е. что никто не пошёл «дежурить» в мужской лагерь (а такие случаи бывали).

В эту ночь не было ничего выходящего из обычной обстановки. Несколько раз меня будили: «Кто-то ходит по лесу!» Но это было привычным. Ах! Как я люблю ежиков, но не в лагере ночью. Они так шумно передвигаются, что и вправду кажется, что идет взрослый человек, а не маленькая зверушка.

Наступило моё второе дежурство. Я обошла лагерь, проверила, что всё в порядке, и пошла на кухню разжигать костёр и мазать бутерброды к завтраку. Надвигалась гроза. В этом лагере она была у нас не первой. У нас даже был град размером с добрый грецкий орех, но это уже другая история. Сижу, значит, на кухне, костёр горит, мажу хлеб. А в густом лесу, рядом с кухней, слышу шаги. Ну, думаю, опять ёжик. Но хруст веток настолько громкий, что я решила, что вправду идёт человек. Из-за наступающей грозы темно. Сижу и думаю: «А не Гусь ли это?» Дело в том, что этот Гусь, наш разведчик из США, служил в американской армии в Германии и несколько раз приходил к нам в лагерь, и обычно без предупреждения.

Шаги всё приближались. Я человек храбрый, но мне всего то 16 лет, и весь женский лагерь на моей ответственности. В общем, не стесняюсь сказать, что мне стало страшно. Собрав всю свою храбрость, я беру фонарь и иду к тому месту, откуда вот-вот из леса выйдет человек, и громко говорю:

- Гусь! Это ты?- и в ответ получаю:

- Я не Гусь! Я Сокол!

Уф! Значит свой. Встретила я Сокола, посадила на кухне, гроза как раз началась, накормила его, и вместе мы до побудки мазали бутерброды.

Так я познакомилась с будущим старшим скаутмастером Пуськой Уртьевым.

СОДЕРЖАНИЕ

5. РАЗВЕДЧИК ИСПОЛНЯЕТ ПРИКАЗАНИЯ РОДИТЕЛЕЙ И НАЧАЛЬНИКОВ

6. РАЗВЕДЧИК ВЕЖЛИВ И УСЛУЖЛИВ.

7. РАЗВЕДЧИК ДРУГ ЖИВОТНЫХ И ВСЕЙ ПРИРОДЫ

8. РАЗВЕДЧИК БЕРЕЖЛИВ И УВАЖАЕТ ЧУЖУЮ СОБСТВЕННОСТЬ.

9. РАЗВЕДЧИК ЧИСТ В МЫСЛЯХ, ДЕЛАХ, ТЕЛОМ И ДУШОЙ

10. РАЗВЕДЧИЦА ТРУДОЛЮБИВА И НАСТОЙЧИВА.

III. ЛАГЕРЬ – ГОРОД ПОЛОТНЯНЫЙ

IV. МНОГО ВЕРСТ

V. БУДЬ ГОТОВ

VI. НОЧЬ